

история / география / этнография

Дмитрий Расовский

Половцы, торки, печенеги, берендеи

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Дмитрий Расовский

Половцы,
торки, печенеги,
берендеи

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2016

УДК 397.4
ББК 63.3(2)43
Р24

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

Половцам — одной из последних волн тюркской¹ экспансии на запад — особенно не посчастливилось в историографии. Им почему-то менее всего уделяют внимание историки, и, в частности, историки тюркских народов их нередко просто пропускают в своих обзорах. Такое пренебрежение к половцам началось еще с Дегина², лишь вскользь упоминавшего о них в своей знаменитой «Полной истории гуннов, монголов, тюрок и татар» (1756—1758). Но не только историки тюркских народов обходили молчанием половцев. Начавший свою историю в Азии, а завершивший в Европе и Африке, этот народ тем не менее не включается ни в обзоры истории Азии, ни в обзоры истории Европы, ни даже в труды, специально посвященные истории Восточной Европы. Так, мы почти ничего не найдем о половцах ни в «Введе-

Опубликовано:

Глава 1 — *Seminarium Kondakovianum*, VII, Praha, 1935. С. 245—262.

Глава 2 — *Seminarium Kondakovianum*, VIII, Praha, 1936. С. 161—182.

Глава 3 — *Seminarium Kondakovianum*, IX, Praha 1937. С. 71—85;

Seminarium Kondakovianum, X, Praha, 1938. С. 155—177.

Глава 4 — *Seminarium Kondakovianum*, XI, Praha, 1939. С. 95—127.

нии в историю Азии» (1896) Леона Кагэна³, ни в трехтомной «Истории Азии» (1921—1922) Рене Груссе⁴, ни в «Истории Азии и Восточной Европы» (1905) Альбрехта Вирта⁵. Между тем этот кочевой народ играл немалую роль в XI—XIII веках в причерноморских степях и глубоко запечатлел себя в судьбах соседних с ним оседлых государств — Грузии, Руси, Угрии, Византии, Болгарии и даже, после падения своей независимости на юго-востоке Европы, создал целый «мамелюкский период» в истории средневекового Египта.

Наиболее всесторонней сводкой по истории половцев является четырехтомная «История Яс-Кунов» мадьярского историка Иштвана Дьярфаша⁶, труд мало критический и для своего времени, а теперь уже во многом совершенно устаревший, в особенности его первый том, посвященный общей истории половцев (по-мадьярски — кунов); остальные три тома касаются исключительно известий о половцах в Угрии после татарского⁷ нашествия.

В русской историографии, несмотря на то что половцы играли существенную роль в истории Руси XI—XIII веков, мы не имеем надлежащего исследования по их общей истории. Единственная работа в этой области П. Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII вв.»⁸ центр тяжести своего исследования полагала в русско-половецких отношениях, а не в истории самого половецкого народа. Остальная литература о половцах, в общем довольно многочисленная, всегда ограничивалась лишь частными вопросами истории половцев.

Это обстоятельство побуждает меня предпринять такой первый и, как всегда в подобных случаях, нелегкий опыт связанной истории этого кочевого тюркского народа. Трудность такого опыта усугубляется еще тем, что у нас совершенно нет собственно половецких источников и мы всецело зависим от источников тех оседлых соседних государств, с которыми половцы граничили. Свидетельства же эти в огромном большинстве своем преисполнены ненависти и презрения к чуждой им культуре своих соседей-кочевников, что часто делает очень затруднительным их использование. Для истории политической это обстоятельство еще не имеет серьезного значения, но на изучении строя внутренней жизни половецкого

народа, то есть того, что мы зовем его культурой, такой угол зрения наших источников будет сказываться особенно неблагоприятно.

Глава 1. Происхождение половцев

1

Для того чтобы правильно понять прошлое половцев, недостаточно начинать следить за ними со времени появления их в поле зрения европейских оседлых государств, как то обычно делалось, а необходимо постараться проследить их судьбы еще в Азии, начиная с прародины всех тюркских народов.

Необходимо помнить, что половцы в причерноморские степи пришли не новоявленными дикарями; они несли с собой уже много столетий перед тем сложившийся политический и бытовой уклад кочевой орды, в эпоху всетюркского единства имевшей свою славную и героическую историю, несли также, без сомнения, и обрывки различных культурных влияний, которым они подвергались на пути следования с востока на запад. Это особенно надо будет учесть при рассмотрении культурной истории половцев.

Вот почему я позволяю себе сделать небольшой экскурс в область древней истории тюрков, дабы нагляднее представить, в каких условиях слагались и жили те тюркские племена, из которых выделился впоследствии половецкий народ.

Половцы — по языку — были народом тюркского (или, как иначе говорили, турецкого) племени, именно — западной его группы, и являлись потомками тех тюрков, которые первоначально жили на Алтайско-Саянском нагорье, у верховьев Енисея и Оби. Первые сведения об отдельных тюркских племенах начинаем встречать со II века до н. э. в китайских источниках. Об этих племенах китайцы тогда еще говорят вскользь, в связи с гуннами, создавшими в ту эпоху первое известное истории огромное кочевое государство в Монголии от Хингана до Алтая. Гунны, или хунну китайских летописей, вобрали в себя тюркок-кочевников и, вероятно, способствовали разбросу их по степям своей империи, выведя тюркок из их

алтайской прародины*. К концу IV века окончательно разваливается гуннская держава и власть над ее территорией ненадолго переходит к другим кочевникам, известным у китайцев под презрительным прозвищем жуань-жуаней (то есть черви, насекомые). Но к середине VI века тюркские племена уже настолько усиливаются, что, опираясь на китайцев, свергают власть жуань-жуаней, в 552 году окончательно уничтожают их могущество и выходят на широкую самостоятельную историческую дорогу. Продолжая политику предшествующих двух кочевых государств, тюрки, объединяя свои и вбирая в себя чужие племена, создают новую великую кочевую империю, выказывая поразительную способность к экспансии, притом в условиях упорной борьбы с Китаем. VI—VIII века — это героический период истории тюрков, когда ярче всего выступает их национальное самосознание.

Племенем, которое свергло власть жуань-жуаней и объединило большинство тюркских племен, было ту-кюэ китайских летописей**. В короткий срок ту-кюэ создали на огромном протяжении от Хингана до Амударьи кочевую империю, объединяемую единой ханской властью. На востоке они покорили орды киданей; на западе и юго-западе ту-кюэ в 560—580-х годах обрушиваются на осколки гуннов, вытесненных сюда жуань-жуанями и китайцами и известных здесь в это время под именем эфталитов — предков авар.

Усиление тюрков совпало с периодом упадка государственной мощи Китая и, вероятно, только благодаря этому обстоятельству и было возможно. Но с 580-х годов Китай, снова объединенный Суйской династией, начинает с тюрками более чем двухвековую борьбу, идущую с переменным сча-

* Не вхожу здесь в рассмотрение спорного и доселе не разрешенного вопроса о гуннах: были ли они монголы, тюрки или соединением племен обоих народов. — *Здесь и далее постранично, если не указано особо, — примечания автора.*

** Д. Немет (Дьюла Немет; 1890—1976; венгерский востоковед, лингвист, тюрколог, автор первой турецкой грамматики. — *Прим. ред.*) производит это слово из турецкого «turk» — «мощь»; по его мнению, прозвище «мощные», первоначально данное одному роду, перешло затем на весь народ.

ством. Это была самая упорная и героическая борьба, когда-либо ведшаяся объединенными тюрками. Первый натиск тюрков на Китай, еще до его объединения, поставил Небесную империю в положение данника, вынужденного выплачивать победителям колоссальные контрибуции шелком. Но уже в 584 году китайская политика натравливания отдельных тюркских племен друг на друга привела к тому, что тюркское государство раскололось на западную и восточную части.

Восточные тюрки в первое время даже подпали под власть Китая; однако в начале VII столетия они не только освобождаются от этого подчинения, но сами успешно вмешиваются во внутрикитайские дела, сменяют династию и победителями входят в китайскую столицу. Западные же тюрки распространяют в это время свою власть на левый берег Окса (Амударьи), до Мерва, Балха и Индии.

С 630-х годов начинается новое наступление Китая: он снова подчиняет себе восточных тюрков, а государство западных тюрков, благодаря внутренним смутам, в свою очередь раскалывается на две части. Китай отвоевывает у западных тюрков в 648 году Восточный Туркестан, а в 659 году вместе с одним из тюркских племен — уйгурами совершенно уничтожает государство западных тюрков. Собственно тюркской территории, в районе Тяньпаня и к северу от него, была сохранена самостоятельность в управлении под главенством тюркских ханов, исполнявших теперь роль китайских чиновников; области же к югу, до Индии, перешли в непосредственное китайское управление. Двадцатилетие в 660 — 680-е годы — время наибольшего упадка тюрков и торжества Китая. Все свои войны в эту эпоху китайцы ведут исключительно силами подчиненных им кочевников.

Возрождение тюрков началось среди их восточной группы, в районе Хангая, энергией их ханов Кутлука (682—691), Мочжо (691—716) и Бильге (716—734), восстановивших на полстолетия тюркскую империю под главенством тукюэ и снова вернувших себе земли западных тюрков. Но в 745 году окончательно падает государство восточных тюрков, уничтоженное тюркским же племенем — уйгурами.

Уйгуры, имея свой центр на Орхоне, могли сохранить власть только над территорией восточных тюрков, тогда как

в западнотюркских землях она перешла к ряду отдельных тюркских племен. Уйгурское государство просуществовало около столетия и представляло собою последнее большое государственное соединение тюрков в Азии. За это столетие Китаю в последний раз приходится испытать на себе силу этих кочевников, в годы удач хозяйничавших в обеих столицах Китая. В 840 году приходит конец державе уйгуров, сломленной их же сородичами — киргизами, а вместе с нею и конец тюркской гегемонии в Монголии, так как киргизы вскоре ушли обратно на север.

В VI—VII веках не прекращалось движение западнотюркских племен на юг, запад и юго-запад, в сторону Джунгарии, Семиречья и обоих Туркестанов. Западнотюркское государство объединяло под главенством западной части племени ту-кюэ тюркские племена: дулу (как считают — предков болгар), тюргешей, карлуков и, вероятно, кимаков; в восточнотюркское государство входила другая, восточная часть ту-кюэ, живших по Селенге, и тогуз-угузы, или уйгуры. Восстания некоторых племен и отложение их от ту-кюэ много способствовали ослаблению западнотюркского государства. Постепенно власть здесь переходит от ту-кюэ к тюргешам (племени, очевидно выделившемся из ту-кюэ и близким им по крови), имевших две главные ставки — в Таласе, западнее Яксарта, и в Суябе, на реке Чу. Эти же смуты привели, наконец, и к покорению всего западнотюркского государства Китаем в 740 году. Но в 751 году падает и китайское влияние — перед напором на Туркестан с юга новой силы — арабов.

Арабы, начавшие проникать в Южный Туркестан еще в конце VII века, в первой половине VIII века перешли Окс и подчинили себе Бухару, Самарканд, Хорезм, Фергану, Кеш, Кашгар — очаги старой иранской культуры, и прилегающие земли со смешанным ирано-тюркским населением, ввели ислам и присоединили эти южнотюркские земли к своей Хоросанской провинции со столицей в Мерве. Эта культурная область по верхним течениям Окса и Яксарта стала называться у арабов Мавераннахром. Хозяевами же Северного и Северо-Восточного Туркестана стали три тюркских племени: карлуки, огузы и уйгуры.

Карлуки жили севернее тюргешей и, выйдя с Алтая в VII веке, кочевали, кажется, западнее Тарбагатая; в 766 году они взяли ставку тюргешских ханов на реке Чу-Суяб и овладели всем Семиречьем и восточной (верхней) частью течения Яксарта. Огузы (тогуз-гузы, или просто гузы), кочевавшие до того у Иссык-Куля, продвинулись на запад и образовали самостоятельное кочевое государство по низовьям Сырдарьи. Здесь они вошли в непосредственное соприкосновение с жителями оседлого Мавераннахра и Хорезма, торговали с ними, оседали на пограничье, вели сторожевую службу у мусульман, обороняя их от своих же сородичей — тюрок, как и позже на киевском пограничье их потомки — черные клобуки, в состав которых прежде всего входили торки, печенеги, берендеи и ковуи.

После падения в 840 году уйгурского государства на Орхоне эта ветвь тюрок частью подчинилась Китаю и осела на его северной границе у склонов Наньшаня, частью же ушла на юго-восток Джунгарии и, постепенно распространяясь по этой стране, создала здесь новое уйгурское государство, известное у арабов под именем тогуз-уйгурского; это славившееся своей высокой культурой, по сравнению с остальными тюрками, государство просуществовало четыреста лет, до самого монгольского нашествия.

Севернее огузов, живших у низовьев Сырдарьи, кочевали печенеги, а где-то около печенегов, по-видимому, еще севернее в киргизских степях и у верховьев Иртыша, жили кимаки и киргизы.

Печенеги были, вероятно, родственны огузам*. Где-то неподалеку от огузов помещает печенегов и древнейший арабский источник — Ибн Хордадбех⁹. Они соседствовали, вероятно, до конца VIII или начала IX века, когда печенеги двинулись на запад (под давлением других тюркских племен) и, обойдя с севера Аральское море, вышли в приуральские степи. Если не считать дулу-болгар, выселившихся много раньше с гуннами в Причерноморье, то это был первый выход тюрок в Европу.

* В. Бартольд предполагал даже, что печенеги могли быть родом огузов.

Огузы, а с ними, как предполагал Бартольд¹⁰, может быть, и печенеги* были потомками ту-кюэ, принадлежавших к срединной языковой тюркской группе, или, как она зовется у филологов, — южной, или туркменской. Считается вероятным, что еще в эпоху совместной жизни тюрок на Алтайско-Саянском нагорье определилось разделение тюркского языка на три группы: восточную, срединную (в будущем «южную») и западную. К западной относятся дулу, кимаки, киргизы, к срединной — ту-кюэ, с выделившимися из них тюргешами, огузами, печенегами и торками, к восточной — уйгуры. На запад огузы и близкие им по крови племена попали, вероятно, еще в эпоху существования тюркской империи, когда преобладание в ней находилось в руках ту-кюэ, распространивших свою власть на все тогдашние тюркские племена от Орхона до Туркестана. Перемешиванием племен и объясняется, по утверждению Бартольда, то обстоятельство, что печенеги и торки — племена центральной тюркской языковой группы — выступили на запад, в Европу, прежде половцев, принадлежавших к западнотюркской языковой группе и, следовательно, первоначально в прародине тюрок занимавших пространства более западные, чем те, которые занимали предки печенегов и торков — ту-кюэ.

2

Появление на исторической сцене половцев является одним из сложнейших вопросов тюркской истории. Главная причина тому та, что кочевой народ нередко меняет свое имя, что зависит от того, какая из групп данного народа является в нем господствующей. Это явление осложняется, когда кочевой народ покоряется какой-нибудь ордой совсем иной народности; такая орда быстро растворяется среди покоренного ею племени, не внося в его основную массу серьезных этнических и языковых изменений, но зато давая ему свое

* В. Бартольд родственниками огузов считал и берендеев на основании того, что у огузов был род баяндыр. Не отрицая возможности родства огузов с берендеями, нельзя, однако, делать подобный вывод на основании этого факта, так как этимологически берендеи восходят к турецкому имени Берен, а не Баяндыр.

имя. Классическим примером подобного рода может служить история половцев.

С давних пор и русским и западноевропейским историкам много хлопот создавали половцы тем, что в русских, арабских, армянских, византийских, мадьярских и немецких источниках они упоминаются под различными именами: у русских — половцы, у арабов и вообще в мусульманской письменности — кыпчаки, кафчаки, у армян — хардеш, у византийцев — куманы, у мадьяр — куны, куманы, а также палочи (палоц), у немцев — фалоны, фальбы или, как в остальных западноевропейских источниках, — команы, куманы. Поляки и чехи знают половцев и в русском наименовании (только обычно без русского полногласия) — плавцы и палочи и в общелатинском — команы.

Такие названия, как «половцы» — «плавцы» — «палочи», «фальбы» и «хардеш», не являются этническими, а служат лишь для объяснения внешнего вида народа; на всех трех языках — русском, немецком и армянском это одинаково означает: «бледновато-желтый, соломенно-желтый» — имеется в виду цвет волос этого народа*.

* Объяснение «половец» от «половый», то есть «изжелта-белый, желтоватый» (а не от «поле», как предполагали раньше), впервые предложил А. Куник (Арист Аристович Куник; 1814–1899; российский историк, лингвист. — *Прим. ред.*); ср. *ц.-сл.* «плава» — солома и прилагат. «плавый», *др.-русск.* «половый» и *plavu, plowu* и *половый* в современных чешском, польском и русском языках. Долго оспариваемая, эта конъюнктура теперь окончательно принята. Интересно отметить, что принятию такой этимологии мешало убеждение, что половцы не могут быть белокурым народом! Особого мнения держался А. Соболевский (Алексей Иванович Соболевский; 1856–1929; российский лингвист, палеограф, историк; член Императорской академии наук. — *Прим. ред.*), признававший, что название «половцы» происходит от слова «половый», но самое это слово понимавший как «синий» — на том основании, что *укр.* «половый» иногда употребляется для названия волов голубоватого цвета. «Половой» или «синей», по Соболевскому, должно было быть название одной из половецких орд (подобно существовавшим татарским «синим» ордам), давшей имя всему народу.

Не придает ясности для нахождения собственного имени половцев сопоставление и других их названий: куны-куманы-команы и кыпчаки. Как ничего не дает нам слово «кун» («большой, могущественный»), так ничего не дает в данном случае и слово «кыпчак», объясняемое из турецкого языка то как «пустой», «дуплистый», то как «гневный» и «яростный».

Долгое время усилия историков направлены были лишь на доказательство тождества народа, известного по различным источникам в столь различных названиях. Только в 1914 году немецкий востоковед Иосиф Маркварт¹¹ первый посягнул, в своем подавляющем эрудицией труде «Über das Volkstum der Komaneen», разрешить вопрос — почему же, собственно, половцы носили столь разнообразные имена? Вопрос оказался настолько сложным, что при всей своей эрудиции Маркварт не смог дать обстоятельного ответа, запутавшись в собственных противоречиях и предложив лишь ряд смелых гипотез.

Основные положения Маркварта сводятся к следующему. Предками половцев были кимаки, народ тюркского племени, живший первоначально на верховьях Иртыша, несколько к юго-западу от общетюркской прародины — Алтайско-Саянского нагорья, среди своих соплеменников, принадлежавших, как и он, к западнотюркской языковой группе. Но кимаки, когда мы впервые узнаем о них — а древнейшие мусульманские известия об этом народе восходят к середине IX века, — уже тогда были покорены какими-то монгольскими выходцами. Случилось это, по предположению Маркварта, еще в VII веке. Исходным пунктом для такой гипотезы ему послужило известие о монгольском происхождении кимаков у персидского историка XI века Гардизи¹².

С середины X века племенное имя кимаков исчезает, и Маркварт объясняет это тем, что они были покорены еще одной ордой, также монгольского происхождения, — кунами. Эти куны и вывели половцев-кимаков в Европу в середине XI столетия. Именно монгольскому господствующему классу Маркварт приписывает организацию большого движения на запад половецкой орды, значительно более сильное, чем предшествовавшие подобные движения других тюрков — печенегов и торков. Найти, однако, прямые исторические известия о подчинении кимаков кунами Маркварту не удалось, и он удовлетворяется рядом косвенных указаний.

Действительно, у Бируни¹³ (XI век) и у Якута¹⁴ (XIII век), использовавшего первого, и независимо от них у Мухаммеда Ауфи¹⁵, писателя также XIII века, но, по предположению Маркварта, использовавшего более древние источники, мы встречаем имя народа «кун». У Бируни — Якута куны упоминаются вместе с другим народом, кайями, как самые восточные тюркские племена тогдашнего географического горизонта арабов; жили куны восточнее киргизов и соседствовали на востоке с китаями (кытаями, киданями) — народом, обитавшим у северных границ нынешнего Китая и давшим впоследствии свое имя всему государству. Про прошлое кунов, которые иначе еще называются маурка, Мухаммед Ауфи говорит, что они вышли из Китая, оставив там из-за тесноты свои пастбища. Самих же кунов Маркварт, посредством сложных филологических комбинаций, этнически считает монголами. Хотя Бируни и Ауфи ничего не говорят о времени, когда произошло выселение кунов из земли китаев, Маркварт склонен отнести его к X веку, то есть ко времени, когда как раз исчезают упоминания о кимаках и когда, по предположению немецкого ориенталиста, кимаки и были покорены кунями. Отголосок пребывания кунов среди китаев Маркварт видит в имени Кита, Китанопа у половецких ханов, а отражение у половцев названия кунов — в мадьярском названии половцев — «кун» и в имени половецкого хана Кунуя (Кун-уй).

Наконец, полтора столетия спустя, уже около 1120 года, происходит новое, третье по счету и последнее, внедрение чуждого этнического элемента в половецкий народ, и опять монгольского происхождения — кыпчаков. Это объяснение Маркварта покоится на «Юань-ши», официальном китайском источнике монгольской династии, который приводит биографию одного потомка кыпчакских ханов, крупного военачальника в армии Кубилая. В биографии рассказывается, как предок этого кыпчака Кукчук, выслевшись со своей ордой из района, который Маркварт расшифровывает как северопекинский, ушел на запад и обосновался, судя по сопоставлению с другим китайским источником эпохи монгольского нашествия — «Ганму», в предгорьях Урала, то есть в районе, который в то время был одним из центров половцев, и стал там основателем кыпчакского государства. Происходил Кукчук из племени хи, родственного киталям. Вычисляя время

жизни первого из перечисленных «Юань-ши» предков монгольского полководца-кыпчака, Маркварт приходит к выводу, что появление Кукчука Кыпчакского в предгорьях Урала совершилось около 1120 года. Подтверждение своей теории Маркварт видел в том, что в 1120—1121 годах кыпчаки впервые, по его мнению, «активно выступили в истории», «предпринимая далекие военные и грабительские походы» в Грузию; об этих походах действительно рассказывает нам Ибн аль-Атир¹⁶ и называет здесь половцев кыпчаками. Кукчук, по мнению Маркварта, дал лишь новое, монгольское или маньчжурское, имя половецкому народу, сами же пришельцы быстро отуречились, и так как их, вероятно, было немного, то они не повлияли на этнический состав половцев и не изменили их языка. Совершились эти события без особенного шума, кыпчаки остались в Приуралье, а западные половцы, распространившиеся к тому времени до границ Киевской Руси, Угрии и Византии, признали над собою новую династию. Вот почему в византийско-славянском мире (а также и в Угрии) не заметили совершившегося переворота и продолжали называть половцев куманами, кунами или половцами, тогда как мусульманский мир, бывший ближе к месту событий, с этого времени знал половцев исключительно под именем кыпчаков.

Маркварта не смущало то обстоятельство, что кыпчаки и ранее 1120—1121 годов упоминаются у мусульманских писателей. У Ибн Хордадбеха (середина IX века) о кыпчаках говорится, что они живут к юго-западу от Алтайско-Саянских гор, около киргизов; протоисточник Гардизи и Аль-Бакри¹⁷, восходящий также к середине IX века, упоминает кыпчаков как северных (или восточных) соседей печенегов. Но так как у ряда других мусульманских писателей, например у Масуди¹⁸, Хаукаля¹⁹, Ауфи, в другом источнике Гардизи, кыпчаки не упоминаются, а на их месте, при перечислении тюркских племен, стоят кимаки, Маркварт делает вывод, что в позднейших мусульманских источниках кыпчаки и кимаки смешивались, а более ранние упоминания кыпчаков — суть позднейшие интерполяции. Таковы чрезвычайно сложные ответы, даваемые немецким ученым на не менее сложную историческую загадку о происхождении половецкого народа и о его различных именах.

Как бы ни была несовершенна теория Маркварта о трехкратном вторжении монгольских элементов в основную массу половцев-тюрок, она сейчас единственная, которая вообще пытается как-то объяснить не имевший до сих пор никакого объяснения факт различных названий половцев, и, вероятно, эта теория еще долго будет служить, покуда обработка восточных (мусульманских и китайских) источников не принесет чего-либо нового. Главное, где теория Маркварта прежде всего нуждается в исправлении, — это в ее хронологических построениях.

Уже покойный Бартольд в пространной рецензии на труд Маркварта указал, что ему осталось неизвестным бесспорное упоминание о кыпчаках в Туркестане много ранее 1120—1121 годов — в 1030-х годах у персидского поэта Насира Хосрова²⁰. Это как будто реабилитирует еще более ранние известия о кыпчаках у Ибн Хордадбега, Гардизи, Аль-Бакри. Не обратил внимания Маркварт также и на то, что участие половцев в грузинской войне 1120—1121 годов, когда они якобы впервые выступили под именем кыпчаков, было вовсе не проявлением их самостоятельной экспансии под руководством новой монгольской династии, а лишь участием в качестве наемников в походах грузин, после того как им пришлось выселиться из придонских степей к кавказским предгорьям в результате разгрома Владимиром Мономахом. Трудно также было бы согласиться, чтобы русская летопись совершенно не отметила такого существенного факта, как покорение половцев в 1120 году новою ордой — кыпчаками*. Наконец, уже после выхода труда Маркварта стало известно сочинение Махмуда Кашгарского²¹, написанное в 1073 году, в котором этот ученый араб говорит о кыпчаках как об одном из ближайших к Византии тюркских племен, живших где-то между печенегами и огузами. Все это заставляет отодвинуть на одно, а может быть, и более столетия констати-

* Под 1116 годом в русской летописи рассказывается, правда, о смутах у половцев и о восстании против них осколков торков и печенегов, оставшихся в степях; но это восстание объясняется желанием торков и печенегов воспользоваться ослаблением половцев вследствие ряда поражений, нанесенных им русскими.

рование у половцев имени кыпчак и позволяет допустить, что кыпчаки уже издавна были одним из родов половцев (то есть кимаков-кунов) и что гегемонии над кимаками-кунами они достигли к середине IX столетия, когда начали вытеснять с низовьев Сырдарьи огузов и продвигаться к причерноморским степям.

Если гипотеза Маркварта (без ее хронологической стороны) о трехкратном омонголивании половцев и верна, то и он сам признавал, что эти монгольские волны были не настолько многочисленны, «чтобы существенно влиять на этнический состав населения» основной массы половцев «или изменить существовавшие там языковые отношения»*.

Это совершенно правильное утверждение об отсутствии монгольских элементов у половцев, которое, замечу кстати, все же довольно трудно примирить с основной мыслью Маркварта о столь усиленном, трехкратном проникновении монгольского элемента в половецкий народ, находит себе полное подтверждение как в тюркской чистоте половецкого языка (в смысле отсутствия в нем монголизмов), так и во внешнем виде половцев, ничего в себе монгольского не заключающего.

К рассмотрению внешнего вида половцев теперь и перейдем.

3

Все источники, описывающие внешний вид половцев, единогласно сходятся в характеристике их как народа рослого, стройного, красивого и светловолосого.

У Аль-Омари²² узнаем, что половцы были красиво сложенными, с правильными чертами лица; неоднократно слышим о красоте половецких женщин: их воспел персидский поэт Низами²³, восхищавшийся белизною их кожи; красотой одной половецкой хатуни, как пишет Ибн аль-Атир, пленился ширваншах²⁴; о красоте другой, дочери хана Отрока и внучке хана Шаруканя, ставшей женой грузинского царя Давида II, говорит грузинская летопись. Наконец, если даже справед-

* J. Marquart. Über das Volkstum der Komanen. Leipzig, 1914. S. 137.

ливо заподозрить персидского поэта в некоторой риторике при описаниях им красоты половецких женщин, то нельзя этого сказать про беглое, но, очевидно, совершенно правильное замечание автора «Слова о полку Игореве» о «красных девках половецких», взятых в плен русскими*. Из русских летописей известен эпизод, когда одна русская княгиня (внучка Владимира Мономаха) бежала из Руси к половцам, чтобы выйти вторично замуж за язычника, хана Башкорда.

Все это говорит за привлекательную наружность половцев для арийского глаза (русских и персов), который совсем иначе воспринимал обычный тюркско-монгольский тип, как пишет Аль-Утби²⁵, «с широким лицом, маленькими глазами, плоским носом и малым количеством волос в бороде».

Но самым для нас существенным в описании внешнего вида половцев является их белокурость или рыжеватость. Интересно прежде всего отметить удивительную тождественность в наименовании этого народа русскими, армянами и немцами — названия «половцы», «хардеш», «фальбы» отражают один и тот же признак белокурости, о чем я уже говорил выше. Надо признать, что они возникли, по всей вероятности, совершенно самостоятельно у каждого народа. И уже совершенно независимо упоминание китайского источника, что у кыпчаков — голубые глаза и «красные» (по другому переводу — рыжеватые) волосы**. Кроме того, известно, что один из мамелюкских вождей в Египте Шемс-ад-Дин-Сонкор, кыпчак родом, был рыжеволос. Из современной этнографии добавим, что в живущей в Румынии народности чанго венгерские исследователи по определенным фонетическим признакам видят прямых потомков половцев; и как раз чанго являются светловолосыми блондинами: «их антропологической характеристикой до сих пор могут служить бело-

* Что «девкы половецкыя» ценились русскими и составляли одну из статей подарков половецких ханов, видно из событий 1223 года, когда Котян делал подарки русским князьям: «Дары принесе многы, кони, вельбуды и буйволы и девкы и одари князей русьских» (Троицкая летопись под 1223 годом).

** История первых четырех ханов из дома Чингисова / пер. с кит. монаха Иакинфа (Бичурина). СПб. 1829. С. 273—274.

курые волосы, иногда светлые, как лен, иногда с рыжеватым оттенком, нередко выющиеся, и голубые глаза»*.

Маркварт, разбирая вопрос о белокурости половцев и о наличии в древности некой белой расы в Азии, подвергнув критике все существовавшие до него на этот счет мнения и отвергнув их все, сам не высказал каких-либо определенных соображений. Но рецензент на его труд, синолог Поль Пеллио²⁶, допускает связь половцев с предполагаемой белой азиатской расой. Еще решительнее в защиту этой теории встал Г. Е. Грумм-Гржимайло²⁷, защищающий мнение, что аборигенами Северного Китая были динлины, народ белой расы, к IV веку окончательно вытесненный китайцами на север за Гоби, где он и смешался с тюркскими племенами. Характерными признаками воссоздаваемой Грумм-Гржимайло белой расы Азии являются: высокий рост, прямые носы, светлая кожа, голубые глаза и светлые волосы. Поэтому, заключает этот исследователь, светловолосость половцев «указывает если не на то, что они были отуреченными динлинами, то во всяком случае на значительную в них примесь динлинской крови»**.

Как бы скептически ни относиться к теории о белой расе Азии, однако нельзя обойти таких издавна известных фактов, как рыжеволосость, голубоглазость и белый цвет кожи древних киргизов, отмеченных как китайцами, так и мусульманскими писателями, например Гардизи (припомним, что половцы были как будто ближайшими соседями киргизов на алтайской прародине), и ряд подобных свидетельств древних китайцев об уйгурах, киданях и др. Эти свидетельства должны быть поставлены в связь с белокуростью и голубоглазостью половцев для решения спорного вопроса о нетюркских этнических элементах древних тюркских племен.

Но, как бы ни было сложно этническое прошлое половцев, покоящееся, может быть, и на нетюркской основе, только впоследствии отуреченной и затем испытывавшей на себе троекратное привхождение монгольского элемента, — все же с безусловной определенностью можно утверждать, что при

* B. Munkácsi. Komanischer Ursprung der Moldauer Tschango. Keleti Szemle, III. 1902. S. 249.

** Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. II. С. 57—59.

выходе своем в середине XI века в причерноморские степи половцы по языку были уже чистыми тюрками*, а по культуре — типичными кочевниками.

Глава 2. Расселение половцев

1

В предыдущей главе я указывал на связь, которую усматривал Маркварт между племенами кимаков и кыпчаков. Мнение Маркварта теперь можно считать окончательно принятым в востоковедении. Кимаки, известия о которых восходят к середине IX века, были в это время одним из самых северных тюркских племен**. Они состояли из двух племен: кыпчаков

* Именно — западнотурецкой языковой группы. Памятниками половецкого языка служат: Codex Cumanicus — латино-персидско-половецкий словарь конца XIII — начала XIV века из причерноморских итальянских колоний; арабско-турецкий словарик середины XIII века, составленный в Египте, куда половцы в большом количестве проникали из южнорусских степей после татарского нашествия, образовав мамелюкскую гвардию при дворе египетских султанов; два подобных же словаря: автор одного, написанного в 1313 году, — араб из Испании Абу Хайяан аль-Гарнати, другого (первая половина XV века) — Абу Мухаммед Абд Аллах ат-Турки; отрывок половецко-русского словаря (вероятно, не ранее второй половины XIII века), отрывки христианских молитв половцев, бежавших от татарского нашествия в Угрию и там крестившихся; собственные имена половцев, встречаемые в русских и мадьярских летописях и актах и у арабских историков мамелюкского периода Египта; неопубликованная, происходящая из Египта половецкая поэма XIII века «Хосров и Ширин», ряд переводов на половецкий язык, сделанных в Египте; памятники письменности XVI—XVII веков каменец-подольских и львовских армян, усвоивших половецкий язык, и, наконец, живой язык караимов Литвы и Галиции. О языке половцев и его отношении к другим древнетюркским языкам сообщает, впрочем очень кратко, Махмуд Кашгарский. Специального всестороннего исследования о половецком языке мы не имеем.

** Древнейшее известие о кимаках сохранилось у Гардизи. Маркварт считает, что источник, использованный Гардизи, восходит к концу VIII столетия. У того же Гардизи находится описание путешествия в землю кимаков, которое Маркварт относит к началу X века.

и емеков (имаков). Подтверждение тому, что кимаки включали в себя два племени, Маркварт видел и в самом их имени, которое он объяснял из «ики-емека», то есть «два емека». Кыпчаки жили западнее, емеки — восточнее. Распространяясь постепенно на запад, кимаки в X веке, во время своих летних кочеваний, переваливали даже за Урал и доходили до низовьев Камы. С середины X века имя кимаков окончательно исчезает; они, очевидно, были поглощены кыпчаками*. Махмуд Кашгарский, писавший в 1073 году, не знает кимаков: вместо них он говорит о кыпчаках и емеках, причем емеки к этому времени оказываются уже в подчинении у первых. С начала XIII века начинает выдвигаться новое племенное образование половцев — канглы, кочевавшие на восточной окраине тогдашнего половецкого мира — у среднего течения Иртыша, то есть близко к области прежних кочевий кимаков**.

* А не кунами, как считал Маркварт, основываясь на ошибочном чтении Ауфи.

** Махмуду Кашгарскому (вторая половина XI века) канглы как племя еще не известны; при нем этим именем половцы называли у себя людей высокого роста. Впервые как племя канглы упоминаются во второй половине XII века в китайских источниках как живущие где-то у Иртыша; в начале XIII века часть канглов живет и южнее, между Таласом и озером Иссык-Куль, где у них было самостоятельное владение, о чем мы узнаем от Джувейни (1226—1283; персидский государственный деятель, историк, автор труда «История мирозавоевателя». — *Прим. ред.*). Здесь мы находим канглов и в эпоху монгольского нашествия, о чем сообщает Абулгази (1603—1664; хивинский хан, автор двух исторических сочинений. — *Прим. ред.*). Часть канглов, благодаря женитьбе хорезмшаха Текеш-хана на канглской княжне, переселилась в конце XII века в Хорезм. На северо-востоке, у Иртыша, канглы в начале XIII века соседствовали с найманами. Канглы были настолько близки кыпчакам, что мусульманские источники смешивали их друг с другом. О канглах как о «родственниках» куманов-половцев прямо говорит Рубрук (ок. 1220 — ок. 1293; фламандский монах-францисканец, автор книги «Путешествие в восточные страны»; в 1253—1255 годах совершил путешествие к монголам. — *Прим. ред.*): «Команы, называющиеся канглы»; о них (под именем кангитов) см. еще у Плано Карпини (1182—1252; итальянский монах-францисканец; первый из европейцев посетил Монголию и оставил описание своего путешествия. — *Прим. ред.*).

Южнее кимаков, главным образом в юго-западной части среднеазиатских степей*, располагались огузы (гузы, узы, они же торки русских летописей) вместе с немногочисленным, но игравшим впоследствии немалую роль в истории Руси племенем берен (берендеи, берендичи русских летописей, Berend, Berencs — мадыарских источников). До тридцатых годов XI столетия огузы были преобладающим тюркским племенем в Средней Азии, занимавшим в IX—X веках огромные пространства от Приуралья до среднего течения Сырдарьи; на северо-западе летовища огузов достигали низовьев Камы, где огузы соприкасались с летними кочевьями кимаков; на юге огузы примыкали к мусульманскому пограничью, почему мусульманские географы X века среднеазиатские степи называли «степью гузов». Центром же огузов были низовья Сырдарьи. Здесь, вероятно, находились главным образом зимовья огузов.

Огромность пространств таких кочевий обуславливалась двумя причинами: особенностями климата и почвы среднеазиатских степей и колоссальными размерами кочевых хозяйств. Климатические условия среднеазиатских степей таковы, что весной наиболее благоприятные условия для кочевания создаются на юге, где ранее всего появляется трава; но по мере выжигания солнцем травы кочевники вынуждены искать лучших пастбищ все более и более на севере, где благоприятные условия для кочевания наступают позже, зато и держатся дольше. На зимовки же кочевникам надо возвращаться на юг, где из-за менее глубокого снега легче теневеть, чем на севере, и где раньше появляется весенняя растительность. Сколь велики были хозяйства огузских богачей, узнаем из мешхедской рукописи Ибн аль-Факиха²⁸, упоминающей о владельцах 100 000 баранов**. Оба эти фак-

* Под среднеазиатскими, ныне казахскими, степями мы имеем в виду Степной край, или Степное генерал-губернаторство времен Российской империи, в которое входило три области: Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская; теперь — Казахстан.

** Ибн-Баттута (1304—1377; арабский купец, объехавший все страны исламского мира; автор книги «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий». — *Прим. ред.*) в XIV веке со-

тора — климатический и хозяйственный — определяли необходимость далеких перекочевков; вполне допустимо предположить, что так как все лучшие пастбища северного пояса среднеазиатских степей (лесостепи и ковыльных степей) были заняты кочевьями кимаков, то огузам приходилось на летовища передвигаться не на север, а на северо-запад, за Урал*. Таким образом, очевидно, создавалась известная закономерность, в силу которой кочевникам южной полосы среднеазиатских степей, при их зимовьях на реках Сырдарье и Чу, у мусульманского пограничья, — на летовища приходилось перебираться за Урал, к низовьям Камы. О наличии этой закономерности мы можем судить по тому, что и сто лет спустя после известия Истахри²⁹ о кочевании огузов, в 1043 году мы снова узнаем о подобных же перекочевках неназванного по имени Ибн аль-Атиром тюркского народа, зимовья которого были у Баласагуна на реке Чу, а летовища все в тех же степях у низовьев Камы.

В непосредственном соседстве с огузами, где-то к северу и, может быть, к северо-западу от Аральского моря, кочевали печенеги. Очень возможно, что они до известной степени преграждали огузам перекочевывание на летовища прямо на север. Печенеги и открыли в конце VIII или в начале IX века великое движение тюрков на запад.

Но прежде чем переходить к изложению передвижений печенегов, торков и половцев на запад (а последних отчасти и на юг), необходимо сделать одно общее замечание касательно этих передвижений, указать на одно обстоятельство, интересное для русской истории, на которое до сих пор не обращалось должного внимания, а именно: движение этих

общает о 10-тысячных табунах богатых кочевников Причерноморья. Хозяйства в 10 000 лошадей и в 20 000 овец существовали у современных обитателей среднеазиатских степей — казахов — еще в начале XIX века.

* Маркварт, впрочем, полагал, что летовища огузов могли быть и на севере, у границ кочевий кимаков; он заключал об этом на основании некоторой осведомленности огузов о верхнем течении Иртыша и о кочевавших там кимаках, что могло, по Маркварту, быть следствием соседства летних кочевий обоих племен в этом районе.

трех тюркских племен шло очень широкой полосой, захватывая огромные степные пространства и не ограничиваясь одними «азиатскими воротами» между северным побережьем Каспийского моря и Южным Уралом, как то обычно представляется. В действительности это движение шло на всем протяжении степной полосы, доходя на севере до границ лесостепи, то есть до среднего течения Ишима, Тобола, и выходя в Европу через склоны Южного Урала на реку Белую и нижнее течение Камы, до бассейна Черемшана, а на правом берегу Волги забирая к верхнему течению Дона и Донца и по тому же лесостепному пограничью достигая бассейна Днепра. Только так представляя себе это тюркское передвижение, можно понять, почему торки и берендеи будут упоминаться в русской истории в Среднем Поволжье еще задолго до того, как эти кочевники окажутся в приднепровских степях под Киевом, и только тогда получает свое наиболее естественное объяснение наличие торкских и берендейских поселений в Ростово-Суздальской Руси и у камских болгар, вблизи лесостепного пограничья, которым торки и берендеи проходили в X—XI веках.

2

Печенеги, как я уже сказал, были тем первым народом, который открыл великое движение тюрков на запад. К выселению своему из приуральских степей печенеги были вынуждены, если верить Масуди, нападениями на них кимаков, огузов и карлуков (последние жили восточнее огузов в долине реки Чу). На то, что движение печенегов было действительно вынужденным, показывает как будто и тот факт, что в тылу у них во все время их дальнейшего движения в IX и X веках находились огузы, беспрестанно на них наседавшие.

У нас нет сведений для определения времени начала печенежского движения. Р. Рёслер³⁰ относил его к концу VIII века, хотя оно могло быть и позже, в первой половине IX века. К середине этого столетия мы видим печенегов разделившимися на всем огромном пространстве европейского Приуралья. Что движение печенегов не шло лишь узкой полосой

приаральских и прикаспийских степей, показывает одно место у Аль-Бакри, на которое до сих пор не было достаточно обращено внимания. «Длина их страны, — сообщает арабский географ о печенегах, — 30 дней пути, а ширина столько же». Вестберг³¹, который счел вполне возможным принять это сообщение, рассчитал, что 30-дневный путь будет равен 900 верстам, и определил на этом основании территорию печенегов описываемого времени с востока на запад: от реки Урала до бассейна Дона. «Ширина» владений печенегов Вестберга не заинтересовала. Мне представляется, что к определению Аль-Бакри «ширины» владений печенегов можно отнестись более скептически, чем к его определению длины, так как если отмерить 900 верст даже от низовьев Волги, то уже в таком случае мы попадаем на север в низовья Камы; но при отмеривании с юга надо исходить из более северных точек, чем низовья Волги, во всяком случае, не южнее Царицына³², так как, по сообщению того же Аль-Бакри, хазары находились к югу от печенегов, чего не могло бы быть, если бы печенеги располагались у устьев Волги, где, как мы знаем, была и столица хазар — Итиль. Но как бы осторожно ни относиться к свидетельству Аль-Бакри о тридцатидневной ширине владений печенегов, все же несомненно, что они простирались далеко на север*. Од-

* Маркварт, который вопреки Вестбергу определял положение печенегов много восточнее, замечает, что 30 дней в ширину по земле печенегов надо полагать «по Уралу». Гардизи и Ибн Руста (перв. пол. X в.; персидский ученый-энциклопедист; в его книге «Дорогие ценности» содержатся древнейшие в дошедшей до нас арабской географической литературе описания народов Восточной Европы. — *Прим. ред.*) говорят о болотистости и лесистости земли печенегов, а аноним Туманского (анонимный персоязычный трактат «Пределы мира от востока к западу», открыт в 1892 году Александром Григорьевичем Туманским (1861—1920) — востоковедом, военным переводчиком. — *Прим. ред.*) упоминает Печенежские горы; об этих горах мы будем затем слышать от Идриси (1100—1165; арабский географ. — *Прим. ред.*). Под печенежскими горами вряд ли можно подразумевать Урал, как то хотел Маркварт, так как трудно себе представить, чтобы кочевники могли постоянно располагаться на Урале; скорее всего, это была Волжская возвышенность с ее Жигулевскими горами или возвышен-

нако до Камы печенеги не доходили, так как из того же Аль-Бакри мы знаем, что печенеги на севере имели своими соседями половцев, которые не могли бы кочевать севернее Камы, то есть на ее правом берегу из-за его лесистости. Таким образом, движение в Европу печенегов, а затем и торков и половцев шло не только с востока на запад (по прикаспийским и причерноморским степям), но также с северо-востока на юго-запад; пространство, захватываемое кочевниками, представляло как бы треугольник, который на западе вклинивался своей вершиной в южнорусские степи, а основание имел на востоке, от Аральского и Каспийского морей до Среднего Урала.

Еще прежде, чем Киевская Русь в начале X века была вынуждена принять на себя напор первых тюрков — печенегов, участь стать заслоном от тюркского кочевого мира выпала Болгарскому каганату, который уже с середины IX века оказался лицом к лицу перед кимаками-половцами, узами-торками, берендеями и печенегами.

Болгарский каганат, сложившийся на Средней Волге и низовьях Камы уже к началу VII века, представлял собой прочное государственное образование, с развитой земледельческой и промышленной культурой, широко налаженной торговлей, с целым рядом зависимых от болгар финских народов, вовлеченных в хозяйственную жизнь этого государства, — таких, как мурома, мордва (мокша и эрзя), буртасы (мишари), пермь, югра, вотяки, черемисы, башкиры. Ядром Болгарского каганата, его государственно-организующей силой, была, как известно, немногочисленная, из пятисот семейств состоявшая, тюркская орда, выселившаяся из своей алтайской прародины, — перевалив через Урал, она подчинила себе местное оседлое земледельческое финское население и долго с ним не смешивалась. Еще в IX веке эта главенствующая тюркская орда вместе со своим каганом была

ность Общий Сырт. Что печенеги были много севернее Каспийского моря, считал и Фр. Вестберг; непосредственное соседство печенегов с буртасами и вятичами приводило Вестберга к заключению, что кочевья печенегов доходили уже тогда (в середине IX века) до Средней Волги.

типично кочевой среди городского и земледельческого финского населения*, что не мешало, однако, государственной сплоченности Болгарии.

Основная, собственно болгарская территория ограничивалась лишь обоими берегами Нижней Камы, бассейном Черемшана и течением Волги между устьями этих рек, но «сфера влияния» болгар простиралась далеко на север (в «Заволоцскую Чудь», Югру), запад (мурома по Оке), юго-запад (мордва, буртасы) и особенно на восток (пермь, вотяки), переваливая за Урал и по границе лесостепи проникая в область среднего течения Тобола, Иртыша и Оби (башкиры и др.). Все эти зависимые от болгар народы были хорошо защищены от кочевников дремучими лесами. Но собственно болгарская область, лежащая в открытых степях, с ее восточной и юго-восточной сторон, в районе Нижней Камы и Черемшана, была издавна желанным местом для кочевников, и Болгарскому каганату приходилось защищаться от них теми же средствами, которые так широко затем применяли южнорусские княжества: создавая родственные союзы и — что было несравненно более действенным — расселяя кочевников на своих степных границах для защиты государства от их же соплеменников.

Уже приходилось упоминать о свидетельстве арабского географа Истахри, писавшего в середине X века о том, что к лету на низовья Камы прикочевывали огузы-торки и что Кама служила им границей с кочевавшими здесь же кимаками-половцами. В дальнейшем мы будем видеть огузов-торков южнее, в причерноморских степях, но след пребывания их на болгарском пограничье останется в виде города Торческого — очевидно, места поселения огузов-торков, — известного из русских летописей как город, принадлежавший

* В. Бартольд как будто не доверял арабским известиям о кочевничестве болгар и противопоставлял этим известиям данные археологии о каменном строительстве в болгарских городах. Но памятники каменного строительства относятся к более позднему времени (XIII—XIV века), а древнейшую мечеть X века строили иностранцы-мусульмане. Вообще же заботы о городах не исключали, на наш взгляд, возможности оставаться болгарам кочевниками.

болгарам. Ибн Фадлан³³ сообщает нам о родстве болгарского кагана с одним из влиятельнейших огузов.

Тот же процесс проникновения тюркских кочевников в мир оседлых государств, который происходил в Болгарии, мы видим и на Руси. Как раз в конце X столетия, при князе Владимире, начинается закрепление за Киевским княжеством областей по Верхней и отчасти Средней Волге. От этого времени, по всей вероятности, и ведут свое происхождение те поселения торков в Ростово-Суздальской земле, след которых мы узнаем в современной топонимике: деревни Торчино и Торки* в окрестностях Суздаля. Из летописей же мы знаем о походе Владимира Киевского в 985 году на камских болгар со вспомогательным конным отрядом торков. Этот факт указывает, что на русско-болгарском пограничье не только Болгария, но и Русь привлекала торков для своих военных целей и образовывала из кочевников пограничные вспомогательные отряды; только здесь, на ростово-суздальском пограничье, это произошло на целое столетие раньше, чем на пограничье киевском.

Очевидно, вместе с огузами-торками доходило до Среднего Поволжья и не фиксируемое мусульманскими и русскими источниками тюркское племя берен (русские берендеи, берендичи), судьба которого ближайшим образом связана с судьбою огузов-торков: следы его мы также находим в топонимике Ростово-Суздальского княжества**.

К середине IX столетия печенеги, перейдя Среднюю Волгу, распространились до бассейна Дона и подошли к северным пределам Хазарского каганата. Вскоре новые нажимы на них из Азии заставили их двинуться еще дальше: в конце IX века, в результате неизвестных нам причин***, одна из волн огу-

* Первое упоминание о деревне Торки относится к середине XV века.

** Древнейшее упоминание о Берендеевой слободе относится к XIV веку.

*** Догадка Е. А. Загоровского: «Быть может, размножение и вместе с тем недостаток мест для кочевки вызвали переход узамы их западных границ, которыми являлись реки Эмба и Урал» (Очерки истории Северного Причерноморья. Ч. I. Одесса, 1922. С. 52).

зов вышла из Зауралья и вытеснила печенегов с левого берега Волги. Печенеги, обойдя севером Хазарский каганат, расположились между Доном и Днепром.

3

В X веке в глубине степей Средней Азии происходят какие-то новые движения, причины и начало которых скрыты от нас; на нашу долю остается наблюдать отражения этих событий лишь на перифериях тюркского мира, где эти движения запечатлевались мусульманскими, армянскими и позже византийскими источниками.

Первая половина X века — время образования двух новых государств в Азии: в 916 году в нынешнем Северном Китае, у границ Монголии, под главенством династии, известной по китайским источникам под именем Ляо, объединяются китаи, народ не то монгольского, не то тунгусского происхождения; а около 940 года образуется в долине реки Чу новое тюркское государство из соединения карлуков, частей огузов и других тюрок под управлением династии Караханидов, постепенно распространивших свое господство на весь Западный и часть Восточного Туркестана. Образование этих новых государств, в особенности китаев, не могло не отразиться на кочевом мире среднеазиатских степей. Эти новые государства вызвали передвижения среди соседивших с ними кочевников. Известно, что китаи уже в начале X века вытеснили из Монголии киргизов и вынудили их откочевать на Енисей; в 1017 или 1018 году «со стороны Китая» в Туркестан вторглась огромная тюркская орда в 100 000 шатров, разбитая затем Караханидами; здесь, кажется впервые, вышли на мусульман, между прочими народами, и китаи; к этому же времени надо отнести и движение не то тюркского, не то монгольского народа кури, или фури, обитавшего на границах тюркского мира, восточнее киргизов; движение этого народа надо ставить в связь, согласно Ауфи, с событиями в государстве китаев; наконец, в середине века китаи, как увидим ниже, сдвинули со своего места монгольское племя найманов, передвижение которых, надо полагать, уже непосредственно задело половцев в Прииртышье.

Вероятно, именно в связи с этими явлениями и началось со второй половины X века великое движение огузов из среднеазиатских степей на юг, юго-запад и запад. В 955 году часть их выселяется на левый берег Сырдарьи, а в 985 году они направляются дальше на юг, к Амударье, откуда передвигаются далее на юго-запад, покуда через Табаристан не выходят в Малую Азию, где основывают сельджукское государство; другая ветвь огузов уходит на юг в Персию, где они становятся известны под именем туркменов; наконец, третья группа пошла в западном направлении: к этому времени относится заселение огузами полуострова Мангышлак. У нас нет сведений — пошли ли огузы и дальше на запад, к Поволжью, усиливая огузский элемент, появившийся там уже с конца IX века; во всяком случае, благоприятная возможность дальнейшего продвижения огузов-торков к причерноморским степям имела: в 965 году под ударами киевского князя Святослава падает (или, во всяком случае, значительно ослабевает) Хазарский каганат, и торки, не сдерживаемые более хазарами, переходят Дон и начинают теснить печенегов к Днепру.

Выселение огузов из среднеазиатских степей произошло, по-видимому, не без давления на них с севера половцев. О причинах же движения самих половцев на юг из северной полосы среднеазиатских степей — у нас все еще нет ясных данных. Мы только можем предполагать, что причина этого находится в связи с движением в Семиречье и на верховьях Иртыша других тюркских и монгольских народов — движением, вызванным экспансией государства китаев, образовавшегося в это время. Передвигаться из ковыльных степей на юг, к границам соляной пустыни, вряд ли можно добровольно.

Арабский географ Мукаддаси³⁴ уже в конце X века упоминает о половцах (под именем кимаков) как о кочующих в непосредственном соседстве с мусульманскими областями Туркестана у города Саурана на Сырдарье. Махмуд Кашгарский приводит рассказ (но, к сожалению, не датируя событий) о пленении половцами какого-то тюркского народца булак или эльке-булак и об освобождении затем этого народца из-под ига половцев, — смутное воспоминание о хозяйничании половцев на мусульманском пограничье еще задолго

до жизни Махмуда, писавшего в 1073 году. Наконец, намек на борьбу половцев с огузами и вытеснение последних с мусульманского пограничья находится в рассказе Ауфи о вторжении в землю туркмен (огузов) жителей страны Сары*. Событие это относится к началу XI века. «Сары», или «сарыг», значит по-тюркски «желтый». «Если половцы действительно были светловолосым народом, — писал по этому поводу В. Бартольд, — то едва ли мы имеем только случайное звуковое совпадение между географическим (и этнографическим?) названием и тюркским прилагательным»**.

К началу 1030-х годов половцы уже окончательно овладевают среднеазиатскими степями и вытесняют отсюда огузов; причем половцы здесь впервые выступают под тем именем, под которым отныне их всегда будут знать мусульманские источники, — под именем кыпчаков. Около 1030 года впервые среднеазиатские степи вместо «степей гузов», как они назывались доселе, начинают упоминаться как «степи кыпчаков».

Возможно, что уже к этому времени половцы из среднеазиатских степей стали распространяться и на запад, к северному побережью Аральского и Каспийского морей, продвигаясь к Волге, вытесняя и отсюда огузов-торков***.

В 40—50-х годах XI столетия происходят новые сдвиги на границах Туркестана, имевшие огромные последствия для истории всего степного пространства от Туркестана до Дуная, а в равной мере и для граничивших с этими степями оседлых государств от Грузии до Византии; в результате этих сдвигов половцы, получившие страшный толчок где-то у пределов Туркестана, с огромным напором врываются в Европу и в десять — пятнадцать лет овладевают всем степным пространством до границ Византии и Угрии.

* В. Бартольд связывает эту страну с селением Сарык, существовавшим в долине реки Чу.

** Рецензия на труд И. Маркварта «Über das Volkstum der Komane» / Русский исторический журнал. 1921. Кн. VII. С. 140.

*** На раннее проникновение половцев к северному побережью Каспия (к концу X — началу XI века) как будто указывает недолго существовавшее у персов (например, у Фирдоуси в «Шахнамэ») название Каспийского моря — Кимакским.

В 1046 году несторианский митрополит Самарканда сообщил своему католикосу в Багдаде о том, что из гор «между Тибетом и Хотаном» вышел какой-то неведомый многочисленный кочевой народ (700 000 всадников под начальством семи царей) и появился у Кашгара. В этом народе предполагают монголов-найманов, а причину их сдвига видят все в том же государстве китаев. В начале XIII века мы найдем найманов кочующими в Прииртышье, на месте прежних кочевий половцев; очень возможно, что уже теперь, в 1046 году, эти найманы столкнулись с половцами, будучи сами вытеснены из областей китаев. Поэтому В. Бартольд совершенно правильно утверждал, что «появление половцев было звеном в цепи народных движений XI века, простиравшихся от границ Китая до Восточной Европы»*.

Но самый катастрофический удар половцы получили четыре года спустя, о чем уже совершенно определенно повествует армянская летопись Матвея Эдесского: «В 499 году (1050/51 год)... народ змей двинулся в область половцев (буквально — в область половых, по-армянски — хардеш), разбил и согнал их, после чего половцы отбросили узов и печенегов и все эти народы, соединившись, обратили свою ярость на ромеев (византийцев)**». Под народом «змей» надо, вероятно, полагать или самих китаев, или какое-нибудь монгольское племя, жившее в непосредственном соседстве с китайцами.

Вследствие удара, полученного от народа «змей», значительная часть половцев (но не все, как увидим ниже) дви-

* Рецензия на труд И. Маркварта. С. 142.

** Сообщение армянской летописи о последовавших за 1050/51 годом совместных нападениях половцев, узов и печенегов на Византию верно лишь в самых широких хронологических рамках: первое нападение печенегов после событий 1050/51 года было в 1059 году, да и то по наущению угорского короля, а не вследствие толчка, полученного печенегами от узов и половцев; узы же обрушились на империю лишь в 1064 году. Половцы впервые подошли к дунайской границе Византии лишь к концу 70-х годов XI столетия. При византийском императоре Константине IX (царствовал с 1042 по 1055 год) были частые войны с печенегами, но со своими, поселенными им еще в 1048 году, и эти войны, будучи чисто местными, не имели никакого отношения к событиям в среднеазиатских степях.

нулась к черноморским степям и здесь обрушилась на огузов-торков. У нас нет никаких прямых указаний о разгроме торков половцами, но ряд косвенных фактов неопровержимо приводят нас к этому выводу, позволяя датировать это событие приблизительно 1054 годом. Торки в это время кочевали между Днестром и Волгой. Если они и начинали испытывать на себе давление с востока первых волн половцев — тех половцев, которые еще до катастрофы 1050/51 года начали проникать в Нижнее Поволжье, то давление этих передовых орд половцев все же еще не вызывало больших сдвигов торков на запад: мы ничего не слышим о том, чтобы торки, вытеснив в 1048 году печенегов из левого Приднепровья*, и дальше наседали бы на них, что было бы для них совсем нетрудно после разгрома печенегов русскими в 1036 году и вражды среди печенежских ханов, кончившейся переселением печенегов к Дунаю и страшной резней 1048 года. Не подступали торки в это время и к русским границам. Очевидно, до 1054 года они, еще не испытывая с востока нажима половцев, не стремились уйти из степей, расположенных между Днестром и Волгой. Но в 1054 году начинается недолгий натиск торков на Русь, причем торки в это время уже не представляли собой сильного племени — иначе отдельные русские княжеские рати (например, Всеволода, князя Переяславского, в 1054 году) не могли бы побеждать их. Все это говорит за то, что около этого года торки были сломлены половцами и бросились искать убежища в степных пространствах Южной Руси. Но половцы шли за ними по пятам, и в том же 1054 году русская летопись, вслед за упоминанием о поражении торков от русских в Переяславском княжестве, говорит и о приходе туда же — впервые в истории Руси — половцев. Из последующих сообщений летописи мы знаем, сколько торков (и печенегов — тех, очевидно, что в свое время покорились торкам) оказались подчинены половцами и остались с ними в степях в результате разгрома 1054 года.

* В. Н. Златарски (Васил Николов Златарски; 1866—1935; болгарский историк и археолог, автор труда «История Болгарского государства в Средние века». — *Прим. ред.*) считал, что выселение печенегов из левого Приднепровья произошло ок. 1032 года, но не приводил никаких объяснений в пользу этой даты.

Разбив торков и сбив их к границам Руси, половцы обрушиваются на самую Русь, — вероятно, из-за принятия последней части торкских беглецов. В 1061 году половцы в первом ратном столкновении с русскими на днепровском левобережье наносят им поражение — «се бысть первое зло на Руськую землю от поганых и безбожных враг», — сообщает «Повесть временных лет».

В 1060-х годах византийцы и русские окончательно добивают торков и остатки их размещают по своим приграничным областям; благодаря этим событиям половцам открылась беспрепятственная дорога в степи днепровского правобережья. В 1071 году мы видим половцев переправляющимися через Днепр и нападающими на Киевское княжество*; в 70-х годах XI века они распространяются уже по низовьям Днепра, Днестра и Дуная; к концу этого десятилетия мы видим их в непосредственной близости от дунайского пограничья Византии, где кочевала часть печенегов, вытесненных сюда из причерноморских степей. Первые известия здесь о половцах говорят как будто о мирном уживании кочевников между собой и об их совместных грабительских набегах**: в 1078 году половцы, которые под именем куманов впервые с этого года появляются в византийских источниках, были призваны из-за Дуная вместе с печенегами в пределы империи одним из претендентов на византийский престол, Никифором Васиlaki. Оба тюркских народа в качестве вспомогательного войска Никифора дошли до Адрианополя, подвергая все на своем пути огню и разорению.

Из придунайских степей половцы начинают совершать свои набеги и на Угрию; возможно, что именно они, а не пе-

* «Повесть временных лет»: «Воеваша половци у Растовца и у Неятина». Оба города на реке Роси, правом притоке Днепра.

** Кочевья орда обычно рассматривает разбитых ею других кочевников как своих рабов. Таков, очевидно, был взгляд у половцев на торков, из-за принятия которых Русью, может быть, и начались первые войны половцев с Русью. С печенегами же половцы никогда не соприкасались, будучи всегда разделены торками. Вероятно, этим и надо объяснять первоначальное мирное сосуществование половцев и печенегов на Дунае, пока интриги Византии и дележи добычи не восстановили эти две тюркские орды одну против другой.

ченеги (венгерские источники называют то одних, то других) в 1070 году ворвались через Мезёшегский перевал в Паннонию и опустошили Угрию до Бигара; в 1086 году уже сам угорский король Соломон, изгнанный с родины двоюродными братьями, поднимает половцев в поход на Угрию, чтобы с их помощью вернуть себе угорскую корону. Они явились к нему во главе с ханом Кутеской, но успеха королю не принесли. В 1087 году тот же Соломон, ничего не достигнув в Угрии, повел придунайских половцев и печенегов в большой поход на Византию, к самому Константинополю. В 1092 году половцев из Поднепровья и Поднестровья призывает галицкий князь Василько для похода на Польшу, в Повислие, куда после этого половцы будут проникать и самостоятельно.

Так половцы на западе дошли к границам тех оседлых государств — Руси, Угрии и Византии, — соседить с которыми им пришлось затем всю свою почти двухвековую историю. Интересно отметить, что первые проникновения половцев в эти государства в большинстве случаев совершались благодаря призывам, шедшим из самих же этих государств: слишком был велик соблазн воспользоваться появившейся у границ оседлых культур подвижной военной силой кочевников; вот почему пути для хищнических набегов в свои страны указали половцам сами же византийцы и угры; а путь в Польшу им показали русские.

Было бы неверным представлять себе это движение половцев второй половины XI века как некое переселение, поход с востока на запад. Это было именно расселение, так как и после окончания этого движения, до самого монгольского нашествия, половцы остались господствовать от Туркестана до Дуная — на всей огромной территории, пройденной ими в 50—70-х годах XI века, достигая на северо-востоке Камы, Тобола, Ишима и Иртыша, а на юге и юго-западе простираясь до побережий Аральского, Каспийского и Черного морей. Удар, который половцы получили в 1050/51 году и который вынудил их к выходу в Европу, не вытеснил их из Средней Азии, поскольку народ «змей» не остался в среднеазиатских степях. Мы будем видеть половцев на всем протяжении XII и первой половины XIII века также и в местах их древнейших азиатских кочевий.

Резюмирую: расселение половцев из северных частей среднеазиатских степей началось еще в IX веке и шло на запад первоначально севером, через Средний Урал, к Каме. Во второй половине X века, вероятно вследствие движения народов, вызванного образованием мощного государства китаев в Средней Азии, половцы из северных пределов среднеазиатских степей, то есть с верхнего течения Иртыша, устремились на юг, к Туркестану, вытесняя из южного пояса среднеазиатских степей огузов-торков. К 1030-м годам половцы становятся полными хозяевами всех этих степей, до мусульманского пограничья. Удар по половцам в 1050/51 году народа «змей» сшиб значительную часть половцев с мест их кочеваний, после чего они двинулись в Европу: в течение тридцати лет половцы продвигаются по степям на запад, покуда не доходят до естественных пределов своего распространения, — лесистых Карпат, Железных ворот Дуная и Балканского хребта, за которыми уже была Византия и Угрия. Прежние же обитатели степей — огузы-торки веером разметывались половцами, находя спасение или окончательную гибель на пограничьях оседлых государств — Византии, Руси и Угрии.

Глава 3. Пределы «поля половецкого»

1

В настоящей главе постараемся наметить границы половецких кочевий на всем пространстве степей от верховьев Иртыша до низовьев Дуная.

Величину этого пространства современники представляли себе крайне смутно. Соседи половцев — русские, точнее говоря — киевские летописцы, хорошо знали половецкую землю только «межи Волгою и Днепром», о заволжских же половцах они ничего не сообщают*, а половцев дунайских упоминают

* Раз, правда, летописец говорит о том, как Мстислав, сын Мономаха (1125—1132), «загна Половци за Дон и за Волгу за Гиик (Яик)» (Ипатьевская летопись под 1140 годом), но исследователи справедливо видят в этом риторическое преувеличение, так как вряд ли русские войска заходили так далеко.

только раз, и то вскользь. Когда в 1185 году, после плена князя Игоря Новгород-Северского, половцы пошли на Русь, то киевский летописец записал это событие в таких выражениях: «Поганыи же половци победивше Игоря с братьею, и взяша гордость велику, и свокупиша все язык свои на Рускую землю...»*. В действительности же речь шла лишь об азовско-донецких половцах и их ханах Гзе и Кончаке. Судя по этим сведениям, представление русских летописцев о «половецком поле» ограничивалось лишь пространством между Днепром и Волгой**. Другие соседи половцев — мусульмане Халифата и Туркестана знали преимущественно восточную, азиатскую часть половецкой земли, и «кыпчакскою степью» называли лишь нынешние казахские степи, хотя и слышали о кыпчаках Причерноморья***. Более широкое понимание кыпчакской степи — «Дешт-и-Кыпчак», гораздо ближе соответствовавшее действительному распространению половцев, утвердилось, лишь когда хозяевами этих степей были уже монголы. Единственным исключением среди мусульманских географов, в смысле большего знания половецкой земли, был Идриси (и, может быть, отчасти Ибн Саид³⁵). Но известия Идриси (как и Ибн Саида) столь сбивчивы и неясны, что пользоваться ими чрезвычайно трудно. Еще меньше, чем мусульмане и русские, знали о половецкой территории греки и латиняне. Первые упоминали в своих хрониках о половцах только тогда, когда соприкасались с половцами на дунайском пограничье Византии; латинский же запад почти совсем не знал половцев и землю их представлял себе

* Ипатьевская летопись под 1185 годом.

** Русские летописи дважды упоминают «поле половецкое», но ни разу не дают объяснения, что подразумевали современники под этим названием. В Троицкой летописи при описании битвы на Калке говорится лишь, что русские перешли Днепр «и поидоша на конех в поле Половецское...»; в Лаврентьевской летописи упоминается, что за городом Пронском, за рекой Проней, то есть на правом берегу ее, было уже «половецкое поле».

*** Ибн аль-Атир считал даже Судак половецким городом. Махмуд Кашгарский на своей карте 1076 года совсем не отобразил половцев, а лишь нанес «горы, обитаемые кыпчаками и гузами», которые у него находятся где-то около Кавказа.

где-то «*ultra Hungariam et in partibus Russie*»*. Латинский мир узнал об обширности половецкой земли лишь после завоевания ее монголами из обстоятельных описаний Плано Карпини 1246 года и Рубрука 1253—1255 годов. Правильнее же всех представлял себе огромность половецкой земли армянский царевич Гетум (Гайтон)³⁶. Он был поражен пространством «Комании», и это дало ему основание считать ее «одним из величайших государств, существовавших на земле»**.

Под влиянием древнерусских летописей и русские историки, почти не выходившие в данном случае из круга отечественных источников, считали, что половецкая земля ограничивалась причерноморскими степями; поэтому пределом распространения половцев на востоке предполагали то Волгу, то Дон, на западе же — Днепр или Буг; кочевание половцев у Дуная ставилось под сомнение, а если и допускалось, то только для самого конца XII или начала XIII века. За исключением Ф. И. Успенского³⁷, наличие половцев у Дуная признавалось лишь нерусскими учеными: Дьярфашем, Рёслером, Мутафчиевым³⁸. Что же касается восточной границы половцев, то только Дьярфаш и Успенский искали ее в Азии, в глубине туркестанских степей.

2

В действительности «половецкое поле» уходило на восток до предгорий Тянь-Шаня и Алтая и озера Балхаша, то есть до естественных пределов степей. «Половецкая земля простирается на восток до Хорезмийского государства и частью до большой пустыни (под которой надо подразумевать среднеазиатские степи. — *Д. Р.*)», — сообщает армянский царевич Гетум. Царевич совершенно правильно определял положение половецкой земли: мусульманские писатели подтверждают, что половцы на востоке действительно достигали течения рек Сырдарья, Таласа, Чу и верховьев Иртыша, соприкаса-

* За Венгрией и в областях Руси (*лат.*). *Chronica Albrici Monachi Trium Fontium* (Хроника Альберика из монастыря Трех источников, под 1221 годом).

** Этот Гетум, так называемый Младший, был племянником царя Гетума I Киликийского, также оставившего исторические сочинения.

ясь у Сырдарьи с владениями Хорезма. Как мы знаем из предыдущей главы, половцы к тридцатым годам XI столетия заняли все среднеазиатские степи до мусульманского пограничья. Здесь они удержались до монгольского нашествия и даже пережили его, оставаясь на тех же местах под властью монголов. В середине XII века на границе с Хорезмом у половцев был город Сыгнак на Сырдарье, южнее Дженда; часть половцев была в политической зависимости от хорезмшахов, при дворе которых, вследствие брака одного из шахов с половецкой княжной племени канглы в конце XII века, жило большое количество половцев из племени канглов; но далее от Хорезма, в области реки Талас, половцы были уже независимы от власти хорезмшахов. Если верно предположение Бартольда о том, что в жителях страны Сары, упоминаемой у Ауфи, надо видеть половцев, то из этого следует, что в XI веке половцы были и на реке Чу, где локализует эту страну Бартольд.

«Половецкое поле» простиралось и далее на север и северо-восток, то есть в области, которые были местом древнейшего обитания половцев — тогда еще слывших под именем кимаков — и где они оставались затем во все последующие века своей истории. Так, например, известно, что хорезмшах Мухаммед около 1215/16 года предпринял поход против половцев на север, в казахские степи; где-то на северо-востоке от Туркестана — следовательно, в тех же казахских степях — была у половцев область Югур, где Субудай³⁹ разбил меркитов, бежавших от монголов к половцам. В центре этих степей, близ озера Денгиз сохранились до сих пор названия речки Кыпчак и озера Кыпчак. На восточной окраине половецкого мира, в степях между озером Иссык-Куль и средним течением Иртыша, жили канглы, племя половцев*. Иртыш был пределом половецкого мира на востоке, так как дальше уже жило монгольское племя найманов.

Северная граница «половецкого поля» была, очевидно, та же, что и в эпоху кимаков, — это граница лесостепи по 56—57-й параллелям, за которой, в лесах, начинался иной этнический мир. Плано Карпини сообщает, что «с севера к Комании, непосредственно за Руссией, Мордвинами и Билерами,

* О канглах и занимаемой ими территории см. в гл. II.

то есть Великой Болгарией, прилегают Баскарты (Башкиры), то есть Великая Венгрия».

Все по той же лесостепной линии граница половецких владений, идя на запад, переваливала через Урал и, обходя с юга лесистую область течения реки Белой, выходила к нижнему, степному течению Камы. В предыдущей главе нами уже приводились арабские свидетельства Истахри и Аль-Бакри о кочевании половец в X—XI веках у Нижней Камы. Сюда же, вероятно, во время летних кочевий, доходили половцы в XII и XIII веках. В доказательство этого приведем два свидетельства: арабское и русское. Арабский путешественник Абу-аль-Андалуси аль-Гарнати⁴⁰, посетивший в 20—30-х годах XII века Великие Болгары, пишет о городе Болгаре следующее: «...он, город, выстроенный из соснового дерева, а стена его из дубового дерева; вокруг него (живут) тюркские племена, не сосчитать их». Никакое другое тюркское племя, кроме половец, в это время здесь кочевать не могло. Это подтверждается другим источником — русской летописью. Под 1184 годом суздальская летопись сообщает, что владимирский князь Всеволод Юрьевич вместе с муромскими и рязанскими князьями предпринял большой поход на Болгарскую землю. Русские плыли Волгой до устья Камы, где высадились и пошли к «великому городу», то есть Бюлару, стоявшему на Малом Черемшане. Здесь, не доходя Черемшана, русские неожиданно встретились с половцами (половцы «емякове»), которые также пришли «воевать болгар»*.

* «Иде князь Всеволод [на болгары] со Изяславом Глебовичем, сыновцем своим, и с Володимером Святославичем, и с Мстиславом Давыдовичем, и с Глебовичи рязаньскаго, с Романом, и со Игорем, и со Всеволодом, и с Володимером, и с муромьским Володимером. Приде в землю болгарскую и, высед на берег, поиде к Великому городу и ста у Тухчина городка. И, перестояв ту 2 дни, поиде на третий день к Великому городу. Сторожем наперед ездящим, оттоле же белозерский полк отряди к лодьям, а воеводство да Фоме Лазковицю. Пошедшу же князю в поле, узреша наши сторожеве полк в поли. И мняху болгарьский полк, и прихаша 5 муж ис полку того и удариша челом перед князем Всеволодом и сказаша ему речь: “Кланяются, княже, половци емякове. Пришли есьмы со князем Болгарьским воевать болгар”. Князь же Всеволод, здумав с братьею своею и с дру-

Характерно, что половцы, встретившиеся князю Всеволоду Владимировскому, были «емякове», то есть принадлежали к племени емеков, известному нам из арабских источников IX—X веков как одно из двух основных племен половецкого народа, жившего в северных пределах среднеазиатских степей и уже тогда перекочевывавших на лето за Урал, к низовьям Камы*. Что емеки и в XI веке жили все на тех же местах, можно заключить из перечня тюркских племен у Махмуда Кашгарского, который помещает емеков рядом с башкирами, издавна жившими в Приуралье. Проследивая таким образом непрерывность пребывания емеков в Приуралье в IX—XI веках, мы и в летописных емеках 1184 года должны признать не придонских или приволжских половцев, на лето откочевывавших на север, к Каме, но половцев уральско-среднеазиатских, потомков емеков IX—XI столетий, подобно своим предкам совершавших регулярные перекочевки на лето в низовья Камы.

Итак, в северной и восточной частях половецкого мира между Камой и Туркестаном условия кочевания оставались неизменными на всем протяжении IX—XIII веков.

Память о кочевании половцев в летнее время где-то у Урала сохранилась у Аль-Омари, который сообщает, что «ханы кыпчаков проводят зиму в Сарае; лето в степях же их, как некогда и лето царей Турана, находят в области Уральских гор». По-видимому, под царями Турана здесь надо разуметь половецких ханов.

Течение Волги от низовьев Камы до древнего города Укека (около нынешнего Саратова) было в руках Болгарского каганата. Укек, находившийся на правом берегу Волги и известный своим расцветом в XIV веке, был крайним южным городом болгар. Ниже его начиналось «половецкое поле»: на левом берегу Волги, у города Покровска⁴¹ археологические раскопки обнаруживают кочевнические стоянки, относимые

жиною, води их в роту в половецкую, пойма их, поиде к Великому городу. И приде князь к городу и перешед Черемисан в 1 день. Наряди полки, а сам поча думати с дружиною». К сожалению, нет удовлетворительного комментария к этому месту летописи.

* О емеках см. в гл. II.

к половцам; на правом берегу Волги, по течению реки Латрыка (приток Карамыша, впадающий в Медведицу), искони жили кочевники: кочевнические погребения скифо-сарматской поры находятся здесь около села Большая Дмитровка.

Подобно тому как в X веке торки и печенеги соприкасались с южной и юго-восточной границей Болгарского каганата, так в XI—XIII веках сменившие их половцы стали соседями болгар на Средней Волге. Об этом говорят и Плано Карпини, и русские летописи; последние сообщают нам о столкновениях, которые происходили между половцами и болгарами в XII веке.

3

Особенно трудно определить северные пределы половецких кочевий на запад от Волги, так как половцы, подобно всем кочевникам, если им благоприятствовали географические условия, глубоко вклинялись в области с оседлым населением — в данном случае русским и финским; при разреженности этого населения кочевники без труда проникали даже много севернее крайних южных пунктов финнов и русских.

Нет сомнения, что на рязанской окраине русские поселения в XII веке простирались далеко вниз по Дону, до устья Воронежа, имея за собой такие оплоты, как города Елец и Воронеж. Существование этих крепостей дало основание исследователям считать, что Рязанское княжество простиралось на юг до низовьев Воронежа и даже Хопра*. Но также бесспорно, что половцы проникали много севернее этих мест и располагались на летовища в тех степных областях, которых было немало между Доном и Волгой и которые простирались на север до границы сплошных хвойных лесов. Мы

* Д. Иловайский (Дмитрий Иванович Иловайский; 1832—1920 — русский историк, публицист, автор пятитомной «Истории России». — *Прим ред.*) считал, что южная граница Рязанского княжества в XII веке доходила до низовьев Воронежа. Того же взгляда держался и М. К. Любавский (Матвей Кузьмич Любавский; 1860—1936 — российский историк. Ректор Московского университета в 1911—1917 годах, академик АН СССР. — *Прим ред.*). П. Голубовский отодвигал эту границу еще южнее, до низовьев Хопра.

знаем здесь и реку Польный Воронеж, и «Великое дикое поле» к югу от мордовских лесов, и «половецкое поле» под самым Пронском, на правом берегу Прони.

Где же в таком случае проходила рязано-половецкая граница? Есть все основания считать, что действительной границей Рязанского княжества было течение Прони, Оки и низовья Мокши и что никогда в домонгольский период рязанская земля не простиралась так далеко на юг, как предполагал Голубовский. Что отдельные рязанские форпосты по Дону и Воронежу не рассматривались современниками как территория Рязанского княжества, показывает «Повесть о приходе Батыевой рати на Рязань»: пришел, говорится в этой повести, «безбожный царь Батый на Рускую землю с многими вой татарскими и ста на реце на Воронеже близ Резанския земли»; судя по направлению похода Батыя «из болгар» на Рязань, остановка его «близ Резанския земли» должна была быть у самого верховья Воронежа. Следовательно, все пространство на юг и на восток от этой реки, то есть течение Цны и все течение Вороны и Хопра, не считалось за Рязанским княжеством. Даже севернее, среди мордвы, по течению реки Мокши, русские поселенцы не были в своей земле, а считались подданными мордовских князей. Об этом говорит суздальская летопись под 1228 годом, упоминая «Русь Пургасову», то есть русских поселенцев на земле мордовского князя Пургаса*.

Целый ряд фактов свидетельствует, что половцы во время своих кочеваний проникали много севернее южных поселений рязанцев. Так, в 1199 году князь Всеволод Юрьевич Суздальский со своим сыном Константином предпринял поход на половцев. Он выступил — очевидно, из своего стольного города Владимира — 30 апреля и шел, по предположению С. М. Соловьева⁴², от верховьев Дона вниз по этой реке. Половцы, услышав о приближении русских, бежали с везами «к морю» (то есть на юг, по направлению к Азовскому морю), а Всеволод дошел до половецких зимовищ у Дона, разорил их и 5 июня вернулся во Владимир. Если считать переходы в двадцать верст, то, оказывается, Всеволод не успел бы про-

* «Того же лета победы Пургаса Пурешев сын с Половци, и изби Мордву и всю Русь Пургасову, а Пургас едва вмале утече».

никнуть южнее города Воронежа; если же класть по тридцать верст ежедневных переходов, то и в таком случае расстояние, пройденное русскими войсками, не будет более 540 верст (считая от Владимира), и, следовательно, Всеволод не заходил южнее низовьев Черной Калитвы — Битюга — Хопра*. Из этого можно заключить, что летовища половцев были значительно севернее, то есть в области южнорязанских поселений.

Мы неоднократно встречаем в летописях сообщения о столкновениях рязанцев с половцами, но, к сожалению, большинство известий подобного рода находится лишь в Никоновском своде — источнике, в отношении половецких событий, особенно ненадежном, так как составитель свода или его источник часто прикреплял к какой-нибудь определенной дате материал явно эпического характера. Но вот сообщение Лаврентьевской летописи под 1206 годом: «...тогож лета, ходиша князи Рязаньскыя на половци, и взяша вежи их». Вряд ли немногочисленная рязанская рать рискнула бы ходить в далекий поход в глубь степей; это было под силу только таким могущественным князьям, как Киевскому или Суздальскому, или целой коалиции князей; очевидно, в 1206 году мы имеем дело с недалеким, коротким походом на летовища половцев, близко подошедших к рязанским пределам. В таком свете сообщение той же Лаврентьевской летописи о том, что под Пронском, на юг от реки Прони, было «поле половецкое», принимает вполне реальный смысл, и вряд ли справедливо объяснение Голубовского, что это лишь «случайное название», потому что, дескать, половцы когда-то стояли здесь станом во время набега. На реке Ранове, притоке Прони, до сих пор существует село Кипчаково, подтверждающее неслучайность названия «поля половецкаго».

Если обратиться для сравнения к другим эпохам, то увидим, что на широтах, куда заходили половцы, всегда, и до и после них, жили кочевники. Так, в XIV веке в районе города Наровчата (по среднему течению реки Мокши) был центр

* Ср. с походом 1111 года, когда русские прошли расстояние в 125 верст между Сулой и Ворсклой в пять дней; то же количество верст в день вытекает и из похода Игоря 1185 года.

одной из татарских орд (Тогай). Это как раз есть область «Великого дикого поля», и находится она на той же широте, что и «половецкое поле» у Пронска. А летовища хана Сартака в XIII веке были в трех днях пути от Волги, в месте, где пространство между Волгой и Доном достигает десятидневного перехода, — это указывает на линию Воронеж — Укек, три же дня пути на запад от Волги приводят нас к среднему течению Медведицы и Хопра. Рубрук, дающий эти сведения, добавляет, что «в этих местах прежде жили половцы». Вспомним также, что в районе устья Воронежа и близ него, на правом берегу Дона, некогда кочевали скифы, а по реке Латрыку находим следы сарматов. Все это показывает, что номады здесь кочевали искони: от скифских до татарских времен.

Итак, приведенные факты позволяют сделать вывод, что половцы на летовища между Волгою и Доном заходили много севернее, чем это обычно считалось, подходя к Прони, низовьям Цны и среднему течению Мокши; здесь кочевники находили для себя вполне пригодные места в степных пространствах у границы сплошных хвойных лесов.

Признавая проникновение половцев так далеко на север и не отрицая наличия рязанских поселений много южнее тех мест, куда заходили половцы, то есть в низовьях Воронежа и по Дону, можно положить конец безвыходным противоречиям во взглядах исследователей о южных границах Рязанского княжества. Иловайский считал, что «во второй половине XI и в начале XII века все пространство к югу от Прони было занято кочевьями половцев», и таким образом западной рязанской границей считал течение реки Прони (во второй половине XII века эта граница, по Иловайскому, уже выдвинулась до низовьев Воронежа). Голубовский, наоборот, отрицал «возможность существования в какое бы то ни было время» половецких кочевий к северу от низовьев Вороны и Хопра. Спор велся некорректно, так как оба ученых рисовали себе некую постоянную непреходимую линию, служившую границей между русским и половецким миром, тогда как в действительности можно говорить лишь о южных пунктах русской колонизации за пределами сплошного населения русских и о северных пределах проникновения половцев во время их летовищ, оказывавшихся далеко в тылу

у отдельных поселений русских колонистов. Оба эти явления отнюдь не исключали друг друга.

Половцы на рассматриваемых широтах между Волгою и Доном встречали во время своих перекочевок не только русских. На границе лесостепи исконно жила финская мордва, а южнее ее — сильное и воинственное племя буртасы, в IX веке с успехом сражавшееся даже с печенегами. Буртасы занимали огромное пространство по течению Медведицы, Хопра и Вороны до низовьев Дона. Однако с занятием степей половцами буртасы частью были оттеснены на север, к лесам, частью же подчинились половцам, остались жить среди них и подверглись половецкому языковому влиянию. О подчинении буртасы половцам и об эксплуатации последними пушных богатств буртасского края сообщает Ибн аль-Атир: буртасские меха, продававшиеся в первой половине XIII века в Судаке, рассматривались арабским историком как продукт половецкой земли.

Ф. Чекалин⁴³ еще в 1890-х годах высказал предположение, поддержанное затем Вестбергом и принятое Л. Нидерле⁴⁴, что буртасы этнически являются не финнами-мордвою, а тюрками-мишари. Для нас в этом спорном филологическом вопросе интересно то обстоятельство, что, по наблюдению Радлова⁴⁵, язык современных мишари ближе всего к языку половцев. Это показывает, что мишари-буртасы еще в XI—XIII веках жили вместе с половцами и переняли половецкий язык.

4

Ту же картину проникновения половцев значительно севернее южных пределов русских поселений находим и к западу от Дона. Здесь степные пространства, так же как между Волгой и Доном, далеко вклинивались в лесные области: так, «поле» простиралось между верховьями Псела и Сейма*, «полем» было и все пространство на северо-запад отсюда до рязанских пределов, то есть по бассейну Быстрой Сосны и верховьям Дона, с Куликовым полем по правому побережью Дона и местностью у пронско-рязанского пограничья — по

* В русской летописи «поле» упоминается под 1160 и 1183 годами.

левому. На юго-западе между Доном и Днестром степи подходили к границам Переяславского княжества по среднему и нижнему течению Ворсклы, по Пселу и Хоролу.

В пределах этих степных пространств мы и встречаем половецкие кочевья, причем критерием наличия здесь кочевий должны служить летописные упоминания о вежах, иначе легко будет впасть в ту ошибку, в какую часто впадали исследователи, принимавшие за места половецких кочевий все те пункты, в которых происходили встречи половецких войск с русскими; факт таких встреч еще не может служить указанием на наличие в данной области кочевий половцев: степняки обычно предпринимали свои набеги без веж, оставляя последние далеко позади себя.

Для определения мест кочевий можно пользоваться одним вспомогательным фактом, на который до сих пор не обращалось внимания: это — время года, в какое летопись упоминает о вежах в том или ином месте. Если упоминание относится к зимним месяцам, то априори можно считать, что летовища будут находиться севернее.

Главные зимовища половцев, как увидим ниже, были по побережью Азовского моря, низовьям Дона, по Днестру у его порогов; однако иногда некоторые орды располагались зимой и севернее. Так, например, зимой 1191 года упоминаются половецкие вежи где-то по Осколу, всего вероятнее, по его среднему течению*. Поэтому естественно, что летовища половцев будем находить еще севернее.

Несмотря на то, что главные летовища половцев, живших между Доном и Днестром, оставались все же в значительном отдалении от русских пределов, находясь между реками Самарой и Орелью (Углом) и на Дону на высоте устья Оскола, —

* В 1191 году князья Черниговские и Северские предприняли «на зиму» поход на половцев в районе реки Оскол, которые были здесь с вежами. По-видимому, русских было немного, так как князья «не могли с ними бити, заложившеся ночью идоша прочь» (Ипатьевская летопись под 1191 годом). Вряд ли это мог быть глубокий поход в степь, скорее это был налет небольшого отряда, не ушедшего далеко от русских пределов. Течение же Верхнего и Среднего Оскола ближе к Черниговскому и Новгород-Северскому княжествам, чем нижнее течение Оскола.

некоторые орды, заходили много севернее, к лесной границе, в те степные области близ русских княжеств, о которых была речь выше. Так, летопись сохранила нам сведение о кочевании половцев между Ворсклой и Пселом у Голтова, близ Переяславского княжества* и даже у Варина на Среднем Удае**. Что половцы кочевали между Ворсклой и Пселом, подтверждает еврейский путешественник XII века рабби Петахия⁴⁶, рассказывающий, как, спустившись по Днепру из Киева, он через шесть дней достиг земли половцев***; а за шесть дней плавания можно было быть как раз между устьями Псела и Ворсклы, ближе к первому****. Есть основания считать, что половцы кочевали и на левом берегу Сейма, между Курском и Вырем. По всей вероятности, кочевали они и на Среднем или даже Верхнем Осколе, судя по тому, как быстро они пришли в 1147 году на помощь князю Святославу Ольговичу на верховья Оки, к Мценску*****.

* В Поучении Владимира Мономаха сказано: «...вежи их (половцев) взяхом шедше за Голтавом». О времени года этого похода ничего не известно, но надо полагать, что так далеко на север в этом районе половцы проникали лишь летом. Голтов был расположен близ устья реки Голты, левого притока Псела.

** В Поучении Владимира Мономаха: «...и потом с Ростиславом же у Варина веже взяхом». Время похода не указано.

*** Петахия половецкие степи называет землей Кедар.

**** Интересно сравнить известие Петахия с Идриси, сообщаящего, что от Киева до Ная, города в Кумании, шесть дней пути. Если вообще есть какое-либо зерно правды во всех сообщениях Идриси о половецкой земле, то в данном случае надо считать передвижение от Киева до половецкого города Най речным путем, так как сухопутьем за шесть дней можно было дойти из Киева (если класть обычные 20—25 верст в день) не дальше реки Супоя, где никакого половецкого города, конечно, быть не могло. Да и самый город Най не есть ли место, где кочевники только на время разбили свои вежи?

***** Ипатьевская летопись под 1147 годом сообщает о том, как к Святославу Новгород-Северскому, когда он был у Неренска, пришли «ели (послы) ис половець от уев его с Василем Половцином 60 чади прислалися бяхут тако рекуче: прашаем здоровья твоего, а коли ны велишь к собе со силою прити». Судя по контексту, это было в апреле или в начале мая. Какой дал ответ Святослав половцам, мы не знаем; но затем, когда он из Неренска пришел к Дедославлю, летопись

Память о пребывании здесь половцев находим в названии «половецких лесков» по реке Зуше (приток Оки), около Новосилия. Все это свидетельствует, что половцы проникали севернее Курска и Ельца, этих оплотов Руси со стороны степей. Вероятно, именно сюда, на верховья Дона, собирался в 1185 году великий князь Святослав Всеволодович «ити на половци к Донови на все лето», «летовати на Дон», то есть стеречь, чтобы половцы, во время своих летних кочевий, не подходили близко к северским пределам и не беспокоили приграничных областей*. К тому же через Курск и Елец проходил древний торговый путь на Рязань и Муром, в Северо-Восточную Русь, также, очевидно, нуждавшийся в охране от половцев.

Итак, северными пределами кочевания половцев между Доном и Днепром были верховья Дона, Оки, бассейн Быстрой Сосны, далее на юго-запад между верховьями Сейма и Псела до реки Лохни (притока Сейма); еще дальше на

отметила, что к Святославу пришли сперва «друзии половци Токсобичи...», а затем, немного спустя «...придоша к нему бродници и половци придоша к нему мнози», то есть те половцы, послы которых приходили под Неренск. От первого прихода послов до появления всей орды, судя по описываемым событиям, прошло всего дней 15–20 (Святослав за это время успел лишь пройти, может быть даже с остановками, из Неренска через Дедославль к Мценску — расстояние верст в 300, если считать по 20 верст похода в день). За это время половецкие послы для того, чтобы из Неренска съездить в степь и вернуться со всей ордою, могли пройти туда и обратно не более 600 верст, и так как Святослав из Неренска в Мценск шел на юг, то послы из-под Неренска до расположения всей орды должны были идти дольше, чем шла вся орда из степей к Мценску на встречу со Святославом. Если положить 400 верст на дорогу послам в орду и 200 верст на переход всей орды к Мценску, то в таком случае основная масса половцев во время переговоров их послов со Святославом была не южнее верховьев Оскола. Кроме того, нами не учтено то, что и основная масса половцев, когда послы находились у Святослава, вероятно, подвигалась на север: это как раз было время перехода на летовища. Все сказанное вполне согласуется с приведенным выше нашим предположением о зимовищах половцев на Среднем Осколе.

* Невозможно допустить, чтобы Святослав летом отправился к низовьям Дона, откуда в это время года половцы откочевывали на север.

юго-запад половцы были хозяевами течения Ворсклы и Псела, а иногда заходили со своими вежами даже за Хорол и Сулу (впрочем, так далеко на запад удавалось проникать половцам лишь в годы наибольшего их натиска на Русь — в конце XI и начале XII века). Все пространство от Псела и Ворсклы на восток, все течение Оскола, до его впадения в Дон, было «половецким полем»*.

* П. Голубовский предполагал, что с середины XII века Русь создала против половцев целую систему военно-сторожевых укреплений — на верховьях Псела, Ворсклы, Северного Донца и его притоков. Следы таких укреплений Голубовский видел в ряде городищ (Липецком, Городецком, Азацком, Михайловском — на Пселе; Хотмыжском, Каменном, Кукуевом, Немеровском, Скельском, Вельском — на Ворскле; Высокопольском и Коломацком — на Коломаке; Хазарском близ Можы; Кукулевском, Змиевом — на Можы; Хорошевом, Кобановом, Донецком Мохначском — на Уде; Белгородском, Нижегольском, Салтовском, Катковском, Гумниньем, Чугуевском — на Донце), и делал вывод, что «южная граница Северной земли шла от устья р. Оскола, Донцом до впадения в него р. Можы и берегом Можы до р. Ворсклы»; Переяславское княжество также, по мнению Голубовского, имело свою «боевую область», простиравшуюся от Сулы до низовьев Ворсклы. Однако уже М. С. Грушевский (Михаил Сергеевич Грушевский; 1866—1934 — украинский историк, один из лидеров украинского национального движения, член Чешской академии наук, академик АН СССР. — *Прим. ред.*) подверг сомнению существование такой системы укреплений на Северном Донце. Действительно, до сих пор остается неизвестным — к какому времени относятся донецкие городища и были ли они обитаемы в половецкую эпоху. Если бы даже оказалось, что они были обитаемы в XI—XIII веках, то все же вряд ли позволительно было бы считать их русскими военными форпостами, составлявшими сеть пограничных укреплений. При примитивности подобного рода укреплений даже под самым Киевом трудно представить, чтобы такая сложная система существовала на окраине Новгород-Северского княжества. На протяжении всего половецкого периода ничто не указывает на ее наличие. Жители верховьев Северного Донца вряд ли могли сохранить независимость и не подпасть под власть кочевников, будучи окружены с запада, юга и востока половецкими кочевьями, а с севера отделены от основного ядра населения Новгород-Северского княжества «полем» (между верховьями Ворсклы и Псела), в котором хозяевами были те же половцы.

Большинство русских историков отрицали существование половецких кочевий на запад от Днепра, и в особенности в придунайской равнине. Те же из исследователей, которые признавали кочевание половцев у Дуная, считали, что они здесь появились лишь в начале XIII столетия.

Противники взгляда на пребывание половцев к западу от Днепра считали, что на днепровское побережье и к Дунаю половцы заходили лишь во время набегов на Киевскую Русь или Византию и что затем они снова возвращались к своим приазовским вежам. В доказательство этого М. Грушевский приводил слова летописи под 1152 годом: «...вся Половецкая земля... межи Волгою и Днепром» Однако эта фраза еще не исключает возможности, что «половецкая земля» была и вне этих пределов. Ведь простирались же половецкие кочевья на восток за Волгу, до среднеазиатских степей. Молчание киевской летописи до конца XII века о половцах дунайских и правого берега Днепра еще не может служить доказательством тому, что половцев здесь не было вовсе: киевская летопись XII века интересуется событиями, разыгрывавшимися преимущественно вокруг Киева, и почти совсем не следит за жизнью Галицкого и Волынского княжеств, которые должны были иметь дело именно с половцами дунайскими и правого берега Днепра. Но галицко-волынские летописи этого времени до нас не дошли. О том, что половцы разбивали свои станы и на правом берегу Днепра, у нас есть целый ряд летописных известий конца XII века. В 1190 году князь Ростислав Рюрикович напал с черными клобуками на половецкие зимовища у Протолчи (рукав Днепра около острова Хортицы). В 1193 году тот же Ростислав снова берет «вежа и стада» половецкие «по сей стороне Днепра, по Руской» (то есть на киевской, правобережной). Что князья считали себя здесь в половецкой земле, видно из слов летописи, что одна из стычек с половцами произошла «на Ивле на реце на Половецкой»; а Ивля находилась в трех днях пути к западу от острова Хортицы*. В 1183 году русские князья застигли половцев у реки

* Ивля упоминается и в описании похода 1190 года. По смыслу летописного рассказа 1190 года Ивля находилась в трех днях пути

Хырии (Хирии), в имени которой видят половецкую переделку реки Хортицы, правого притока Днепра.

О кочевании половцев к западу от Буга сообщает киевская летопись под 1173 годом. В этом году они совершили набег на Киевское княжество с правобережной стороны Днепра и ушли, преследуемые русскими, в юго-западном направлении; лишь за Бугом половцы были настигнуты и разбиты русскими. Около 1182 года волынские и бельские князья в усобице за город Берестье (Брест) призвали себе на помощь большое количество половцев. Вряд ли это были половцы с левого берега Днепра. Естественнее видеть в них более близких соседей Волынского и Галицкого княжеств, кочевавших по Бугу, Днестру или Пруту. Наконец, правобережными половцами были половцы «лукоморские», кочевавшие у Черного моря и по правому берегу Днепра. О них речь будет ниже.

6

В 70-х и 80-х годах XI столетия половцы впервые начинают появляться на дунайской границе Византии. Хозяевами придунайских степей были тогда печенеги, поэтому половцы не могли здесь кочевать постоянно, но являлись сюда из придонских степей лишь изредка, по призыву — то своих собратьев печенегов, то их врагов — ромеев. О том, что половцы в XI веке были лишь случайными гостями на Дунае, наглядно свидетельствуют события 1088 года: половцы в этом году были позваны печенегами вместе повоевать против Византии, но пришли слишком поздно, уже после того, как печенеги разбили византийцев и захватили огромную добычу. Печенеги отказали половцам из-за их опоздания в части этой добычи; тогда последние, по словам Анны Комниной⁴⁷, так возразили печенегам: «Мы оставили свои вежи, совершили далекий путь, чтобы поспешить вам на помощь. Мы готовы

от Днепра, очевидно, к западу от него. За три дня русские, обремененные пленными, вряд ли ушли далее верховьев Бузулука или Ингульца. Поэтому мы присоединяемся к мнению Пл. Бурачкова (Платон Осипович Бурачков; 1815—1894 — историк, археолог, нумизмат. — *Прим. ред.*), что летописная Ивля — это современный Ингулец (ныне часть города Кривой Рог. — *Прим. ред.*).

были разделить все опасности, следовательно, имеем право рассчитывать на все выгоды счастливой победы...»

После сокрушения печенегов императором Алексеем Комнином в 1091 году половцы не сразу заняли придунайские степи. На дунайской границе империи водворилось относительное спокойствие, что дало возможность — именно в это время, то есть в конце XI века и в первой половине XII века, — усилиться здесь русскому элементу. Это время как раз совпадает с последними десятилетиями мощи Киевского великого княжества, когда русскими в причерноморских степях были разгромлены половцы и даже на время изгнаны из степей за дарьяльские Железные ворота. Но со смертью Мстислава Великого (1132 год) и с началом усобиц между Ольговичами и Мономаховичами Русь теряет свое преобладание в степях; половцы из-за Железных ворот Кавказа возвращаются в Причерноморье, и киевская летопись с 1146 года отмечает появление каких-то новых «диких половцев»*.

Именно в это время, с середины XII столетия, половцы проникают к Дунаю и начинают все чаще тревожить соседние оседлые государства. В 1148, 1154, 1160 годах они нападают на дунайское пограничье Византийской империи**; в это же время Угория приступает к укреплению своей трансильванской границы со специальною целью обороны государства от половцев. Из грамоты 1211 года короля Андрея узнаем, что из-за половецких нападений даже в самой Трансильвании, на верховьях Ольты, страна была превращена в пустыню. В 1211—1212 годах угорские короли в грамотах немецким рыцарям, поселяемым на трансильванской границе, прямо

* Далее «дикие половцы» упоминаются под 1149, 1159, 1172, 1195, 1196 годами. Грушевский понимал выражение «дикие половцы» в том смысле, что летописец противопоставлял «диким», то есть степным, половцам — «своих», поселенных с 1140-х годов на Руси. Мне такое объяснение представляется невозможным: 1) летописцы в большинстве случаев продолжают степных половцев называть просто половцами, без эпитета «дикие», 2) нет сведений о поселении половцев на границах, подобно черным клобукам, да они и не могли бы быть, так как поселять половцев на пограничье для охраны Руси от других, степных половцев было бы слишком рискованно.

** На Дунае был известен «Куманский брод» — место постоянных переправ половцев на правый, византийский берег.

указывают на цель их поселения: «...для ограждения королевства... от куман», совершавших на Угрию «беспрестанные набеги». Писавший в середине XII века Оттон Фризингенский⁴⁸ указывает, что на восток от Угрии, за Трансильванией, кочуют половцы и печенеги. То же можно заключить и из рассказа русской летописи под 1159 годом: когда галицкий князь-изгой Иван Ростиславич бежал «в поле к половцем», то вокруг него тотчас же образовался многотысячный отряд из русских и половцев, с которым он стал грабить подунайские города, принадлежавшие галицкому князю Ярославу. Это показывает, что половцы были собраны Иваном где-то здесь же, в придунайской области. Тридцатью одним годом позже та же летопись еще более определенно сообщает о существовании подунайских половцев: в 1190 году «лепшии мужи в черных клобуцах» жаловались князю Ростиславу Рюриковичу: «...се половце сен зимы воюют ны часто, а не ведаем, подунаици ли есмь что ли?». На кочевание половцев вблизи дунайского побережья указывают и обстоятельства восстания Асеней в 1186 году⁴⁹: в июне или июле Асени бегут за Дунай, к половцам, и Никита Хониат⁵⁰ рассказывает, как Петр Асень уговаривал половцев прийти к нему на помощь против византийцев еще до жатвы, то есть в том же июле месяце. Из этих слов мы видим, что у Асеней не оставалось времени на далекое путешествие к половцам заднепровским (тем более что в летнее время половцы откочевывали от Причерноморья еще дальше на север) и, следовательно, половцы, с которыми сговаривался Асень, были где-то совсем недалеко от Дуная. Наконец, на соседство болгар с половцами указывает тот же Никита Хониат, говоря о «сопредельных» с болгарами «скифах», как он называет половцев. Робер де Клари⁵¹ в начале XIII века еще более определенно говорит, что за Болгарией начинается Кумания. Итак, к середине XII века половцы окончательно обосновываются в придунайской области*. Как далеко они распространились на запад — мы не знаем,

* В начале этой главы я уже упоминал, что целый ряд исследователей защищали мысль о сравнительно раннем проникновении половцев в придунайскую область — в XI — начале XII века. Однако большинство аргументов, приводимых в пользу этого мнения, нельзя признать убедительными.

но, вероятно, — до самых дунайских Железных ворот. Известно только, что в 1114 году они уже достигали Видина⁵². Что же касается южных пределов кочевания половцев, то, в силу общекочевнической тенденции, они стремились предельно расширить диапазон кочевания с севера на юг так, чтобы в жаркое время года уйти возможно севернее, в холодное же время — возможно южнее; вот почему мы видим, что половцы охотно переходили в осенние, зимние и весенние месяцы за Дунай, в болгаро-византийские пределы, и почти никогда не встречаем их здесь летом; на летовища кочевники уходили в южнокарпатские предгорья. Вероятно, именно в эти летние месяцы половцы особенно беспокоили мадьяр, даже проникая за горы, в Трансильванию. Очевидно, сюда, в эти предгорья, приходили Асени летом 1186 года подымать половцев против византийского императора.

Далее на север, вдоль предгорий Карпат, половцы доходили до нынешней Буковины. Как далеко доходили их кочевья в направлении к Руси, мы не знаем; знаем только, что русские пределы простирались здесь приблизительно до той же широты, что и на левом берегу Днепра. По-видимому, все пространство на юг от Галицкого и Киевского княжеств было уже «половецким полем».

7

К западу от Дуная, южными пределами половецких кочевий было северное побережье Черного и Азовского морей. Киевская летопись и «Слово о полку Игореве» не раз упоминают половцев «лукоморских», то есть кочевавших у «луки моря», как называли русские вообще всякий залив, а здесь, в частности, днепровский лиман или северный берег Азовского моря*.

* «Лукоморье» и «лукоморские Половцы» четыре раза упоминаются в летописи и раз в «Слове о полку Игореве». В 1169 году по поводу одной битвы князя Михаила Юрьевича с половцами летописец вспоминает другую, прежде бывшую битву, когда тот же князь также счастливо спасся от смерти: «Бог отца его молитвою избави его от смерти, якоже и преже в луце моря и якоже бяхуться крепко». Игорь Святославович говорит дружине во время своего знаменитого похода

Кочевали половцы и на Крымском полуострове, в его северной, степной части. Рубрук пишет, что «на этой равнине («...которая тянется [от южного, горного Крыма] на пять дневных переходов до конца этой области к северу») до прихода татар, обычно жили команы». Арабский же географ Идриси (середины XII века) сообщает, что и путь из Херсона в Ялту пролегал по стране команов, из чего следовало бы, что половцам принадлежал и Южный Крым. Однако достоверность этого свидетельства была заподозрена еще Бурачковым, справедливо указавшим, что южный, горный Крым, совершенно не пригоден для жизни кочевников. Тот же Рубрук, отличавшийся несравненно большей точностью в своих показаниях, чем Идриси, говорит лишь о том, что сорок городов и крепостей, расположенных в горном Крыму между Херсонесом и Судаком и населенных различными народностями, в том числе и готами, — платили дань половцам*. Такое сообщение гораздо правдоподобнее; оно указывает лишь на «сферу влияния» половцев в областях, прилегавших к степям; это «влияние» выражалось в платеже крымскими городами дани половцам. Последним было очень важно держать в зависимости прибрежные города Крыма, так как эти города были местом сбыта половецкого сырья и местом покупки городских изделий. Ибн аль-Атир говорит о Судаке: «Это город кыпчаков, из которого они получают свои товары, потому что он лежит на берегу Хазарского (Черного) моря и к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются (мусульманскими купцами) девушки и невольники, буртасские меха, бобры, белки и другие предметы,

да 1185 года: «...идем по ним у луку моря где же не ходили ни деди наши». В 1193 году киевский князь вел переговоры о мире «с половци с лукоморьскими», пришедшими из степей в Канев. В 1223 году татары гнали половцев «по Дону и в луку моря». Автор «Слова о полку Игореве» вспоминает, как Святослав «поганого Кобяка из луку моря от железных великих плъков Половецких яко вихрь выторже...».

* Ф. Брун (Филипп Карлович Брун; 1804—1880 — российский историк, археолог, профессор Новороссийского университета. — *Прим. ред.*) считал, что под «сорока крепостями» Рубрука надо видеть непонятое Рубруком название города Кырк-Ер («Сорок мест»), стоявшего на месте нынешнего Чуфут-Кале.

находящиеся в земле их (то есть кыпчаков)»*. Очевидно, Судака, находившийся только в «сфере влияния» половцев, куда они являлись по своим торговым делам, был принят арабским историком за собственно половецкий город.

Характерно, что Рубрук, выехав из Судака на север, лишь на третий день своего пути встретил в крымских степях татар и только с этого времени считал, что он попал «в какой-то другой мир». Вероятно, нечто подобное было и при половецком господстве, то есть что и половцы кочевали много севернее Судака, в степях, а не жили возле самого города. Иосафат Барбаро⁵³, проведший шестнадцать лет в Крыму (в 1436—1452 годах), сообщает, что половцы жили лишь в северо-восточной его части.

Впрочем, Ибн Саид, писавший в середине XIII века, знал, хотя и смутно, о какой-то высокой горе у Азовского моря, где находился замок Мания, который «некогда» «служил хранилищем для сокровищ султана Туманиев. Ныне же в нем хранятся сокровища преемников Берке». Под именами «Мании» и «Тумании» нетрудно узнать латинское наименование половцев куманами, а их страну — Куманией. Но где надо искать эту высокую гору — остается неясным.

Наконец, на пребывании половцев в Крымском полуострове и на значительное влияние их на местное население может указывать то обстоятельство, что армяне и караимы, жившие некогда в Крыму и в XIV столетии выселившиеся в Галицию, Волынь, Литву и Польшу, переняли половецкий язык, на котором кое-где говорят еще и поныне. О том, что в половецкой земле жили караимы, сообщает еврейский путешественник XII века рабби Петахия.

Остается неясным, жили ли половцы по восточному побережью Азовского моря, то есть между устьем Дона и Керченским проливом. Идриси определенно говорит о зависимости от половцев именно восточного побережья Азовского моря. Однако рабби Петахия, лично посетивший эти места в середине XII века, сообщает, что «на расстоянии одного дня (пути) за землей Кедар (половцев) есть залив между

* До Судака подобным же местом сбыта и закупки товаров для половцев был Херсонес.

страной Кедар и страной Хазарией». Если под страной хазар здесь подразумевается не Крым, а область на восток от Азовского моря, то из этого свидетельства вытекает, что хазары жили где-то у самого Азовского моря, отделенные от земли половцев одним из лиманов восточного побережья (Ейским? Бейсугским?). Доминиканец Юлиан⁵⁴, проезжавший в 1237 году по этим же местам, ничего не сообщает о половцах: он, приплыв из Константинополя в город Матрику (Матарка, Керчь), который находился, по его словам, в стране Зихии, нашел там население, по описанию ничем не напоминающее половцев, а затем степью отправился далее, пока не попал на тринадцатый день пути в страну Алан. Описание Юлиана оставляет впечатление, что на юго-восточном берегу Азовского моря половцев не было*.

Далее на восток от Азовского моря граница «поля половецкого» шла предкавказскими степями к низовьям Волги и северному побережью Каспийского моря. Из-за полного отсутствия источников нет возможности точнее обозначить пределы половецких кочевий между Азовским и Каспийским морями. Можно лишь утверждать, что половцы не достигали ни предгорий Кавказа, ни устья Волги: предкавказские степи занимали аланы и ряд других мелких кавказских народов, а также остатки хазар, которые, впрочем, были сосредоточены главным образом в низовье Волги, где у них был город Саксин.

Плано Карпини пишет: «...с юга же к Комании прилегают аланы, чиркаасы, хозары, Греция и Константинополь, также земля иберов, кахи, брутахии, которые слынут иудеями, — они бреют голову, — также земля цикков, георгианов и арменов и земля тюрок»**. Ибн аль-Атир также свидетель-

* Схоже с Юлианом пишет и Рубрук. Он пишет, что выше «устья моря Танаидского» (то есть Керченского пролива) «находится Зихия, которая не повинуется Татарам, а к востоку свевы и иверы, которые [также] не повинуются татарам». Таким образом, и по Юлиану, и по Рубруку половцам на юго-восточном побережье Азовского моря не остается места.

** Из этого перечня не следует считать, что все перечисленные народы были непосредственными соседями половцев; это место, веро-

ствует, что в эпоху татарского нашествия у северных кавказских предгорий жило «много народов, в том числа аланы, лезгины и [разные] тюркские племена» (не включая в число последних половцев, о которых он говорит затем отдельно). Аланы были здесь настолько сильны, что половцы не могли проходить сквозь их землю, чтобы достичь Дарьяльского ущелья: это явствует из рассказа грузинской летописи «Картлис Цховреба» под 1118 годом. В этом году грузинский царь Давид II принял к себе на службу большое количество половцев из причерноморских степей. Половцы, прежде чем прийти в Грузию, попросили у Давида обеспечить им возможность пройти сквозь землю предкавказских алан. Давиду пришлось лично выйти навстречу половцам, взять заложников и от половцев, и от алан и только после этого провести половцев Дарьяльским ущельем в Грузию. То, что половцы в предкавказских степях жили отдельно от алан и севернее последних, видно из рассказа Ибн аль-Атира о нашествии татар: татары, придя из Закавказья в землю алан, смогли одолеть их лишь после того, как половцы, соединившиеся было с аланами против татар, под влиянием татарской дипломатии оставили алан: следовательно, оба народа не жили здесь вместе; а то обстоятельство, что, только разбив алан, татары вторглись в землю половцев, показывает, что половцы жили севернее алан*.

ятно, надо понимать так, что за действительно соседившими с половцами аланами, черкассами и хазарами еще южнее жили иберы, кахи, грузины, армяне. Последняя группа народов жила уже в Закавказье и поэтому не могла соприкасаться с половцами, никогда в Закавказье не кочевавшими.

* В. Ляскоронский (Василий Григорьевич; 1859—1928 — российский историк, археолог, этнограф, писатель. — *Прим ред.*), не представлявший себе кочевания половцев в иных местах, кроме как между Доном и Днепром, для того, чтобы объяснить их пребывание в предкавказских степях в эпоху татарского нашествия, вынужден был предположить, что здесь были не сами половцы, а некие «полудикие народы», которых половцы поселяли в Предкавказье для обороны своих границ, и что «таким образом, половцы, по-видимому, применяли и у себя те же приемы для охраны своей страны, какие практи-

Как уже упоминалось выше, устье Волги не принадлежало половцам, так как там продолжали жить хазары, имевшие свой центр в городе Саксине*. Однако половцы кочевали вблизи этого города и севернее его, вверх по течению Волги. В Лаврентьевской летописи под 1229 годом находим такое известие: «...тогож лета саксини и половци възбегоша из низу к болгаром перед татары и сторожеве болгарьскыи прибегоша, бьени от татар близь реки, ей же имя Яик»; мусульманский писатель Ахмед Тусский⁵⁵, писавший в последней четверти XII века, сообщает, что саксинцы «много терпят от кыпчакских орд».

Таким образом, в своем обзоре пределов «поля половецкого» мы возвращаемся к Туркестану, откуда начали этот обзор. С востока на запад, от среднеазиатских степей до степей придунайских оно простиралось на 3,5 тысячи километров; с юга на север, от черноморского побережья до границы лесостепи диапазон половецких кочевий мог достигать 700 километров.

ковались в то время в пределах южной Руси». Ляскоронскому так было трудно отрешиться от представления, что половцы могли кочевать и восточнее Дона, что он предпочел создать столь искусственную теорию об охране половецкой «границы». Заметим, что создание подобного рода пограничной охраны из кочевых или полукочевых народов принадлежит исключительно оседлым государствам и, насколько мне известно, никогда не практиковалось кочевниками.

* После разгрома в X веке Хазарии Святославом хазары не исчезли окончательно, но продолжали жить в разных местах некогда обширного своего государства (в Крыму, а если верить Петахии — то и у восточного побережья Азовского моря), а в низовьях Волги они, по-видимому, даже сохранили свою политическую самостоятельность, с центром в городе Саксине, находившемся на месте прежней столицы Хазарии — Итиле. Поэтому в XIII веке хазары даже слыли под именем саксинцев. Так они названы русской летописью под 1229 годом, так они известны и Плано Карпини. Саксин был до монгольского нашествия большим торговым городом, настолько укрепленным, что, вопреки мусульманским известиям о взятии его татарами, Плано Карпини записал легенду об успешной обороне саксинцами своего города от татар. Не удивительно, что половцы не владели низовьем Волги: оно находилось в руках сильных еще в XII—XIII веках хазар-саксинцев.

Вот почему армянский царевич Гетум был поражен размерами половецкой земли и был прав, считая, что «Комания — одно из величайших государств, существовавших на земле».

Исследователи, писавшие о половцах, обычно считали, что «центром» половцев было северное побережье Азовского моря и низовья Дона. Прежде всего необходимо отказаться от выражения «центр», которое более подходит в применении к оседлому миру, чем к кочевническому, потому что таких центров у всякой кочевой орды будет два: зимний и летний, в месте ее зимовий и в месте ее летовищ. Но кроме того, можно утверждать, что половцы не концентрировались только между Днестром и Доном и что одновременно существовала не одна, а целый ряд половецких групп с самостоятельными летовищами и зимовьями. Из-за того что наши сведения о различных группах половцев очень неравномерны, мы до сих пор находимся в некотором обмане: большинство источников сообщает нам лишь о приазовской группе (вернее называть ее — донецко-донской), об остальных же у нас неизмеримо меньше сведений, почему эти группы и не выступают так же рельефно, как первая. Всего же можно насчитать до пяти таких групп.

Первой и самой древней группой половцев была среднеазиатская, которая в XI—XIII веках оставалась на тех же местах, откуда пошло расселение половцев в Европу.

В эту группу входили: одно из древнейших половецких объединений — емек и половцы-канглы, более новое образование XII века. Зимовья и тех и других, как и у среднеазиатских половцев XI века, были, вероятно, у предгорий Тянь-Шаня и Алтая и у низовьев Сырдарьи, а летовища — намного сотен километров севернее и северо-западнее: у лесостепного пограничья Западной Сибири и за Уралом, у низовьев Камы.

Остальные группы жили в прикаспийских и причерноморских степях. Здесь условия кочевания были почти те же, что и в Азии: большая жара и выгорание травы в южных частях степей в летние месяцы вынуждали половцев откочевывать на это время на север, к границе лесостепи или в предгорья. В зимние месяцы, наоборот, морозы и обильные снега на севере вынуждали кочевников держаться южных пределов степей. Об этих перекочевках половцев сообщают нам совре-

менники. Арабский историк Ибн аль-Атир, описывая половцев эпохи татарского нашествия, определенно говорит о двух различных областях пастбищ в земле Кыпчак: «Это земля, обильная пастбищами зимою и летом; есть в ней места прохладные летом со множеством пастбищ и [есть в ней] места теплые зимою [также] со множеством пастбищ, то есть низменных мест на берегу моря». Плано Карпини, который видел татар в первые годы завоевания ими половецких степей и в тех же условиях кочевания, что и во времена половцев, пишет: «...все они (кочующие татары) зимою спускаются к морю, а летом по берегу этих самых рек (речь идет о Днепре, Доне, Волге и Яике) поднимаются в горы»* (очевидно, Карпаты, Приволжские возвышенности, Общий Сырт и Урал). Ан-Нувайри⁵⁶, живший в конце XIII и начале XIV века, говорит о половцах: «Это обитатели шатров, которые не живут в домах и не селятся в строениях, но проводят лето в одной земле, а зиму в другой».

Перейдем к обозрению отдельных половецких групп в каспийско-черноморских степях.

На границе Европы и Азии, вероятно, существовала небольшая, самостоятельная волжско-яицкая группа, занимавшая пространство между хазарским Саксином и Болгарским каганатом по Волге и Яику и кочевавшая от низовьев этих рек до Общего Сырта и Южного Урала. Мусульманские писатели, зная преимущественно лишь восточную часть половецкой земли, этой частью ее и ограничивали свои представления о протяженности всей территории половцев: Рашид ад-Дин⁵⁷, например, знал племя кыпчаков только «между старою ит-бараков (под которой подразумевают Волжскую Болгарию) и Яиком», где и находилось, по его словам, «летнее и зимнее кочевье кыпчаков». В действительности же это можно сказать, очевидно, лишь к волжско-яицкой группе. В «Юань-ши», китайской истории монгольских завоева-

* Рубрук сообщает о времени этих перекочевок: «...с января до августа он сам (Батый) и все другие поднимаются к холодным странам, а в августе начинают возвращаться». Время перекочевки на юг не возбуждает сомнения, но трудно поверить, чтобы татары уже в январе начинали подниматься на север.

ний, а также у Рашид ад-Дина рассказывается о том, как татары в 1237 году в приволжских степях разбили половецкого хана Бачмана и как этот хан тщетно пытался спастись от татар на «морском острове», то есть на одном из островов волжской дельты. Это известие, следовательно, также относится к волжско-яицкой группе половцев. К половцам этой же группы относится приводимое выше место русской летописи о кочевании половцев «по низу», то есть по Нижнему Поволжью, откуда в 1229 году они «взбегоша» перед татарами, а также упоминавшееся известие Ахмеда Тусского о набегах «кыпчакских орд» на саксинцев и, наконец, — воспоминание Аль-Омари о том, что до татар летовища «царей Турана» (в которых надо видеть половцев) были у Уральских гор*.

Степные пространства от низовьев Волги и Яика, вверх по течению этих рек, до широт Укека, Общего Сырта и Южного Урала издревле известны как места пребывания кочевников. Здесь жили скифы и сарматы, печенег и торки, это было место ханских кочевий татар с зимовками в знаменитом Сарае, и, наконец, здесь жили калмыки, уже сильно ограниченные русским правительством в диапазоне своего кочевания.

Третьей группой половцев была донецко-донская, кочевавшая между Волгой и Днепром, в бассейне Дона и Донца и по левым притокам Нижнего Днепра. Это была наиболее сильная группа, с которой больше всего приходилось иметь дело южнорусским княжествам. Она делилась на целый ряд родов, из которых такие, как токсоба и бурджоглы, были хорошо известны не только русским (токсобичи, бурчевичи), но и мусульманским писателям. Среди этих родов был и тот, который дал знаменитую династию половецких ханов: Шарука-

* Маркварт предполагал, что предгорья Урала были «центром» кочевания Кукчука, того кыпчакского хана, который по теории Маркварта и дал свое имя всем кыпчакам. На шаткость и хронологическую неточность этой теории я уже указывал в первой главе. Не менее спорно утверждение А. Якубовского (Александр Юрьевич Якубовский; 1886—1953 — историк, востоковед, член-корреспондент АН СССР. — *Прим. ред.*) о том, что волжский судоходный путь в XI—XIII веках находился в руках половцев. Вероятнее, что он был в руках саксинцев и камских болгар, чем у кочевников.

ня, Отрока, Кончака, Юрия Кончаковича. Донецко-донская группа лучше других освещена и русскими и мусульманскими источниками, поэтому на ней мы можем остановиться подробнее, чем на остальных половецких группах.

Зимовья этой группы были как по низовью Дона и по побережью Азовского моря, так и севернее, по Днепру, у острова Хортицы, в затоках Днепра — «в лузе в Днепреском», по выражению летописи; затем — на Среднем Осколе; и, наконец, — по среднему течению Дона, на той же широте, что и Оскол, между устьями Калитвы и Хопра.

Свои большие зимние походы в степи в эпоху Мономаха и его сына Мстислава русские совершали к низовьям Дона против приазовских половцев. Хотя летопись часто смешивала Дон с Донцом и обе реки называла Доном, тем не менее поход под начальством Димитрия Иворовича, посланного Мономахом 2 декабря 1109 года «к Дону», где он захватил до тысячи половецких веж, скорее можно относить к действительному Дону, а не Донцу*; то же надо сказать и о другом походе, 1116 года, под начальством сына Мономаха — Ярополка, который по приказу отца «ходи на Половечьскую землю к реце зовомеи Дон»**; тот же Ярополк ходил еще раз «за

* Обычно исследователи, без особых оснований, считали этот поход совершенным к Донцу. Однако такое большое количество взятых веж говорит за то, что русские проникли в расположение главной массы донецко-донской группы половцев, то есть в их приазовские зимовья.

** Грушевский и Середонин (Сергей Михайлович Середонин; 1860—1914 — русский историк, профессор русской истории Императорского историко-филологического института. — *Прим. ред.*) и этот поход относили к Донцу. Но то обстоятельство, что Ярополк при этом «приведе с собою Ясы и жену полони себе Ясыню», говорит скорее за то, что поход был не к Донцу, а Дону и Азовскому морю, где поблизости (в Предкавказье, отчасти Северном Крыму) жили ясы-аланы; на Северном же Донце, судя по данным археологии, аланы в XI веке уже больше не жили. Города же Шарукань, Сугров, Балин, взятые Ярополком во время этого похода, могли быть на Донце и лежали, очевидно, на пути Ярополка к Дону. Текст летописи позволяет считать, что Ярополк взял себе жену-аланку не из упомянутых городов, а вообще во время похода, который был направлен к Дону.

Дон» в 1120 году и сюда же посылал своих воинов Мстислав Владимирович (умер в 1132 году), о котором летописец говорит, что он «загна половцы за Дон и за Волгу за Гиик (Яик)»*. К низовьям Дона, к берегу Азовского моря, на «конец поля половецкого» стремился и Игорь Святославич Новгород-Северский, но, выйдя в поход слишком поздно, в мае месяце, когда половцы уже вышли из мест своих зимовок и шли «от Дона и от моря» на север, Игорь встретился с половцами почти у самых их летовищ — на реках Сальнице и Суюрлии.

На пребывание половцев у Азовского моря нам намекает то же «Слово о полку Игореве»: «...се бо Готьскыя красныя девы воспеша на брезе синему морю, звонячи рускым златом: поють время Бусово, лелеють мечь Шароканю...» Сопоставление этого места «Слова» с другими, где упоминается тоже «синее море», привело еще Куника к заключению, что под «синим морем» надо понимать Азовское. О жизни половцев у Азовского моря говорит и другое место «Слова»: Святослав Киевский «поганого Кобяка из луку моря от железных великих плъков половецких яко вихрь выторже». А мы знаем, что Кобяк был ханом одной из донецко-донских орд; следовательно, под «лукою моря» в данном случае надо подразумевать именно северный берег Азовского моря, а не днепровский лиман, который, как мы видели выше, носил, по-видимому, то же название «луки моря». Заметим, что как раз у устья Дона, на правом его берегу, несколько севернее города Ростова находится Кобяково городище со следами поселений XI—XIII веков. Очень возможно, что в названии этого городища сохранилась память о половецком хане Кобяке. Как ни неясны сведения о половцах у Идриси и Ибн Саида, все же несомненно, что их «Кумания» или «Тумания» находилась у Азовского моря. Где-то здесь же, вблизи этого моря, надо искать и Черную и Белую Куманию**.

* Захождение русских «за Гиик» вызвало справедливое сомнение М. Грушевского. Думаю, что и упоминание Волги — такое же риторическое преувеличение.

** О Белой и Черной Кумании говорят Идриси и Аль-Варди (1260—1349; арабский историк, географ, писатель; автор книги «Жемчужина чудес и перл диковинок», содержащей сведения по истории Золо-

Севернее зимовья рассматриваемой группы половцев известны по Днепру, у острова Хортицы. Сюда зимой «на вежа половецкия» ходил в 1190 году князь Ростислав Рюрикович, там же три года спустя тот же Ростислав опять захватывает половецкие вежи; в обоих случаях они находились на правом («русском») берегу Днепра*. Сюда же, только глубже в степи, на левый берег Днепра, был направлен и знаменитый поход 1103 года Святополка II и Владимира Мономаха. Ополчения русских спешили застигнуть половцев еще в их зимовьях, для чего вышли раннею весной, в начале марта. Русские шли берегом Днепра до острова Хортицы, а отсюда четыре дня — степью, пока не встретили половцев у реки Сутень, где и одержали над ними полную победу. Что здесь находились и вежи половцев, поясняет нам летопись: «...взяша

той Орды. — *Прим. ред.*). Идриси Черную Куманию помещает на расстоянии одного дня плавания от Матраки Тмутаракани. Эль-Варди о Кумании говорит как о городе, расположенном на северном берегу Черного моря, причем Белую Куманию отождествляет с Матлукой, то есть с Матракой Идриси. Кроме как в арабских источниках, упоминание о Черной и Белой Кумании находим у мадьярского средневекового историка Кезаи (Шимон из Кезы, Шимон Кезаи, Симон Кеза; XIII век — автор (полностью или частично) латиноязычной хроники «Деяния гуннов и венгров». — *Прим. ред.*). Из этих полуполюгендарных, страдающих анахронизмами сведений можно лишь заключить, что обе Кумании находились где-то в Причерноморских степях. Мадьярский историк Бела Кошаньи (1894—1968; венгерский историк, архивист. — *Прим. ред.*) на основании Кезаи так локализует Белую и Черную Куманию: Белая Кумания — это земля собственно половцев, которые, как известно, были светловолосы, почему и их земля могла называться Белой Куманией; под Черной Куманией же он видит землю черных клобуков. Однако сведения Кезаи еще не дают оснований переносить Черную Куманию, помещаемую арабскими источниками близ Матраки, так далеко на северо-запад, тем более что поросские черноклобуцкие поселения состояли из торков, печенегов и берендеев, а не половцев-куманов.

* Вероятно, в этот же район, но не на правый, а на левый берег Днепра, ходили зимой 1187 года полки Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича и захватили вежи половцев. Летопись не сообщает определенно — где именно находились эти вежи.

бо тогда скоты и овце и коне и вельблуды и веже с добытком и с челядью». Река же Сутень, вероятно, русское искажение тюркского названия реки Молочной — Суть-су.

Зимовали половцы и еще севернее, между Орелью и Самарою (об этом — ниже) и, по-видимому, даже по Среднему Осколу, судя по походу к Осколу черниговских и новгород-северских князей зимой 1191 года.

Наконец, зимовья половцев были и по Среднему Дону, по нашему расчету — несколько южнее города Воронежа, между устьями Калитвы и Хопра. В 1199 году князь Всеволод Юрьевич Суздальский «ходив по зимовищем (вариант: становищем) их (половцев)... возле Дон».

Вероятно, в соответствии с разными географическими широтами зимовищ у донецко-донской группы были и разные широты для летовищ. Главные летовища, протяженностью километров в триста с востока на запад, были между Донцом и Днепром на широте устьев Торца и Оскола и западнее в пространстве между течениями рек Самары и Орели. Это было исконное место летовищ всех кочевников причерноморских степей от скифов до татар, оставивших здесь огромное количество курганов. Исследователь степных древностей Д. И. Эварницкий⁵⁸ так характеризует эту местность: «Стоит только бегло взглянуть на обширнейшие, необозримые и цветущие долины всех трех рек (Эварницкий включает в свой обзор кроме Самары и Орели еще и реку Конские Воды, или Конскую. — *Д. Р.*), чтобы сразу понять какое неисчерпаемое богатство все они представляли для человека в доисторические и исторические времена. Обилие воды, рыбы, зверя, птицы, а также вечно зеленой и вечно сочной травы, большого векового высокого строевого леса, низкорослых густых и непролазных чащ и всякого рода чагарников, все это такие Божьи дары, которые далеко не везде можно найти в открытых и знойных степях». Леса и непроходимые чащи имели для половцев не меньшее значение, чем остальные блага природы: они служили им защитой от нападений русских. Самарские леса были последними на пути с севера на юг: за ними расстилалась уже безлесная степь. По-видимому, эти-то леса и упоминаются летописцами под именем Голубого и Черного. Эти леса защищали половцев

с севера, но, правда, когда русские застигли половцев севернее этих лесов, их непроходимость была губительна для самих половцев. В 1170 году половцы были прижаты русскими к Черному лесу и все были здесь иссечены или взяты в плен: «...а самех (половцев) постигоша у Черного леса и ту притиснувшу я к лесу и избиша я, а ины руками изоимаша». Лесистыми были и берега Тора, и берега Донца у устья Оскола.

Обратимся к известиям о летних кочеваниях половцев в этой области.

В тридцати верстах южнее устья Оскола, на реках Сальнице и Суюрлии, которые отождествляются с Сухим Торцом и Тором, 3–5 мая 1185 года произошла встреча половцев с русскими во время знаменитого похода Игоря Святославича. Половцы в это время подходили к месту своих летних кочевий. Именно здесь оставался Игорь в течение последующих летних месяцев в плену у половцев; отсюда, с берегов Тора, он и бежал осенью на Русь. В этих же местах семьюдесятью годами раньше, 24–27 марта 1111 года, встретились с половцами русские войска во главе со Святополком II Киевским и Владимиром Мономахом: летопись упоминает ту же реку Сальницу и поток Дегей, в котором видят приток Сальницы — Дегель. Хотя о вежах при этом в летописи не говорится, но богатый полон, захваченный русскими, красноречиво указывает на то, что они встретились здесь не только с войском половцев, но и с их вежами. Археологи отмечают в этом районе большое число кочевнических курганов — по низовьям Бахмута, Тора (правые притоки Донца), по Сухому и Черному Жеребцу (левые притоки Донца) и по течению самого Донца между устьями этих рек. Это типичные кочевнические курганы (с погребением с конем), из которых археологи еще не могут выделить безусловно половецких.

Таким же излюбленным местом летовищ кочевников было междуречье Орели и Самары. О кочевании здесь больших сил половцев летом говорит летописная запись 1183 года, когда «на месте нарецаемем Ерель его же русь зовет Угол» было иссечено и взято в плен огромное количество половцев и их ханов. Это случилось 30 июля. И хотя летописец не говорит ничего о вежах, но из самого летописного рассказа мы можем заключить, что русские напали на половецкие

кочевья, которые они долго разыскивали: «...перебродися на ратьную (левобережную) сторону Днепра и 5 дни искаша их (половцев)».

Междуречье Орели и Самары представляло для кочевников столько удобств, что, по-видимому, некоторые орды, быть может те, что на лето уходили еще севернее, проводили здесь и зиму. На это указывает зимний поход 1187 года Святослава и Рюрика Киевских к Снопороду и Голубому лесу и два других похода русских в эти же места на самой границе зимы и весны — в феврале—марте, когда половцы вряд ли успели бы прикочевать сюда с юга. В 1152 году еще до 1 марта*, но когда «уже бе к весне», князь Мстислав Изяславич разбил половцев «на Угле и на Самаре, а полон мног взял, самех прогна а веже их пойма, коне и скоты их зая...», а в 1170 году коалиция русских князей, по инициативе того же Мстислава Изяславича, 2 марта выступила из Киева и произвела страшный погром половецких веж на Орели, Снопороду и преследовала половцев до самого Оскола**.

Кроме главных летовищ в области Самары, Орели и Среднего Донца у половцев донецко-донской группы были летовища и много севернее, близ Псела, на Среднем и, может быть, Верхнем Осколе, в бассейне Быстрой Сосны, по верховьям Дона, по Воронежу, Цне, Вороне и Хопру — докуда позволяли леса и русское и финское сплошное население. Выше мы уже определяли подробнее предел проникновения половцев на север, служивший вместе с тем и границей их крайних северных летовищ***.

* Считаю так потому, что эта летописная заметка включена еще в конец событий 1152 года, который оканчивался тогда 1 марта.

** Д. Багалей (Дмитрий Иванович Багалей; 1857—1932 — российский историк, ректор Харьковского университета. — *Прим. ред.*) датирует поход 1168 годом и считает, что он совершился между 2 и 31 марта. Пл. Бурачков считал, что упоминаемая здесь река Орель неотжественна с местом «нарецаемем Ерель его же русь зоветь Угол», о котором говорит летопись под 1183 годом, и что реку Угол надо искать на правом берегу Днепра; Снопород же Бурачков отождествлял с рекой Синюхой, также на правом берегу.

*** В добавление к приведенным ранее сведениям о северных пределах кочевания половцев между Доном и Днепром приведу еще од-

Четвертой половецкой группой была лукоморская, кочевавшая на правом берегу Днепра. Это была, видимо, небольшая группа — быть может, только обособившаяся часть рода бурджоглы, одного из сильнейших родов донецко-донской группы половцев. Лукоморской называлась она, очевидно, по своим зимовищам у днепровского лимана, слывшего, подобно Азовскому морю, под названием Лукоморья. Лукоморские половцы самими летописцами выделялись как бы в особую группу и даже противопоставлялись левобережным половцам.

«В лето 6701 (1193), — сообщает киевская летопись, — посла Святослав (сидевший тогда в Киеве) к Рюрикови (державшему все киевские пригороды) река ему се ты снимался с половци с лукоморские. а ныне послем по половци по вся по Бурчевича». Далее рассказывается, как лукоморские половцы пришли правым берегом Днепра в Канев на свидание с русскими князьями, а Бурчевичи пришли левым берегом и не захотели переходить на правый, в Канев. Упомянутых при этом лукоморских ханов мы встречаем в это же время именно на Правобережье, вблизи киевского пограничья*. Очевидно, кочевание лукоморских половцев простиралось от черноморского побережья до границ Киевской Руси, то есть до верховьев Буга и водораздела Выси и Роси.

Наконец, последней группой половцев была дунайская, кочевавшая от низовьев Дуная до Южных Карпат и русского, галицкого, пограничья.

но, хотя и позднее, но очень любопытное указание казанского летописца о том, что половцы кочевали на правом берегу реки Красивой Мечи (правый приток Дона): «Поле же то великое зело велико, конца мало ходячи до дву мор (ю), на восток до Хвалынского, а полудние до Чернаго, на нем же Русти гради и веси и села мнози стояху древле, и мнози бяху людие живуци в них, имеюще селение и водварение, и за поле Куликово по Мечю реку, на оной же стране реки тоя тако же мнози срацыни, половцы живяху, в вежах своих кочюущи».

* Лукоморские ханы Акуша и Тоглый, за которыми посылали Святослав и Рюрик в 1193 году, упоминаются еще и в 1190 году. К ним бежал из Поросья и вместе с ними совершал нападения на Киевскую Русь чернокоблучкий хан Кунтувдей. Из описаний этих событий летописью вытекает, что Кунтувдей ушел из Руси к тем половцам, которые кочевали недалеко от киевского пограничья.

Таковы пять групп половцев, которые мы можем наметить на основании наших источников. Не надо думать, что это были совсем изолированные друг от друга группы. При подвижности кочевого мира они легко объединялись для общих целей. Так, хан донецко-донских половцев умирает где-то на Волге, в Болгарском каганате, отравленный болгарами вместе с рядом других ханов. Лукоморские, а может быть, и донецко-донские половцы отправляются на помощь дунайским и т. п. Однако отдельные группы вели и самостоятельную политику, и, не учитывая самостоятельности этих групп, мы многого не поймем в русско-половецких отношениях XI—XIII веков и в истории завоевания половецких степей татарами. Кажущиеся нам сейчас противоречивыми известия мусульманских писателей о различных причинах проникновения татар в Причерноморье будут легко объяснены, когда мы будем знать, что эти противоречивые известия просто относятся к различным группам половцев.

В заключение для полноты обзора «поля половецкого» надо отметить, что как в другие периоды, так и во времена господства в причерноморских и среднеазиатских степях половцев последние отнюдь не были единственными обитателями этого огромного пространства. Наряду с ними искони жили в степях и другие, как кочевые, так и оседлые народности, находясь в подчиненном состоянии у главенствовавшей орды. Так было при скифах в VI—IV веках до н. э., так было и при татарах в XIII—XV веках н. э. То же было и в XI—XIII веках при половцах.

Мы видим в причерноморских степях в первые полвека господства половцев осколки прежних властителей этих степей — печенегов, торков, берендеев, которые оказались в положении зависимых, ограбленных и обнищавших. Так было при торках с печенегами на Волге и Яике, это же произошло и с самими половцами при татарах*. В 1116 году печенеги, торки и берендеи подняли против половцев восстание, и часть их после его разгрома ушла из степей на

* Печальную судьбу половцев под властью татар красноречиво описывают Плано Карпини, Рубрук, Аль-Омари и ряд других мусульманских источников.

Русь; остальные же, очевидно, постепенно ассимилировались. Кроме них, жили в «половецком поле» аланы; вероятно, оставались в степях (главным образом в приволжских и крымских) кочевники-хазары; наконец, кочевниками стали и во все время господства половцев жили с ними вместе часть прежнего русского населения степей — так называемые «бродники»⁵⁹.

Кроме этого подвижного кочевого населения, жило в «половецком поле» и оседлое население. Это были прежде всего русские, вернее — потомки тех восточных славян, которые в короткий период роздыха от нашествий кочевников — между уходом гуннов и авар и до прихода печенегов, в VII—IX веках колонизировали степи до самого черноморского берега. Не прекращался приток русских и в XI—XII веках, главным образом в Дунайскую область; также всегда жило в степях огромное количество русских пленных, приводимых половцами после их набегов на Русь. Часть этих пленных продавалась в причерноморских портах, часть же навсегда оставалась при вежах в качестве рабов. В Придунайской области, кроме русских, жили также болгары и валахи, удержавшиеся на своих местах и при половцах. На другой периферии «половецкого поля», в Крыму и у берегов Азовского моря, жили армяне, караимы и аланы*, а на лесостепной границе между Доном и Волгой — буртасы и, может быть, часть мордвы.

* Около 1240 года епископ Аланский так характеризует расселение своей паствы: «...они возлюбили посылать некие многолюдные выселки, так что наполнили почти всю Скифию и Сарматию». Большинство историков причерноморских степей считали, что аланы населяли и те «придонские» города (Шарукань, Сугров, Балин), которые упоминаются летописью при описании походов русских в степи в 1111 и 1116 годах. Вероятно, в упомянутых городах жило смешанное население, состоявшее из осколков тех народностей, которые последовательно сменялись в степях: иранцев, русских, турок. Примером такого искони населенного пункта может служить расположенное близ устья Дона Кобяково городище, раскопки которого показали, что население здесь жило непрерывно с доскифских времен и до XIII века включительно. Ремесленное население подобных городов, находившихся в зоне кочевников, было необходимо последним для обслуживания их потребностей в кожевничестве, металлических из-

Существование оседлых поселений в зоне кочевников — явление обычное в истории. Мы наблюдаем его также в Туркестане при Сельджукидах и Караханидах, где под властью тюрков оставалось на прежних местах старое иранское население; то же, по-видимому, было в Камской Болгарии, где кочевники-болгары жили среди оседлых аборигенов края — финнов; известны, наконец, многочисленные поселения русских, алан и других народностей в Причерноморских степях под властью татар.

Глава 4. Военная история половцев

Да лучше есть на своей земле костью ле-
чи, нежели на чюжеи славну быти...

Слова хана Отрока (Ипатьевская летопись)

История половцев не может считаться столь же интересной, столь же творческой, как история других тюркских народов, например южногузского (сельджукского) или османского, которые, будучи кочевниками, выходили из своих степей, пробивали себе путь в страны с оседлым населением, покоряли эти страны и создавали там новую государственность, сперва полукочевую, затем переходившую в чисто оседлую. Половцы в этом отношении походили на своих ближайших собратьев — печенегов, которые также за всю свою историческую жизнь не выходили за пределы степей и вне их не создали никакого государства. Половцы с печенегами как бы следовали заветам великих тюркских каганов Срединной Азии, заклинавших в VII—VIII веках тюрков не изменять родным степям и не поддаваться соблазну более близкого соприкосновения с заманчивой, роскошной, но и изнеживающей культурой оседлых народов.

Не раз половецким ханам представлялась возможность радикально изменить ход истории в причерноморском бассей-

делях и т. д. Подобное смешанное население существовало в эту эпоху и в придунайских городах, о чем нам сообщает Михаил Атталиат (ок. 1030 — ок. 1085; византийский историк и правовед. — *Прим. ред.*).

не. В 1091 году они держали в своих руках судьбы Византийской империи; но после того, как они помогли византийцам разбить своих сородичей печенегов, половецкие ханы и не подумали использовать свое положение победителей; удовлетворившись византийскими подарками, они вернулись в свои степи. С силами, значительно превышавшими в численности своих союзников — русских, половцы не раз вступали в столицу Южной Руси Киев; однако они никогда не пытались воспользоваться своим преобладающим положением, чтобы создать здесь свою государственность. Будучи главной опорой в армии грузинского царя Давида Строителя, половцы всегда оставались послушным вспомогательным войском, не стремясь создать на Кавказе независимое тюркское ханство. С Кавказа и из-за Балканских гор, из Киева и из еще более далекого Владимира-на-Клязьме половцы неизменно возвращались в причерноморские степи. Вошедшие в эпос слова одного из виднейших половецких ханов Отрока, что «лучше на своей земле лечь костями, нежели на чужой славным быть», могут действительно служить эпиграфом ко всей двухвековой истории половцев.

Сколько византийцы ни стремились расселить на пограничье империи своих беспокойных степных соседей, из этого, по их собственному свидетельству, ничего не получалось. Никита Хониат во второй половине XII века должен был признать, что только половцев, убитых в сражениях, византийцы смогли навсегда прикрепить к своей земле: «По частям, по отрядам, по целым ордам и легионам они падают от оружия императора, покрывая землю, на которую они сделали набег: только этим путем они прикрепляются к земле...» В степях половцы и нашли свой конец. Когда «полем половецким» завладели татары, то большинство половцев или осталось на своих прежних местах, но уже в положении невольников у новых завоевателей, или ушло в другие степи, паннонские, чтобы там променять татарское рабство на службу венгерским королям.

Такой степной консерватизм половцев обуславливался двумя причинами: безусловным предпочтением кочевнического строя жизни перед оседлым и особо благоприятными условиями, сложившимися для половцев в причерномор-

ских и среднеазиатских степях в те два столетия, в которые они занимали эти степи: в продолжение XI—XII веков, до самого нашествия татар, у половцев не было побудительных причин к выселению из степей под давлением каких-либо врагов. Соседние же лесостепные или сплошь лесные области, занятые оседлыми народами, для кочевой орды не представляли интереса*.

Если мы отметим эту чрезвычайную привязанность половцев к степям и равнодушие к другим географическим зонам, нам станет понятна и вся история половцев, в основе своей лишенная какой-либо серьезной большой агрессии, стремлений к завоеваниям вне степей. Но половцам, которые сознавали себя хозяевами всех степей от Средней Азии до Дуная, было трудно отказаться от тех небольших степных пространств, которые еще до их прихода были колонизованы оседлыми народами. Половцы, занимая степи, сразу завязали борьбу с этими народами. Они не вышли из нее победителями: у них не хватало умения или сил отобрать у оседлых народов их степные окраины. Оседлые народы сумели прочно закрепить за собой свои степные форпосты, причем это было сделано в значительной степени с помощью кочевников, которые бежали от половцев, когда те заняли причерноморские степи. Печенеги, торки и берендеи, спасаясь от половцев, искали убежища на границах леса и степи. И Болгарский каганат, и Русь, и Угория, и Византия создали на своих степных границах прочные заслоны из этих тюркских беглецов, черных клобуков, как называли их на Руси. Черные клобуки куда лучше искусственных укреплений оберегали границы от половцев, к которым черные клобуки были особенно непримиримы из-за изгнания из родных степей.

* Даже паннонские степи, это естественное продолжение среднеазиатских и черноморских степей, остались вне половецких устремлений. В начале своего расселения половецкая орда на крайнем западе была недостаточно многолюдна, чтобы предпринять серьезные попытки к освоению Паннонии. В придунайской области половцы начинают утверждаться лишь с середины XII века. Отдельные же попытки проникнуть за Карпаты в XI веке встретили отпор со стороны мадьяр.

Половцам, которые не имели возможности захватить эти степные пространства, оставалось лишь «изгоном» нападать на них и грабить. Таково возникновение тех чрезвычайно беспокойных, хаотических пограничных войн, которые половцы вели на протяжении всей своей двухвековой истории с Хорезмом, Волжской Болгарией, с русскими княжествами от Рязанского до Переяславского и Киевского, с Византией на ее дунайском пограничье.

Из этих пограничных степных областей половцы иногда проникали в лесостепные или сплошь лесные области. Но цели подобных наездов оставались примитивными: они сводились к грабежам городов, захвату пленных (для получения рабской рабочей силы и для продажи на иностранные рынки), уводу скота. Все это было далеко от попыток настоящего завоевания. В некоторых случаях, как, например, в отношениях с Русью или городами Крымской Готии, половцы стремились получать систематические откупы — золотом, драгоценными материями, но и это им не всегда удавалось. Единственно, кого они полностью подчинили себе экономически, заставив платить дань мехами, — были буртасы, жившие в глухих лесах между Волгой и Доном. Но область буртасов скорее не соседствовала с «полем половецким», а входила в его территорию, так как летовища половцев обходили с севера буртасские леса.

Борьба половцев с Киевской Русью, разыгравшаяся на рубеже XI и XII веков и повторившаяся во второй половине XII века, сводилась, со стороны половцев все к тому же грабежу и к попыткам захватить некоторые пограничные русские пастбища в Киевском и Переяславском княжествах. Русь же, втянутая половцами в эту борьбу, стала стремиться совершенно вытеснить кочевников из степей и снова укрепиться на черноморском побережье. В этой двухвековой борьбе «леса и степи», несмотря на временные успехи той и другой стороны, ни одна из них ничего не достигла. При этом мы можем наблюдать совсем разные способы борьбы, причем оценка этих способов будет не в пользу кочевников. Русь действовала и более организованно, и более дальновидно; мы можем, хотя и смутно, различить у нее определенную политику, чего совсем не видим у половцев (вот почему я воздержался от то-

го, чтобы назвать настоящую главу «Политическая история половцев»). Русь дважды осуществляла большие объединенные походы в степь, явно давшие положительные результаты. Кроме чисто военных мер, Русь, по-видимому, устраивала и политические союзы против степняков с теми оседлыми христианскими народами, которые жили у южных окраин «половецкого поля», — аланами и грузинами. Чем иным объяснить это настойчивое желание русских князей родниться с грузинскими и аланскими династиями? Было бы трудно найти объяснение этому факту только в общности христианской веры, так как известно, насколько плохими христианами были, например, аланы, почти забывшие к этому времени и веру, и обряд христиан. Роднились же с аланами и грузинами как раз те из русских князей, которые принимали деятельное участие в борьбе с половцами. Политика окружения кочевников одновременно и с севера и с юга была традиционной политикой русских, начало которой лежит еще в деятельности киевского Святослава против печенегов. Против этой политики Руси половцы ничего не противопоставляли, и в этом, на наш взгляд, заключается примитивность кочевников и их беспомощность организовать борьбу с соседним оседлым миром.

Русская историография несколько преувеличила значение военных столкновений Руси и половцев; в бесплодных и, в сущности, безопасных для существования Руси войнах с половцами она видела серьезный натиск азиатского Востока на форпост европейской цивилизации, на европейскую Украину, как называла она Южную Русь; эти войны русские историки (Соловьев, Ключевский⁶⁰, Пресняков⁶¹, Виппер⁶², Шмурло⁶³) ставили в связь с крестовыми походами, считая Южную Русь левым флангом общеевропейской борьбы христианской Европы с мусульмано-языческим Востоком.

Взгляд этот ошибочен. Если в Византии или на Ближнем Востоке велась со стороны кочевников действительно борьба наступательная, борьба за целые области, то этого вовсе не было на «левом фланге». За мелкими пограничными войнами не видно настоящего наступательного движения на Русь половцев; этого никогда не было и, добавим, быть не могло из-за нежелания половцев, как мы только что упомяну-

ли, выходить из степей и расширять свою территорию за счет лесостепной или лесной областей. Половецкие войны были статическими, а потому и не могли серьезно угрожать Руси, которая в эти века почти вся находилась в лесной полосе.

Страдать могли лишь те сравнительно незначительные части Руси, которые вклинивались в степи и оставались открытыми для половецких нападений. Но такие земли составляли не более одной пятнадцатой всего пространства, занимаемого тогда Русью.

Когда говорят об опустошительных нападениях половцев, указывают на их набеги на соседние оседлые государства. Однако при этом упускается из вида, что эти набеги в большинстве случаев совершались половцами не по собственной инициативе, а по призыву других оседлых государств, без помощи которых вряд ли были бы возможны далекие походы половецкой конницы через горы и леса. Все далекие экспедиции половцев внутрь Руси всегда совершались ими с помощью какого-нибудь из русских князей, приглашавших половецких ханов поучаствовать в грабеже соседнего княжества то как своих родственников, то как просто платных наемников. То же относится и к проникновению половцев на Балканский полуостров, где их проводниками были претенденты на византийский престол или болгарские Асени.

Единственно, в чем можно видеть более или менее систематическую половецкую политику, — это нападения половцев на черных клобуков Киевской Руси, которых половцы домогались угнать обратно в степи, так как продолжали считать их своими рабами. Это общекочевническая тенденция, характерная не только для половцев; особенно же настойчиво проводили ее жизнь, между прочим, татары. Но половцам не удалось достигнуть и этой цели: несмотря на временный разгром ими русских черноклобуцких поселений на рубеже XI и XII веков, эти поселения все же остались за Русью, которая сумела отстоять своих черных клобуков и в течение всего XII и первой половины XIII века, вплоть до татарского нашествия, они продолжали быть оплотом южнорусского степного пограничья.

За два столетия независимой жизни половцы только раз, в самом начале XII века, испытали серьезный удар, так что

даже возможность дальнейшего существования их в причерноморских степях оказалась под сомнением: это было в те годы, когда киевским князьям Святополку II (ум. 1113), Владимиру Мономаху (1113—1125) и Мстиславу Великому (1125—1132) удалось вытеснить из причерноморских степей донецко-донскую группу половцев. Но, вернувшись сюда после того, как Русь, занятая внутренними усобицами, перестала им быть страшна, половцы оставались уже в степях без перерыва до прихода татар; во все это время, то есть с середины XII и до середины XIII века, военная мощь орды оставалась неизменной. Я подчеркиваю это потому, что в русской историографии по этому поводу существует два диаметрально противоположных взгляда: Ключевский считал, что силы половцев, сила их напора на Русь со второй половины XII века неуклонно возрастали; Грушевский же утверждал обратное — что соседство с более культурной оседлой Русью разлагало орду, что с середины XII века сила половцев шла на убыль и что отдельные роды их даже начали переходить на оседлый образ жизни, расселяясь на границах Приднепровской Руси.

Невозможно согласиться ни с одним из этих взглядов. Если половцы порой отнимали у Руси «и Греческий путь и Соляной и Залозный», то это было явлением временным, не изменявшим испокон веков налаженного товарообмена между степью и причерноморскими портами с одной стороны и Русью — с другой; северные пределы половецких кочевий и южные границы приднепровских русских княжеств оставались неизменными со второй половины XII века и до конца существования половецкой независимости; если половцы захватывали южнорусские степные города и села, то у них никогда не хватало сил включить их в круг жизни «половецкого поля»; подобные завоевания не длились более нескольких лет, после чего все возвращалось к исходному положению. Но если нельзя видеть какого-либо усиления половцев в отношении своего главного противника — Руси, то также нельзя подметить и какого-либо ослабления и разложения половецкой орды в это время. В войнах с Русью в 70—80-е годы XII столетия половцы обнаруживают еще много сил и большую сопротивляемость. Утверждение же, что под воздействием

оседлой русской культуры половцы с середины XII столетия стали поселяться в русских приграничных областях, есть, как увидим ниже, просто недоразумение, основанное на недостаточно внимательном чтении источников. Верные своему степному быту, половцы до конца своей независимости оставались настоящими кочевниками и не выходили за пределы «поля». Лучшим примером равенства сил половцев и Приднепровской Руси во второй половине XII века может служить предложение представителей одного половецкого рода, пришедших в 1169 году договариваться о мире с киевским князем: они хотели заключить мир, «чтобы ни ты не боялся нас, ни мы не боялись тебя».

После этой общей характеристики военной истории половцев перейдем к последовательному и более детальному рассмотрению военных отношений половцев с их оседлыми соседями.

Наши сведения об этом далеко не равномерны. Мы чрезвычайно мало знаем об отношениях половцев с волжскими болгарами, Хорезмом, Крымом, Иконией; немного больше сохранилось известий об их отношениях с Византией, Грузией, Угрией; лучше же всего мы знаем, благодаря русским летописям, об отношениях половцев и Руси, и то главным образом Руси Приднепровской, но не Галицко-Волынской, Суздальской или Рязанской.

1. Начало войн с соседями (30 — 80-е годы XI века)

Половцы, став господами степей от Иртыша до Дуная, прежде всего попытались полностью освоить все степное пространство, до его естественной границы, то есть до лесной полосы. Поэтому они сразу же вступили в конфликты с оседлыми народами, которые соседствовали со степями и владения которых вклинивались в самые степи.

Первыми, кого встретили половцы на пути своего расселения, были хорезмийцы, владевшие нижним течением Сырдарьи. До нас дошли лишь отрывочные сведения о том, как уже в 30-х годов XI века половцы начали совершать набеги на Хорезм. Однако это полуоседлое мусульманское государ-

ство было достаточно крепко и с успехом отражало нападения. О преобладании его над кочевниками свидетельствует еще и то, что хорезмийские шахи стали принимать к себе на службу целые отряды половцев — вероятно, после серьезного разгрома кочевников. Аналогичные случаи отказа от самостоятельной жизни известны и в истории причерноморских половцев (например, служба у грузин); явление это всегда было связано с тяжелыми моментами в жизни половецкого народа.

Вторым государством на пути из Азии в Европу, с которым половцы вошли в столкновение, был Болгарский каганат на Волге. К сожалению, об этом конфликте мы знаем так же мало, как и об отношениях половцев и Хорезма. Южные пределы Болгарского каганата вклинивались в приволжские степи; во время летних кочеваний половцы подходили к самым границам каганата. Очевидно, из-за вторжений половцев в болгарские области и начались у них конфликты с болгарами.

Первое по времени из известных нам столкновений относится к 1117 году. Киевский летописец лаконично сообщает: «Тогда же придоша половци к болгаром, и высла им князь болгарьскыи пити с отравою, и пив Аепа и прочии князи, вси помроша». Это не было мелкой пограничной стычкой: на это указывает и количество ханов, подступивших к Болгарскому каганату, и имя единственного из названных ханов — Аепы. В это время известно два хана с этим именем, оба виднейшие среди половцев и принадлежавшие к донецко-донской группе, а не к приволжской, в области которой разыгралось это событие. Следовательно, сюда явились ханы и из дальних улусов.

Третьим оседлым государством, на которое половцы начали нападать, была Русь. Войны с нею велись не только на пограничье Киевского, Переяславского и Черниговского княжеств, о чем достаточно сведений в русских летописях, но и на рязанском пограничье, о чем сохранилось крайне мало данных.

Столкновения половцев с Русью у рязанских пределов были так же неминуемы, как у южных границ Болгарского каганата. Русские колонизовали небольшую полосу степного

пространства по правому берегу Прони; во время своих летних кочеваний до этих мест доходили и половцы. Самое возникновение города Рязани исследователи ставят в связь с началом половецких нападений и объясняют постройку этого города-укрепления необходимостью защитить окский водный путь от кочевников.

Впервые Рязань упоминается в 1096 году, но основание ее историки относят к шестидесятым годам XI века. Возможно, что к этому времени относится начало укрепления, дабы поставить преграду половцам, и левого берега Прони, где был построен Пронск и воздвигнуты валы по берегу Прони. Все это свидетельствует о том, что половецкие набеги на рязанское пограничье начались сразу же по занятии половцами причерноморских степей, то есть уже со второй половины XI века, на чем сходятся и историки Рязанского княжества.

Но еще интенсивнее и значительнее были нападения половцев в Приднепровье, на окраины Киевского, Переяславского, Черниговского и Новгород-Северского княжеств, куда их могла притягивать, помимо богатства этих степных областей, еще и специальная цель — вернуть бежавших из степей печенегов и торков, которых Русь приняла и расселила на своем пограничье. Половцы же считали этих кочевников, как я уже упоминал, своими беглыми рабами.

Впервые половцы вошли в соприкосновение с Русью в Приднепровье в 1055 году. В этом году под предводительством хана Болуша они подступили к самому крайнему из русских княжеств, Переяславскому, целиком расположенному в степи. Переяславский князь Всеволод Ярославич «створи... мир с ними», как выражается русская летопись, то есть постарался откупиться от них подарками, после чего половцы «возвратишася восвояси». Но в 1062 году половцы с другим ханом, Сакалом, пришли на этот раз уже «воевать» Русскую землю и 2 февраля разбили переяславского князя и разорили княжество. Спустя шесть лет, осенью 1068 года, половцы явились еще в большем количестве («придоша... половци мнози»), вторглись в Переяславское княжество и на реке Альте, близ самого Киева, разбили вышедшее им навстречу объединенное войско трех южнорусских князей и рассыпались грабить Приднепровскую Русь. Из Пере-

яславского княжества половцы перебравшись на правый берег Днепра, в Киевское княжество, а на левобережье прошли до Черниговского княжества, к Сновску. Это было первое большое вторжение половцев в русские пределы. Оно совпало по времени с принятием Русью большого количества бежавших из-под власти половцев торков. Оба события находились между собою в связи. Половцы и впоследствии не раз предпринимали набеги на Русь с целью возвратить себе беглецов. Таковы были причины половецких нападений в 1093, 1105, 1125 годах*.

Узнав дорогу в Южную Русь и познакомившись с ее богатствами, половцы стали, насколько им позволяли обстоятельства, часто производить набеги на южнорусские княжества,

* Напрашивается аналогия с первым столкновением Руси с позднейшими своими степными врагами — татарами. Если верить рассказу Троицкой летописи, Русь во враждебные отношения с последними встала только из-за половцев, которых татары стремились покорить, а русские князья, поддавшись уговорам половцев, приняли их под свою защиту: «Тогда же уведавше татарове, что идут князи русстии прогиву им и прислаша послы к князем русским: “се слышим, оже противу нам идете, послушавше половец, а мы вашей земли не заяхом, ни городов ваших, ни сел, не на вас придохом, но придохом, Богом попущени, на холопы и на конюси свои, на поганья половци, а возьмите с нами мир, а нам с вами рати нету; оже бежать к вам половци, и вы бейте оттоле, а товар емлите себе, занеже слышахом, яко и вам много зла творят, того же ради мы их отселе бьем”. Князи же русстии того не послушаша, и послы татарьския избиша, а сами поидоша противу им...» Впереди русских ждала Калка. В общих трудах по русской истории не останавливались на этом эпизоде (а лишь излагали его); критически это место Троицкой летописи не разбиралось. Сами летописцы, по-видимому, верили в искренность заверений татарских послов и осуждали поэтому князей, не послушавших татар. В более поздних летописях, как, например, в Никоновской, вера в слова татар и осуждение своих князей будут еще более явными. Однако было бы неосторожно принимать целиком все слова татар, как то делали летописцы; уверения их послов о возможности мирного соглашения с Русью могли быть лишь обычным приемом татар, желавших воспрепятствовать соединению своих противников, как это только что было перед тем с половцами и аланами в тех же половецких степях.

дабы обогащаться пленниками, стадами, табунами и вообще всем тем, что можно было увести в степи.

Не всегда решаясь встретиться с русскими воинами в открытом сражении, половцы предпочитали применять излюбленный кочевнический прием нападения «изгоном», что позволяло им проникать далеко в глубь русских земель, разорять их и возвращаться с добычей. Не надо, однако, думать, что подобные набеги совершались небольшими отрядами; наоборот, численность их доходила до многих тысяч; летопись один раз упоминает восьмитысячный отряд, другой раз — двенадцатитысячный. В 1071 году половцы воюют на правом берегу, у Ростовца и Неятина, в 1078 году — в Переяславском княжестве, в 1080 году проникают в глубь Новгород-Северской земли, заходя в лесные области: здесь одна орда разоряет Стародуб, тогда как другая грабит по Десне, вблизи Новгород-Северского; в 1083 году они берут Горошин — укрепление на переяславском пограничье; в 1084 году восьмитысячный отряд половцев хозяйничает у Прилука в Переяславском княжестве; в 1085 году половцы снова появляются на правом берегу — у Святослава, Юрьева и Красна на Киевщине; в 1092 году они берут переяславские города Песочен и Переволоку и воюют на правом берегу Днепра.

К 90-м годам XI столетия половцы успели основательно разорить русское степное княжество — Переяславское. Они настолько не боялись здесь русских, что располагались даже с вежами, то есть с кибитками и скотом, на сезонное кочевание на территории самого княжества: в 1086 году мы видим их вежи на реке Удае у города Варина.

Помимо самостоятельных нападений на Русь, половцы стали проникать в нее благодаря приглашениям самих русских князей, искавших военной силы для своих междоусобных войн. Это давало и возможность безнаказанно грабить русские области. С 1078 года такие походы становятся обычным явлением*.

* В 1078 году половцев наводят на Русь князь-изгой Олег и Борис (под Чернигов); в следующем году то же делает другой изгой, Роман (он приходил с половцами к Воиню на Переяславской границе); в 1094 году половцев снова наводит Олег «Гориславич» (в Чернигов-

Сознавая свою силу, половцы начинают предъявлять русским князьям требования откупов — золотом, ценными материями, скотом. Владимир Мономах в своем Поучении вспоминает, как он заключил за свою жизнь девятнадцать «миров» и «дая скота много и многы порты свое», то есть драгоценные одежды. Как только в Киеве садился новый великий князь, половцы тотчас же являлись к нему для заключения нового договора, который, в сущности, сводился к получению подарков. Это не была та дань, которую позже будут регулярно собирать с русских татары, но это был как бы откуп от разорений, «покупка мира» на некоторое время, — обычный способ всех кочевников поживиться за счет оседлых государств. Отказ со стороны Руси в таких подарках вел часто к войне.

При более серьезном желании сохранить мирные и даже дружеские отношения с русскими князьями половецкие ханы роднились с Рюриковичами и, как еще более действенное средство, — обменивались заложниками. В 1095 году впервые видим у черниговского князя Олега Святославича сына хана Итлара, по всей вероятности, в качестве такого заложника*. Олег Святославич был одним из первых русских князей, который стремился установить, в противоположность киевскому Святополку II и переяславскому Владимиру Мономаху, мирные отношения с половцами и даже искал в них поддержки для осуществления своей черниговской политики. Поэтому не удивительно, что именно у него мы впервые видим половецкого заложника**.

ское княжество), а в 1097 году — Давид Игоревич (под Луцк, в Волынское княжество). Владимир Мономах провел половцев до Минска, в котором, по его собственному признанию, с помощью половецкого рода Ичитеевичей, он не оставил в городе «ни челядина, ни скотины».

* П. Голубовский, считал, что Итларевич находился у Олега «на воспитании».

** Этот «союзник» половцев в глазах русских князей был изменником Руси: Владимир Мономах, идя в 1095 году в поход на Олега, мотивирует этот поход так: «И Стародубу идохом на Олга, зане ся бьше приложил к половецм» (Поучение Мономаха).

К этому же времени, то есть к 70–80-м годам XI столетия, относятся и первые проникновения половцев в Византию и Угriu. Свои нападения половцы совершали, как я уже упомянул, не по собственной инициативе, но вследствие призывов со стороны византийцев и мадьяр. В 1078 году византийская хроника впервые упоминает половцев как участников вместе с печенегами похода на Адрианополь. Кочевники явились в Византию, позванные, как уже говорилось, одним из претендентов на престол — Никифором Василяки. Упоминали мы и о том, как дважды, в 1086 и 1087 годах, призывал себе на помощь причерноморских половцев угорский король Соломон. Во время похода 1087 года Соломон погиб под стенами Константинополя; половцы же основательно пограбили северные пределы Византии. Еще год спустя приднепровских половцев, как мы знаем, призывал себе на помощь в борьбе с Византией печенежский хан Татуш. Половцы ответили на его призыв согласием, но к решающему сражению опоздали и тем не менее пожелали получить часть печенежской добычи, из-за чего между ними и печенегами возник спор, который перешел в вооруженное столкновение, и дело кончилось тем, что половцы перебили несметное число печенегов, а остатки их загнали в низовья Дуная. Этим воспользовалась Византия и заключила с половцами союз. Таким образом, со следующего, 1089, года мы видим половцев уже на службе у византийцев. С этого времени половцы прочно входят в обиход византийской политики как сила, направляемая Византией против печенегов.

2. Великое двадцатилетие (1090–1110 годы) и катастрофа 1100–1120-х годов

Девяностые годы XI и первое десятилетие XII века — это время наивысшей силы половцев и наибольшего значения их в мировой истории. Под водительством своих великих ханов — Боняка, Тугоркана, Шаруканя Старого, Алтуны — они принимают деятельное участие в судьбах соседних оседлых государств: они спасают Византию от печенегов, вторгаются в Угriu, помогают русским нанести страшное поражение мадьярам, проникают в Польшу; центральным же

моментом их истории являются их войны с Русью. Эти войны привели к тому, что половцы были совершенно разгромлены Русью, частью даже вытеснены из степей и отброшены к Кавказу, где вынуждены были искать приют у грузинских царей. Таковы главные события в жизни половецкого народа в 1090—1120-х годах.

Обратимся к рассмотрению этих событий.

В 1091 году придунайские печенеги грозили существованию Византийской империи. Император Алексей Комнин решил спасти Византию с помощью половцев. Он послал в приднепровские степи грамоты к половецким ханам с призывом прийти к нему на помощь против печенегов. Прельщенные обещанной наградой, половцы во главе с ханами Боняком и Тугорканом в количестве сорока тысяч перешли Дунай и явились к императору в долину реки Гебра (Марица). Здесь и произошла кровопролитнейшая битва, в которой византийцы вместе с половцами почти совершенно уничтожили шестисоттысячную печенежскую орду. Послушайся половцы голоса крови и соединишь с одноязычными им печенегами — судьба христианского мира была бы совсем иной. Однако они предпочли уничтожить предшествовавших им хозяев степей и тем спасти Византию.

В том же 1091 году половцы совершили смелый и далекий поход в глубь Угрии; предводительствовал ими хан Капулч. Венгерский летописец приписывает этому хану желание завоевать Угriu, но в действительности поход носил черты обычного грабительского набега, правда, исключительно большого и далекого. Капулч — вероятно, из приднепровских степей — переправился через карпатские горные проходы, спустился в Бигарскую область*, перешел Тису и здесь, на правой ее стороне, принялся грабить и захватывать пленных. Но тут его настиг король Владислав, разбил и взял в плен вместе с большей частью его войска. Это вызвало приготовления половцев к новому походу на выручку Капулча. Однако Владислав предупредил половцев, высту-

* Еще в 1070 году тем же путем через Карпаты в Бигарскую область проходил хан Озул, не то печенег, не то половец. Очевидно, это был проторенный путь кочевников.

пил к Дунаю и там разбил половецких ханов Акоша (Акочая?) и Энзема, а пленных расселил по Угрии и крестил.

В следующем, 1092, году половцы впервые проникают в далекую от «половецкого поля» Польшу, путь в которую лежал через Русь. Туда повел их галицкий князь Василько; летопись сообщает, что «в се же лето (1092) воеваша половцы ляхы с Васильком Ростиславичем»*.

В эти же годы (1092—1095) половцы втягиваются в авантюру против Византии, поддавшись на уговоры бежавшего в степи из херсонесской тюрьмы лже-Диогеновича, выдававшего себя за сына императора Романа IV Диогена**. Во главе двенадцатитысячной орды половцев был известный уже нам хан Тугоркан. Половцы перешли Балканские горы, взяли Голою, Диамполь и осадили Адрианополь. Это вызвало большую тревогу в империи, и сам император Алексей выступил в поход против претендента на византийский престол и его союзников. Во время одной из вылазок из осажденного Адрианополя византийский полководец Никифор Вриенний, которому император поручил оборону города, напал на орду Тугоркана и разбил ее наголову; при этом было убито семь тысяч половцев. Самозванец был захвачен в плен, а остатки половцев с их ханом едва ушли через горные проходы Балкан обратно в степи. Три тысячи пленных Тугоркановой орды были взяты на военную службу империи и расселены в районе Ниша.

Но самая напряженная борьба завязалась в 90-х годах XI века у половцев с русскими. Велась она главным образом

* Польская хроника Галла (Галл Аноним; кон. XI — нач. XII — автор древнейшей польской хроники, написанной на латинском языке — в русском переводе известна как «Хроника или деяния князей и правителей польских». — *Прим. пер.*) знает только о нашествии половцев и не упоминает о русских. По Галлу половцы были разбиты польским князем Болеславом Кривоустым.

** Васильевский (Василий Григорьевич Васильевский; 1838—1899 — российский византист, академик Императорской Санкт-Петербургской АН. — *Прим. ред.*) предполагал, что поход половцев под Адрианополь был делом их собственной инициативы. Не естественнее ли видеть инициатором этого предприятия самого самозванца?

силами днепровско-донской группы сперва в Приднепровье, а затем в самом «половецком поле». Трудно определить, кто был инициатором этой войны. Мы уже видели, как в 80-х годах XI века половцы стали нападать на Переяславское, Новгород-Северское и Киевское княжества. Владимир Мономах, сперва черниговский, а затем переяславский князь, проявлял исключительную энергию, чтобы не оставлять безнаказанными нападения половцев на левобережье, выходил им навстречу и удачно отражал их набеги, захватывал целые вежи, брал в плен ханов. Но с 90-х годов нападения половцев на южные русские княжества усилились, и Русь стала терпеть поражение за поражением. 13 апреля 1093 года умер великий князь Киевский Всеволод Ярославич. Половцы сейчас же прислали новому киевскому великому князю Святополку II посольство, очевидно, с требованием традиционного откупа; на языке русского летописца половцы «послаша... о мире». Но Святополк, неопытный еще в делах с кочевниками, не только отказал в «мире», но и арестовал послов. Половцы двинулись в Киевскую область и прежде всего осадили черноклобуцкий центр — город Торческ. Святополк решил уступить, освободил послов и соглашался на мир, но было уже поздно: половцы «не восхотеша» мира и начали разорять русскую землю. Их было около десяти тысяч. 29 мая половцы разбили Святополка II и Владимира Мономаха у Треполя на берегу Стугны, а 23 июня на реке Желани, севернее Киева, нанесли еще большее поражение Святополку. Вскоре после этого половцы взяли Торческ, который перед этим выдержал девятидневную осаду, и увели в степи огромное количество пленных. В следующем году между половцами и Русью был заключен мир — вероятно, один из самых выгодных миров, заключенных половцами за всю их историю. Со стороны половцев его заключал вместе «со иными князи половецьскими» все тот же хан Тугоркан, со стороны русских — Святополк II и Владимир Мономах. Мир был закреплен браком дочери Тугоркана с самим Святополком. Впервые половецкая хатунь⁶⁴ становилась великой княгиней Киевской.

Но уже в следующем году мир был нарушен — не ясно, по чьей вине. По-видимому, сначала половцы явились в Поросье и осадили Юрьев; после этого пришли к Владимиру

Мономаху под Переяславль два половецких хана — Итларь и Кытан для переговоров о «мире». Владимир, изверившийся в договорах с половцами, велел умертвить обоих ханов и всю их дружину*. После этого половецкие нападения начались снова. В 1097 году знаменитый Боняк, воспользовавшийся усобицами на Руси, когда и киевский и переяславский князья были на севере Черниговского княжества, быстрым набегом прошел до самого Киева и пожег его предместья, а другой хан, Куря, сжег окрестности Переяславля. Вслед за Курей под Переяславль явился с целым рядом других ханов тесть Святополка II — Тугоркан и начал осаду города; здесь счастье изменило Тугоркану: едва спасшись от меча Никифора Вриенния под Адрианополем, он нашел смерть под русским Переяславлем: его тесть Святополк II Киевский вместе с Владимиром Мономахом разбили половцев; в этой битве Тугоркан, его сын и ряд других половецких ханов были убиты. Зато в это же время Боняк, отогнанный было за Буг, вторично напал на Киев, ограбил и сжег его окрестности и загородные монастыри, водрузил свои стяги перед воротами Печерской обители, едва не ворвался в самый Киев, а затем благополучно ушел обратно в степи. Только в 1101 году в Сакове был снова заключен общий мир между всеми половецкими ханами (днепровско-донской группы) и князьями Киевским, Переяславским и Черниговским; обе стороны обменялись заложниками.

Приблизительно к этому же времени относится женитьба князя Олега Святославича на дочери хана Осолука (Узлука)**.

Так на протяжении меньше чем десятилетия и во втором по

* М. П. Погодин (Михаил Петрович Погодин; 1800—1875 — русский историк, в 1826—1844 годах профессор Московского университета. — *Прим. ред.*) считал, что сначала были осада и сожжение половцами Юрьева (лето 1095 года по Погодину) и лишь в феврале 1096 года — избиение Мономахом Итларя и Кытана.

** Об этом браке Н. Баумгартен (Николай Александрович Баумгартен; 1867—1939 — русский историк, специалист по генеалогии Рюриковичей. — *Прим. ред.*) говорит на основании того, что половецкие ханы Тюнрак и Камос Осолуковичи названы в Ипатьевской летописи под 1146 годом уями Святослава Новгород-Северского. Уй — дядя по матери.

значению русском княжестве, Черниговском, княгиней стала половецкая хатунь.

В эти же годы половцам суждено было сыграть существенную роль в борьбе западнорусских княжеств с Угрией. В 1099 году князь Давид Игоревич Волынский обратился к Боняку с предложением принять участие в походе вместе с галицкими князьями против угорского короля. В знаменитой битве у Перемышля на реке Сане именно половцы способствовали поражению угров; они в течение двух дней после сражения преследовали остатки мадьярского войска, производя тем самым его окончательный разгром.

Мир, заключенный в Сакове, продолжался недолго: уже через два года, в марте 1103 года, русские князья, во главе со Святополком II и Владимиром Мономахом, решили предпринять большой поход в глубь половецких степей, дабы оградить Русь от беспрестанных разорений половцев. По видимому, половцы и после саковского мира не переставали нападать на Русь. Владимир Мономах взял в этом походе в плен хана Белдюзя, вероятно одного из участников саковского мира. «И пришедшу ему, уприси его Володимер: “То веде, яла вы рота. Многажды бо, ходивше роте, воевасте Русьскую землю. То чему ты не учил сынов своих и роду своего не переступати роте, но проливаете кровь хрестьянську? Да се буди кровь твоя на главе твоей”. И повели убити и...» Кроме того, и знаменитые слова Мономаха на долобском съезде (где было решено предпринять поход) о том, что «оже начнет смерд орати, и половчин приеха, ударит смерда стрелю, а кобылу его поимет, а в село въехав, поимет жену его и дети, и все именье его возмет», рисуют безнадежное положение в русских пограничных княжествах и после саковской «роты»*. Я остановился на этом подробнее потому, что в рус-

* Вспомним еще сказанное в 1095 году дружиной Владимира Мономаха в связи с убийством половецких послов — ханов Итларя и Кытана: «Княже! Несть ти в том греха: привел ти е Бог в руке твои. Чему оне, к тебе всегда роте ходяще, губят землю Рускую и кровь хрестьянську проливают беспрестани» (Перевод: «Княже! Нет тебе в том греха! Отдал их Бог в руки твои. Зачем они всегда, дав тебе клятву, губят землю Рускую и кровь христианскую проливают непрестанно»).

ской историографии высказывалось предположение, что не половцы, а русские «без всякого повода со стороны первых» нарушили саковский мир.

Большие соединенные силы русских князей наголову разбили половцев на реке Сутени (вероятно, ныне Молочная)*; в этом сражении пало до двадцати половецких ханов, в том числе прославленный своею храбростью Алтунопа, помощник Боняка в перемышльской битве с уграми. Значительное количество печенегов и торков, поработанных половцами, были теперь выведены русскими из степей. Это был первый большой поход Руси в ответ на беспрерывные половецкие нападения последних лет.

Этот первый разгром половцев еще не ослабил их: в 1105 году мы видим Боняка дважды разоряющим Киевскую область; в 1106 году половцы воюют на Погорыни, в Волыни, а в 1107 году тот же Боняк опять нападает на Русь: сначала идет под Переяславль, а затем предпринимает большой поход «со всеми половцы» вместе с ханом Шаруканем Старым и многими другими ханами; но на этот раз половцы на Суле потерпели серьезное поражение: был убит брат Боняка, а Шарукань едва спасся бегством. После этого наступило недолгое примирение, подкрепленное новыми браками русских князей с половецкими хатунями: два хана Аепы (один сын Асена, другой сын Гергени) выдали своих дочерей: за младшего сына Мономаха — Юрия и за старшего сына Олега Черниговского — Святослава**. Однако другие ханы не переставали воевать с Русью; этим, вероятно, объясняется то, что уже в 1109 году Мономах послал свои войска в глубь степей,

* См. гл. III.

** Н. Баумгартен понял выражение Мономаха «створихом мир с Аепою и поим у него дочь» в том смысле, будто Владимир сам женился на дочери Аепы, и поэтому считал, что Аепы выдали за русских князей в 1107 году трех дочерей: одну за Мономаха, другую за его сына Юрия и третью за Святослава Ольговича. Баумгартена ввела в заблуждение лапидарность стиля Мономаха, который не дописал, что он «поим... дочь» для своего сына. Летопись в тех же выражениях пишет об этом браке, но объясняет, для кого «помял» Мономах дочь Аепы: «...и помя Володимер за Георгия Епиопину (Аепину) дочь Асену внука».

к Дону, где русские захватили до тысячи веж, а в 1111 году соединенные силы русских приднепровских князей совершают новый большой поход в глубь половецких степей, на этот раз к Донцу, ниже устья Оскола, где дважды наголову разбили половцев и взяли огромное количество пленных и скота*.

Перевес начал явно клониться на сторону Руси. Когда в 1113 году умер Святополк II Киевский и половцы стали собираться под Вырем, очевидно, с целью идти на Киевское княжество и требовать нового «мира» и «подарков» от нового великого князя Владимира Мономаха, то последний, собрав большое войско, выступил навстречу половцам и кочевники бежали. В 1116 году войска киевского и черниговского князей снова идут в глубокий поход в степи, на низовья Дона, и русские князья входят в сношения с аланами, жившими на окраине «половецкого поля», возможно ища в них опоры против общего врага — половцев**. Эти походы расшатали силу половецкой орды, в ней появились признаки разложения: вслед за походом русских 1116 года остатки торков и печенегов, живших среди половцев, восстали против своих поработителей: два дня и две ночи длилась резня, в результате которой торки и печенеги ушли из степей; они явились на русское пограничье и здесь были расселены русскими. М. Грушевский расценивал это событие как неудачную попытку положить конец половецкой гегемонии и вынужденный уход восставших из степей. Однако трудно себе представить, чтобы подчиненные половцам тюркские народности могли рассчитывать на полное уничтожение власти половцев в степях. Не надо забывать, что половецкая орда жила не только в причерноморских степях, но и далее за Доном, до самого Иртыша и вряд ли прикаспийские и среднеазиатские половцы остались бы равнодушными к такому изничтожению своих сородичей. Поэтому в восстании 1116 года скорее надо видеть удачное освобождение из-под половецкого владычества покоренных половцами других кочевников, чем неудачную попытку свергнуть половецкую власть в степях. Хотя и ослабленные, половцы даже и в эти годы не отказываются от ак-

* О направлении этого похода см. в гл. III.

** См. гл. III.

тивности, и мы видим их то нападающими на дунайское пограничье Византии (в 1114 году у Браничева и Видина), то вступающими в какой-то конфликт с волжскими болгарами (в 1117 году), о котором я уже говорил выше. Не имей половцы в эти годы никакого значения, вряд ли великий князь Киевский Владимир Мономах в 1117 году женил бы своего сына Андрея на внучке знаменитого Тугоркана.

Но все же главные силы днепровско-донецких половцев были подорваны. Это совпало со смертью наиболее знаменитых и сильных ханов этого времени. Еще в 1096 году был убит Тугоркан, в 1103 году погиб Алтунопа; 1107 годом датируется последнее известие о Шарукане Старом*; Боняк упоминается в последний раз в 1109 году**. С именами этих ханов связано славное в истории половцев двадцатилетие 1090—1110-х годов. Боняк с Тугорканом были сокрушителями печенужской орды и спасителями Византийской империи. Но тот же Тугоркан заставлял трепетать Византию, когда он вместе с претендентом на византийский престол пробивался до Адрианополя. Боняк разбил угров на Сане и дважды подступал к Киеву, водружая свои знамена перед воротами Печерского монастыря. Половецкий эпос создал легенду, что Боняк своим мечом рассек Золотые ворота Киева. В борьбе с Киевской Русью оба великих хана сложили свои головы: Тугоркан, вместе с сыном, — на реке Трубеже, близ Переяславля, Боняк — где-то в киевских пределах***. Память о Боняке долго жила среди половцев, и желание отомстить русским за его смерть было живо у кочевников и шестьдесят—семьдесят лет спустя. На Руси же Боняк стал персонажем страшных легенд и сказок.

* Шаруканя точно не было в живых в 1118 году, когда его орда ушла на Кавказ. Ее вел сын Шаруканя — Отрок.

** Впрочем, слова полоцких князей «Бонякови шелудивому во здоровье», относящиеся к 1127 году, как будто указывают на то, что Боняк еще был жив в это время. Но запись этих слов в Ипатьевской летописи сделана под 1140 годом.

*** В 1185 году хан Кончак, идя на Русь, говорил другому хану, Козы (Гзы): «Поидем на Киевскую сторону, где суть избита братья наша и великий князь наш Боняк» (Ипатьевская летопись).

Шарукань Старый считался современной ему грузинской летописью «самым выдающимся из кыпчакских ханов». Его главным противником был Владимир Мономах, с которым он беспрестанно воевал и от которого ему пришлось претерпеть много унижений: он был взят в плен Мономахом и сидел в плену в оковах, пока переяславский князь не отпустил его обратно в степи. И сами половцы долго помнили великие унижения старого Шаруканя: еще спустя полвека в приазовских вежах пели песни, в которых «лелеяли» месть за Шаруканя.

Место Шаруканя Старого в его роде занял сын его Отрок (или Атрак). Еще на рубеже XI и XII веков дочь Отрока была выдана за грузинского царя Давида II. Отроку пришлось принять на себя последние удары Владимира Мономаха и уйти из степей за Железные Ворота Кавказа. Русская летопись прямо говорит, что Мономах погубил «поганья измаилтяны, рекомья половцы, изгнавшю Отрока во обезы, за Железная врата... Тогда Володимер и Мономах пил золотом шоломом Дон и приемшю землю их всю и загнавшю оканьныя агаряны»; другой летописец, более близкий времени Мономаху, добавляет, что он, Мономах, «наипаче же бе страшен поганым». Действительно, с 1118 года видим Отрока со всей своей ордой принятым Грузией; из половцев грузинский царь организовал отборную конную армию — по одним известиям в сорок, по другим — в пятьдесят тысяч человек*. Грузинская летопись уточняет несколько стилизованный эпический отрывок, включенный в русскую летопись, и поясняет, что перед 1118 годом половцы жили по соседству с Грузией, находились в бедственном состоянии, а Давид II, нуждавшийся в это время в войске, пригласил своего тестя Отрока со всей его ордою в Грузию. Следовательно, Владимир Мономах отбросил днепровско-донских половцев в предкавказские сте-

* У Матфея Эдесского (Маттеос Урхаеци; ум. 1144 — армянский историк и хронист XII века родом из города Эдесса (Урха). — *Прим. ред.*), не очень точно передающего грузинские события этой поры (у него, например, жена Давида II названа армянкой, а не половчанкой), упоминается всего лишь раз 15-тысячный отряд половцев на службе у Давида.

пи, а уже отсюда грузинский царь призвал их к себе на Кавказ. Здесь орда Отрока была расселена в удобных для нее местах и с нею, в течение 20-х годов XII столетия, Давид II Строитель совершил свои победоносные походы на Ширван, Персию, Великую Армению и на сельджукских тюрок.

Уход части половцев из Причерноморья в Закавказье косвенно подтверждается походом 1120 года переяславского князя Ярополка, сына Мономаха, который «ходи на половци за Дон и не обрете их, воротися вспять», — в этом можно видеть указание на то, что половцы оставили места своих прежних кочевок и ушли куда-то.

Когда в 1125 году умер Мономах, весть об этом сразу разнеслась по половецким степям. И те, очевидно более мелкие, орды, которые не покидали степей и даже продолжали кочевать поблизости от русских пределов, тотчас же ворвались в Переяславское княжество «повоевати Русску землю»; ханы, из оставшихся в степях, послали гонцов в Грузию к Отроку, зовя его вернуться в родные степи*. Отрок вернулся, но далеко не со всей своей ордой: он и сам, по эпическому отрывку, как будто колебался с возвращением**, да и из грузинских

* Эти два примера показывают, что далеко не все половцы ушли из причерноморских степей в Закавказье.

** Мономах погубил «поганяя измаилтяны, рекомыя половци, изгнавшю Отрока во обезы, за Железная врата, Сырчнови же оставшю у Дону, рыбою ожившю... По смерти же Володимере оставшю у Сырчана единому гудцю же Ореви, посла и во обезы, река: “Володимер умерл есть. А воротися, брате, поиди в землю свою. Молви же ему моя словеса, пой же ему песни половецкия. Оже ти не восхочет, дай ему поухати зелья, именовъ евшан”. Оному же не восхотевшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье. Оному же обухавшю, и восплакавшю, рче: “Да луче есть на своей земле костью лечи, и не ли на чюже славну быти”. И приде во свою землю» (Перевод: «...поганых измаильтян, называемых половцами, отогнал Отрока до обезов и за Железные ворота, а Сырчан остался у Дона, питаясь рыбою... После смерти Владимира у Сырчана остался единственный гудец Орь, и послал его Сырчан к обезам, так сказав: “Владимир умер. Воротись, брат, поиди в свою землю! Передай Отроку эти мои слова, пой ему песни половецкие; если же не захочет, дай ему понюхать траву, называемую евшан”. Отрок не захотел ни возвращаться, ни слушать пес-

источников мы знаем, что часть половцев навсегда осталась жить на Кавказе и служить грузинским царям*.

Собравшись в причерноморских степях, половцы попытались было снова начать набеги на Русь, чему благоприятствовало еще и то обстоятельство, что в 1128 году начались на Руси усобицы и черниговский князь, сам сын половецкой хатуни, пригласил семитысячную половецкую орду своих двух дядей, ханов Тюнрака и Камоса Осолуковичей к себе на помощь против других русских князей. Что набеги снова начали принимать широкие размеры, видно из того, что Мстислав Киевский пытался собрать вокруг себя для войны с половцами князей всей Руси, вплоть до отдаленных Полоцких. Результат этой новой короткой вспышки половецко-русских войн был для половцев неблагоприятен: натиск их был отбит и великий князь Киевский, подобно своему отцу, стал посылать в степи своих «мужей» и, по несколько гиперболическому слову летописца, «загна половци за Дон и за Волгу за Гиик (Яик) и тако избави Бог Рускую землю от поганых». Действительно, до смерти Мстислава мы не слышим больше о половецких нападениях на Русь.

К этому же времени, то есть к началу 30-х годов XII века, относятся первые сведения о половецких военных отрядах на службе у государей Средней Европы. В 1132 году чешский король дает германскому императору вспомогательный отряд половцев для его итальянского похода. Так как в Чехии никогда не было половецких поселений, то справедливо предположение, что король Богемии попросил этот отряд у своего родственника и союзника — короля угорского. Как раз в Угрии до татарского нашествия известен целый ряд поселений половцев. Знает «Палоч-гору» в Угрии (напомним:

ни — и тогда Орь дал ему эту траву. И когда он ее понюхал, то заплакал и сказал: «Лучше в своей земле костью лечь, чем на чужой быть прославленным». И пришел он в свою землю»). Д. Иловайский, очевидно на основании обращения Сырчана к Отроку «а воротися, брате!», предполагал, что Сырчан был братом Отрока.

* В эпоху царицы Тамары (1184—1212) различали в Грузии половцев «старых» и «новых», то есть, очевидно, поселенных еще Давидом II и в последующее время, вероятно, в эпоху Тамары.

палоч — мадьярское название половцев) и русская былина о Дюке Степановиче. В этой «Палоч-горе», по объяснению А. И. Лященко⁶⁵, надо видеть Матранские горы, где было особенно много половецких поселений. Если верно утверждение Лященко, что историческим зерном былины о Дюке Степановиче было посещение в 1151 году Киева венгерским королевичем дуком Иштваном (будущим королем Иштваном IV), то в таком случае у нас есть свидетельство о жизни половцев в Северной Угрии в середине XII века. Все это говорит за то, что еще до тридцатых годов XII века половцы — то ли вследствие какого-то неизвестного нам поражения и пленения мадьярами, то ли, может быть, вследствие добровольного прихода в Угрию после разгрома их главных сил русскими в 1110—1120-х годах — были поселены в Угрии и служили в войсках венгерских королей. Семьдесят лет спустя, в 1203 году, мы снова слышим о половецких отрядах — теперь в качестве вспомогательного войска императора Оттона IV в Тюрингии. Этот отряд был, очевидно, также венгерского происхождения.

3. Набеги на соседей и участие в русских усобицах. 1130—1160 годы

Середина XII века не ознаменовалась в истории половцев какими-либо выдающимися событиями; это время было полно лишь мелкими набегами на Русь. Половцев призывали к себе на помощь русские князья, беспрестанно враждовавшие между собой. После смерти в 1132 году последнего могущественного и почти единодержавного Мстислава I Русь впала в хронические усобицы. Это давало половцам возможность беспрепятственно грабить русскую землю и, кроме того, получать «дары многы» (главным образом в виде золота) от призывавших их князей. Среди последних у половецких ханов было немало родственников и свойственников через браки князей с половецкими хатунями. Эти-то русские родичи и обращались к своим половецким дядьям, двоюродным братьям и своякам за военной помощью, которую половцы всегда очень охотно предоставляли. Виднейшие участники русских усобиц в 1130—1160-х годах — Юрий

Суздальский, Святослав Ольгович Новгород-Северский и Изяслав Давидович Черниговский были: первый — мужем, второй — сыном и мужем половецких хатуней, а третий — свояком одного из сильнейших ханов через свою невестку, ставшую после смерти мужа женой половецкого хана Башкорда.

Сами половцы не проявляли никакой наступательной инициативы и вполне удовлетворялись ролью послушных союзников русских князей. Особенно ярко это выразили они сами устами своих послов, явившихся к новгород-северскому родственнику: «Когда велишь нам к себе с силою прийти, и се готовы есмы». Такое отсутствие собственной инициативы объясняется тем, что это время не выдвинуло таких энергичных ханов-воителей, каких дали предшествовавшая и последующая эпохи половецкой истории.

Легендой овеяно имя только одного хана Севенча, сына знаменитого Боняка. Он не раз подступал к Киеву, но не так, как некогда его отец, а в качестве союзника сына Мономаха, и выражал хвастливое намерение: «...хощю сечи в Золотая ворота яко же и отец мой». Но ему не удалось осуществить свои желания: в происшедшей под Киевом в 1151 году битве он погиб, а весь его отряд, пришедший на помощь Юрию Суздальскому, был перебит русскими.

В эти годы половцы, пользуясь призывами русских князей, грабили и жгли не только области, граничащие со степью, но проникали далеко в глубь Руси, куда они еще никогда не доходили в предшествующие времена.

Половцам в 1130—1150 годах не раз представлялся случай разорять Переяславское княжество, где они грабили города по Суле и по Удаю (Пирятин, Прилук) и по Трубежу (Баруч, Нежатин), опустошали окрестности Переяславля, доходя до Альты; они хозяйничали также в Киевской области: жгли киевский Городец (на левой стороне Днепра), перебирались на правобережье, где предавали огню и опустошению окрестности Треполя, Халепа, Красна, Василева, Белгорода, располагались под Киевом, у его предместий, обходили Киев с севера, подступая к Вышгороду.

Из Киевской области русские князья посылали половцев на север воевать Туровское, а на восток — Галицкое княже-

ство. Кочевники участвовали во взятии галицких городов Ушицы и Микулина и в осаде Звенигорода.

На левобережье половцы разоряли не только Переяславское княжество, но и Черниговское и Новгород-Северское, проникали в Вятчевскую землю и еще севернее — в Смоленское княжество. Русские родичи приводили половецких ханов под Чернигов, давая им возможность жечь его окрестности и разорять все Посемье между Черниговом и Путивлем. Большие силы половцев — «вся половецкая земля, что же их межю Волгою и Днепром» — дважды совершали глубокие набеги в Вятчевскую землю Новгород-Северского княжества, где вместе с русскими брали Кромы, Мценск, Воробинин, Домагощь. С верховьев Оки половцы посылались русскими на верховья Угры, в пределы Смоленского княжества*.

Однажды русские повели половцев даже против Пскова, очевидно, через Северскую, Смоленскую и Новгородскую земли, но, дойдя до Дубровны, деревни на реке Шелони в 70 верстах на восток от Пскова, союзное войско вынуждено было повернуть обратно.

В 1154 году, в одно из русских междоусобий, половцам удалось взять в плен русского князя противной стороны — Святослава Всеволодовича Черниговского и значительную часть киевской дружины, которые были выданы за богатый выкуп.

Половцам так пришлось по вкусу грабежи русской земли, с уводом пленных и с угоном скота, что даже тогда, когда русские князья побивали их и затем хотели с ними мириться, половцы не шли на мир: «Половцы не восхотеша (мира), — писал о них в 1151 году русский летописец, — но восхотеша кровь прияти». Не очень церемонились половцы и со своими союзниками — теми русскими князьями, которые звали их на Русь: они иногда грабили и их волости, так что тем ничего не оставалось, как «укрощать» и «умирять» половцев.

В результате подобного хозяйничания половцев на Руси степные области трех русских княжеств — Переяславского,

* Спустя двенадцать лет после упоминания об этом в летописи под 1147 годом Смоленская область будет жестоко разорена половцами.

Черниговского и Новгород-Северского и даже некоторые лесостепные районы, пограничные со степью, например Орогощский и Любечский, были в эти десятилетия так опустошены, что в них почти не осталось населения*.

* В 1161 году князь из черниговской семьи Изяслав Давидович, заявлял, что он не желает «голодом мерети» у Выри (черниговского города в степи, близ переяславского пограничья); другой князь, Святослав Ольгович, жаловался в 1159 году, что в Моровийске, Всеволоже, Орогоще, Любече (южночерниговских городах на переяславском пограничье, первые два — в степи, другие два — в лесной области) жили лишь княжеские «псары». Летописное известие 1159 года послужило ряду историков для утверждения того, что с середины XII века в приграничных со степью русских городах появляются поселения «замыренных» половцев. Но такое утверждение — лишь результат невнимательного чтения данного места летописи. В Ипатьевской летописи стоит: «...и рече Святослав (Ольгович Новгород-Северский): Господи, виждь мое смирение, колико на ся поступах, не хотя крови пролити хрестьяньски и отчины своя погубите, взяти Чернигов с седмью город пустых: Маровиеск, Любеск, Оргощ, Всеволож, а в них седят псареве же и половци» («и» есть лишь в Ипатьевском списке; в Хлебниковском и Погодинском списках «и» отсутствует). Ипатьевский список явно сокращает основной текст летописи. Это очевидно как из того, что из семи городов, о которых идет речь, перечислено лишь четыре, так и из сравнения с Воскресенским списком, который дает более полный и более осмысленный текст: «...а в них седят псареве и то же половци выпустошили». Смысл слов князя тот, что в семи городах, опустошенных половцами, живут лишь княжеские ловчие. М. Грушевский, основываясь лишь на Ипатьевской летописи и не учитывая варианта Воскресенской, утверждал, что в XII веке появляются на русской почве поселения половцев, находившихся под русской властью, подобно тому как были поселения торков и печенегов. Начало половецких поселений Грушевский ставил в связь с появлением с 40-х годов XII века в русской летописи нового термина «дикие половцы», которым летописцы, по мнению Грушевского, стали обозначать степных половцев, противопоставляя им недиких, «своих поганых», осевших на Руси. Еще ранее Грушевского Д. И. Иловайский также считал, что в упомянутых черниговских городах были расселены пленные половцы. Позже то же мнение находим у В. О. Ключевского, считавшего, что в этих городах сидели «мирные Половцы, перешедшие на Русь». О «диких половцах» и моих возражениях Грушевскому см. в гл. III. Иловайский скептически относился к словам

Видя слабость русских князей, половцы не переставали являться к ним «на мир», то есть с требованием «подарков» или откупа. Как только на киевском или переяславском столе утверждался новый князь, половцы приходили «всей землей» за такими «подарками». В 1139 году они с подобными требованиями подступили к Малотину в Переяславском княжестве, и из Киева и из Переяславля приехали к ним русские князья «и створиша мир с ними». Как только в 1146 году в Киеве был убит Игорь Ольгович и на великокняжеском столе утвердился Изяслав Мстиславич, то «слышавше половецъстии князи створившееся над Игорем, прислашася ко Изяславу мира просяче»; но уже в 1148 году (неизвестно, те же или другие колена половцев) опять явились «творити мир» с тем же Изяславом — на этот раз у города Воиня.

К тридцатым годам относятся и нападения половцев на Польшу — в 1135 году они разграбили Повислие*; в сороковых и пятидесятых годах известно два нападения половцев на дунайское пограничье Византийской империи. В 1148 году они перешли Дунай, взяли город Демничик и пограбили Северо-Восточную Болгарию до балканских гор. Шесть лет спустя, в 1154 году, половцы снова проникли за Дунай, разорили ряд греческих крепостей вдоль Дуная и разбили наголову высланный против них византийский отряд. Возможно, что в этот раз половцы действовали в согласии с мадьярами, которые как раз воевали с Византи-

князя Святослава Ольговича о бедности и разоренности рассматриваемых черниговских городов (он ошибочно приписал эти слова князю Изяславу Давидовичу), мотивируя свои сомнения тем, что еще в 1148 году любечский округ был полон всевозможной «жизнью». Но как раз в 1148–1159 годах и было разорено Черниговское княжество из-за междоусобных войн и призывов половцев.

* Голубовский почему-то считал, что половцы были наведены на Польшу галицким князем Владимирко, однако для такого предположения у нас нет никакого основания. С. М. Соловьев, Голубовский и Грушевский полагали, что поход 1120 года сына Мономаха Андрея «с погаными на ляхы» был совершен вместе с половцами. Однако под «погаными» летописец мог подразумевать необязательно половцев, но также и черных клобуков — «своих поганых».

ей. Участвовавшие набеги половцев на греческое пограничье стоят в связи с окончательным освоением ими в середине XII века придунайских степей, куда они до того прикочевывали лишь на время*.

Когда в начале пятидесятых годов несколько притихают на Руси усобицы, у половцев отпадает возможность беспрепятственно пожить в русской земле. В 1152 году, в княжение в Киеве Изяслава Мстиславича, русские снова начинают наступательные походы в степи: сын Изяслава разбивает половцев на реках Угле (Орели) и Самаре и производит основательный разгром их вож. Приграничные нападения половцев теперь не остаются без реакции со стороны русских: в 1153 году, когда половцы «пакостяхут» по Суле, тот же Изяслав опять послал против них войско. Интересно отметить, что это происходит как раз в то время, когда киевский великий князь входит в сношения не то с аланами, не то с грузинами, следствием чего в 1154 году был брак Изяслава Мстиславича на «царской дочери» «из обез»**. Брак русского князя на царевне из столь отдаленной земли, но находившейся как раз в тылу половецких причерноморских кочевий — не указывает ли он на желание Мономаховичей охватить половцев

* См. гл. III.

** В начале 1153 года Изяслав послал своего двоюродного брата и сына Мстислава встретить невесту (это был второй брак Изяслава) на устье Днепра, но она в тот год не приехала; лишь в следующем, 1154 году Мстислав Изяславич, вторично посланный отцом, встретил свою будущую мачеху на днепровских порогах: «Посла Изяслав второе сына своего Мстислава противу мачесе своей бе бо повел из обез жену себе цареву дщерь и сrete ю в порозех приведе ю Киеву...» Обезами летописцы, очевидно, называли и алан и грузин: еще П. Бутков (Петр Григорьевич Бутков; 1775—1857 — русский историк, академик Санкт-Петербургской академии наук. — *Прим. ред.*) обратил внимание на то, что в поэтическом отрывке, включенном в летопись, об изгнании половцев Владимиром Мономахом «во Обезы за Железная врата» под обезами надо понимать грузин. В грузинском происхождении невесты Изяслава Мстиславича убеждало Буткова и выражение летописи «цареву дщерь». Поэтому он считал ее дочерью царя Георгия III. Н. Баумгартен считал невесту Изяслава дочерью царя Дмитрия (Деметре) I.

с двух сторон, действуя одновременно в союзе с аланами или грузинами?*

Половцы теперь уже не могли по своей воле принуждать русских на «миры», как то было в предыдущие десятилетия: Русь или отказывалась принимать половецкие условия, или являлась на место встречи с половцами с такими силами, что кочевники, узнав о них, бежали обратно в степи.

Вторая половина 50-х и 60-е годы XII столетия снова полны мелкими набегами половцев на русское Приднепровье. За это время они трижды проникают в Поросье, нападая здесь главным образом на вежи киевских черных клобуков; пробираются и севернее, за Рось, в окрестности Котельницы, Ярополча и Мунарева; на левобережье грабят окрестности Выря, Путивля, Переяславля, разбивают переяславскую дружину, обогащаясь большими выкупами. В 1159 году в глубине Переяславского княжества, у Носова и по реке Альте, половцы захватывают более восьмисот человек и уводят их в степи**.

* М. Грушевский первоначально видел цель похода на половцев Мстислава Изяславича 1152 года в желании помешать им прийти на помощь Святославу Ольговичу Новгород-Северскому, на которого в это время пошел в поход Изяслав; позже же Грушевский считал, что посылка Мстислава в половецкие степи была актом мести Изяслава половцам за то, что они перед тем держались стороны противников Изяслава — Юрия Суздальского и Святослава Ольговича Новгород-Северского. Самый же брак Изяслава на аланке или грузинке Грушевский ставил в связь с владением Русью Тмутаракани, которая, по его мнению, находилась в руках русских до третьей четверти XII столетия. Иначе, считал Грушевский, все эти браки (русских князей на аланках и грузинках) были бы очень «странными». Меры особой предосторожности, предпринятые Изяславом по охране своей невесты при проезде ее через степи, — не свидетельствуют ли о том, что для половцев этот брак был нежелателен и киевский князь имел все основания опасаться за благополучное путешествие царевны через половецкие степи?

** В. Ляскоронский считал, что 50-е годы XII столетия являются временем возрастания «политического и военного могущества половцев» и что «концентрация боевых сил и строго обдуманый план действий во время нападений на русские пределы, — являются характер

В 1157 году умер в Киеве Юрий Владимирович, зять хана Аепы, часто призывавший к себе на помощь половецкую родню. Но оставался в живых еще Изяслав Давидович Черниговский, свояк хана Башкорда, пользовавшийся еще чаще Юрия помощью половцев. В 1156 году «многое множество» половцев из-под Заруба, куда они явились на «мир» с Юрием Киевским, были уведены Изяславом Давидовичем, присутствовавшим на этом «мире», — в глубь Черниговского княжества, против своего племянника. В 1159 году хан Башкорд привел под киевский Белгород двадцать тысяч половцев на помощь Изяславу Давидовичу в его борьбе за киевский стол, но Изяслав не сумел воспользоваться этой силой и не удержался в Киеве. В следующем году Изяслав ведет «всю силу половцев» из-под Выря сперва к Чернигову, где степнякам представилась возможность повоевать все окрестные села, а затем — в глубь Северской земли, к Росухе и Воробийне. Отсюда половцы были посланы Изяславом в Смоленское княжество, где они перебили много народа и более десяти тысяч вывели в степи. Наконец, в 1161 году Изяслав дважды призывает половцев на Русь: сначала он приводит их

ными чертами состояния половецкого народа за указанный период». План этот Ляскоронский видел в том, что половцы в эти годы стремились разрушить оборонительные русские линии, сперва — Поросья, а потом Посулья. «Учащенные, усиленные и последовательные нападения половцев на Посулье дают возможность видеть во всем этом не простые случайные грабежи, а систематический, строго выработанный и целесообразный план», — пишет Ляскоронский. Но если и был такой план у половцев, то мы все же не видим его осуществления: границы Руси в эти годы не были отброшены на север, а города-крепости степной полосы Руси остаются и в дальнейшем оплотом от кочевников. Вообще же крайне сомнительно видеть какие-либо «планы» у половцев относительно соседних оседлых государств; вся история этого кочевого народа скорее говорит о том, что никаких «планов» у них никогда не было. Учащение нападений и увеличение их размаха обычно связаны у половцев с появлением в степях какой-нибудь энергичной личности, а как раз в эти годы мы не слышим о каких-либо сильных и славных ханах. Так что о росте «политического и военного могущества» половцев в 50-е годы XII столетия у нас нет никаких данных.

под Переяславль, а второй раз ведет к Киеву: он переправляется с ними на правый берег Днепра, берет Вышгород и 12 февраля 1161 года входит в Киев. Так половцы проложили путь своему свояку в столицу Руси. И несмотря на то, что их было много («придоша к нему [Изяславу] половци мнози», говорит летописец), кочевники не воспользовались своим исключительным положением главной силы, помогшей Изяславу захватить Киев, и не вышли из роли вспомогательного войска. Больше того: равнодушные ко всем перипетиям, которые происходили в это время на Руси, половцы в дальнейшем не проявили должной стойкости в поддержке Изяслава и легко примирились с его поражением и гибелью. Тотчас по занятии Киева Изяслав со всем своим войском подступил к Белгороду, где собрались его противники, и начал осаду города. Здесь после трехнедельной осады, 6 марта 1161 года, он пал в битве с Мономаховичами. Половцы, несмотря на свое многолюдство, ничем не проявили себя в битве, хотя и понесли потери, и после смерти Изяслава ушли обратно в степи.

Спустя три года умер и третий могущественный «сват» половцев — новгород-северский князь Святослав Ольгович. Впрочем, русские князья стремились к новым бракам с половецкими ханскими родами: в 1163 году великий князь Киевский Ростислав привел из степей своему сыну Рюрику в жены дочь хана Белука. Этим браком половцы снова укрепили свои связи с династией Рюриковичей, и впоследствии Рюрик Ростиславич будет широко пользоваться помощью половецких родственников в своих войнах за Киев.

В то время как донецко-донские половцы принимали участие в междоусобиях русских князей, придунайские половцы не переставали совершать нападения на Византию. В 1160 году они переправились через Нижний Дунай и устремились грабить придунайскую Болгарию. Только появление здесь самого императора Мануила заставило половцев уйти обратно на левый берег реки.

К концу шестидесятих годов набеги половцев на русскую землю снова сделались ежегодным явлением; при этом они не стеснялись нарушать «роты», заключаемые с русскими князьями. Кроме того, они стали угрожать торговым путям, шедшим из Византии и из Причерноморья через сте-

пи в Киев*. Это вызвало серьезную тревогу у русских князей и заставило их объединиться в общий поход против половцев. Энергия, проявленная при этом русскими князьями, напоминала времена Владимира Мономаха: на реках Угле и Снопороде русские в 1168 году разгромили половецкие вёжи, захватив огромное количество пленных, главным образом жен, детей, рабов; самих же половцев иссекли, прижав их к непроходимому Черному лесу. Это был такой погром днепровско-донской группы половцев, какого они не переживали со времени Боняка, Шаруканя и Отрока.

В это же время и черниговские князья, порывая со своей традиционной дружбой с половцами, предприняли ряд самостоятельных походов в степи. В 1166 году Олег, сын Свя-

* Это явствует из слов Мстислава Изяславича Киевского к другим князьям: «...уже у нас и Гречьский путь изоимают, и Соляный, и Залозный...» (под 1170 годом). На эти слова летописи указывал В. Ключевский как на доказательство ослабления Киевской Руси под напором половцев. Этот же взгляд защищал академик П. Б. Струве (Петр Бернгардович Струве; 1870—1944 — русский общественный и политический деятель, экономист, публицист, историк, философ; академик РАН. — *Прим. ред.*). В частности, П. Б. Струве видел в «изоимании» половцами торговых путей показатель непрерывной опасности, в какой находилась Киевская область, опасности, которая делала невозможным дальнейшую нормальную жизнь в Приднепровской Руси. Однако нельзя правильно оценить летописное известие 1170 года, беря его в отдельности. В общем же ходе половецко-русских отношений это был лишь эпизод, в котором Южная Русь проявила слабость из-за княжеских междоусобий. Летописец-современник сам указывает на временный и случайный характер разрыва половцами торговых путей, говоря и о причинах этого явления: «Се же уведавши половци, оже князи не в любви живут шедше в пороги начаша пакостити гречником (купцам, возившим по Днепру товары в Византию. — *Прим. ред.*)». Торговля через половецкие степи продолжалась и позже, и у нас нет основания считать ее со второй половины XII века менее интенсивной, чем до 1168 года. Что половцам не удалось ослабить Приднепровскую Русь, добиться перевеса сил в свою пользу, показывают последующие войны 1170—1190 годов, в которых Южная Русь переходила в успешное наступление против степи. Заметим также, что и степная граница Руси в продолжение второй половины XII и первой XIII века оставалась неизменной.

тослава Ольговича Новгород-Северского, который неизменно пользовался помощью своих половецких сватов в русских междоусобиях, — разбил хана Кобяка*, а в 1167 году он же и еще один черниговский князь нанесли большое поражение половцам, захватив вежи ханов Козы и Беглюка (=Белук?), расположившихся на зимовища.

Таким образом, половецко-русские столкновения снова начинали принимать скверный оборот для половцев. Но их выручили перемены, произошедшие на киевском столе. В 1169 году коалиция князей, собранная Андреем Суздальским, взяла Киев, предала его небывалому разгрому и изгнала Мстислава Изяславича. Вместо Мстислава, ведшего традиционную киевскую политику в отношении половцев и предпринимавшего большие походы в степь, на киевском столе оказался брат Андрея Суздальского — Глеб, принадлежавший к семье князей, которая с давних пор находилась в близких отношениях с половцами и которая теперь, заняв Киев, была не прочь в борьбе с Мстиславом использовать помощь половецких свояков. Андрей и Глеб были детьми половецкой хатуни.

Однако половцы не хотели или не смогли оценить выгоды от перемены, произошедшей на киевском столе; половецкие ханы, видимо, не очень дорожили своим родством с сильными суздальскими князьями и не могли преодолеть искушения пограбить Киевское княжество, хотя оно и было в это время под властью их суздальской родни. Как только Глеб занял Киев, две орды половцев — одна, по-видимому, лукоморская**, днепровская, другая — донецко-донская, одновременно явились на Русь, первые к Песочину в Переяславской земле (где княжил сын Глеба), вторые — к Корсуню на Киевщине и пожелали заключить «мир» с новым киевским кня-

* В Ипатьевской летописи хан ошибочно назван Боняком, но в Воскресенской — Кобяком.

** О лукоморских половцах, кочевавших на правом берегу Нижнего Днепра, см. в гл. III. Что в данном случае часть половцев была лукоморской, сужу не только по тому, что она действовала на правобережье, но и по имени ее хана — Тоглыя, вероятно тождественного с Тоглыем лукоморским, упоминаемым в летописи в 1190 и 1193 годах.

зем. И пока Глеб договаривался с половцами, находившимися в Переяславском княжестве, те, что стояли под Корсунем, воспользовались отсутствием киевского князя, страшно разграбили Киевщину. Впрочем, обремененные добычей и колодниками, они были настигнуты подоспевшим с левобережья Глебом и сами потеряли до полутора тысяч пленными.

Но в следующем, 1170 году Глеб позвал половцев на помощь против Мстислава Изяславича, попытавшегося вернуть Киев. Сначала он кликнул из приазовских степей хана Кончака «с родом своим», а когда потребовалось еще большее подкрепление, привел из степей дополнительные силы половцев. Это открыло им возможность снова легко грабить Киевскую Русь. Во время этой войны половцам удалось захватить в плен целиком дружину одного мелкого волынского князя и с большим полоном вернуться в степи.

В 1171 году половцы предприняли набег на Киевское княжество, подобный набегу 1169 года; они рассыпались по Киевщине несколькими отрядами, пограбили и набрали колодников. Русские настигли уходящих в степь половцев; одних перебили, других взяли в плен. По-видимому, это были опять лукоморские половцы.

В это время в придонских степях появляется новое лицо, уже упомянутый нами хан Кончак, впервые на страницах русской летописи выступающий как помощник Глеба Киевского. В дальнейшем он станет ярким противником Руси, мстителем за погибших в битвах с русскими великих ханов начала XII столетия. Кончак открывает новый этап в истории половецкого народа.

О роли черных клобуков в истории Древней Руси*

...В нас ти есть, княже, и добро и зло.

*Из речи берендичей к князю Мстиславу Изяславичу.
Ипатьевская летопись под 1159 годом*

...И рече князь: не дай Бог поганому веры яти николиже.

Ипатьевская летопись под 1169 годом

О роли черных клобуков в деле обороны русской земли от половцев мы можем говорить далеко не исчерпывающе, из-за полного почти отсутствия источников, которые бы освещали эту роль в Галицкой, Волынской, Рязанской землях. Лишь кое-что мы знаем о Переяславском и Черниговском княжествах, и только о Киевском у нас есть более или менее достаточный материал, чтобы в общих чертах предста-

* Возможностью пользоваться многими необходимыми пособиями при составлении настоящей работы автор обязан любезному содействию проф. Л. Нидерле, которому автор и приносит искреннюю благодарность.

вить себе роль там черных клобуков. Единственным утешением нам может служить то, что именно в Киевском княжестве, более других насыщенном тюркским элементом, эта роль последнего сильнее всего и сказывалась и здесь именно разыгрывались чаще всего столкновения «диких половцев» со «своими погаными». Эти «свои поганые», или черные клобуки, как собирательно называет их русская летопись, представляли собой осколки тюркских племен торков-узлов, печенегов и берендеев, которых половцы выгнали из мест их прежних кочевий — черноморских степей, почему черные клобуки и принадлежали к непримиримым врагам половцев. Поэтому и факт наличия черных клобуков на юге Руси — не следствие какой-либо со стороны Руси «замирительной политики», как то считали прежде, а просто результат общих интересов: Руси было выгодно иметь такой военной материал для обороны своих границ; для черных же клобуков — это был вопрос существования: за службу Руси они получали ту степень самостоятельности, самобытности, которая была бы невозможна для них у половцев, превративших бы их в своих рабов.

Для Руси черные клобуки были действительно незаменимы. Сами степняки, знавшие военное искусство своих противников, они, будучи кавалеристами, лишь одни были в состоянии догонять и ловить уходивших с награбленной добычей половцев, сами быстро нападать на них, наконец, быть превосходными разведчиками.

Все эти качества как раз необходимы были в борьбе со степью; русские не могли равняться с клобуками в этом искусстве, и отсюда-то особенное значение для Руси черноклобуцкого войска*.

Взаимной враждой черных клобуков к половцам и не меньшей — половцев к клобукам надо объяснять то обстоятельство, что на протяжении полутораста лет черные клобуки никогда серьезно не изменяли русским интересам, беспрестанно воюя со своими соплеменниками, порой даже

* В XV—XVI веках аналогичную борьбу со степняками их же способами видим в Московском государстве, которое сажало на южное пограничье татарских князей, перешедших на русскую службу.

сами подбивая на это молодых русских князей. Сами половцы способствовали укреплению такой «политики» черных клобуков, в особенности в начале оседания последних на Руси, когда половцы специально на них направляли свои походы, и затем своими последующими, мелкими набегами не переставали беспокоить их до самого конца XII столетия.

Хотя черноклобуцкие поселения в Южной Руси ведут свое начало с последних десятилетий XI века, в это время мы еще не видим черных клобуков в роли активных помощников русских в их столкновениях с половцами. Черные клобуки лишь спасаются в русских острогах. Это были годы страшного натиска половцев на Русь, беспрестанных поражений русских, которые со «своими погаными» могли лишь отсиживаться за укрепленными городами. Но и отсидеться не всегда удавалось. Девять недель спасались торки в 1093 году от половцев в Торческе, но все же принуждены были сдаться. Половцы нанесли тогда сильный удар молодым черноклобуцким поселениям на юге Руси, сжегши Торческ и уведя самих торков к себе со всеми их вежами. Не видим мы черных клобуков и в больших ответных походах русских на половцев в начале XII века. Это и понятно: клобуков было тогда еще мало на Руси и только благодаря этим самым походам они начинают переходить на Русь из степей. С 20-х же годов XII столетия затихает на время напряженная борьба с половцами, и ничего поэтому не слышно о действиях в это время и черных клобуков.

Лишь с 50-х годов того же XII века и теперь уже до самого его конца черные клобуки принимают участие в походах русских на половцев, а иногда даже сами проявляют инициативу. Летопись сохранила известия о четырнадцати походах русских на половцев, в которых участвовали черные клобуки. В каждом из этих четырнадцати случаев они играли довольно значительную роль.

В больших коалиционных походах русских князей черные клобуки, как правило, высылались авангардом «в сторожи», как было в 1185 году, или, при поражении половцев, — в погоню за ними, как, например, в 1170 году. Особенным талантом клобуков считалось «имать в плен», и не только простых половцев, но и половецких ханов, что служило важной ста-

твей их дохода, так как хан часто тут же откупался, после чего его отпускали на волю к большому неудовольствию русских князей. Незаменимы были черные клобуки, когда надо было «перехватить путь» половцам, зашедшим далеко в глубь Киевского княжества, и отрезать им отступление или догнать их, ускользающих в степь после набега*.

Часто отряд, идущий на половцев, почти целиком формировался из черных клобуков, но начальствовал над ним обязательно какой-нибудь русский князь или великокняжеский воевода. Вот образец подобных походов. В 1152 году Изяслав Киевский «отряди сына своего Мстислава на половци, с берендеи и с торкы и с печенегы и с неколиком дружины своея»; спустя немного времени «приде ему (Изяславу) весть от сына от Мстислава, оже Бог ему помогл половци победити на Угле и на Самаре, а полон мног взял, самех прогна, веже их пойма, коне их и скоты их зая и множество душ крестьянских отполони, и возвратишася в Переяславль хваляче Бога о таковой помочи, а отполоненыя отпусти в роженіе свое».

Хотя командование над черными клобуками и принадлежало всегда русскому князю, они очень часто предпочитали действовать самостоятельно — правда, объясняя это заботой о безопасности князя. Пример найдем в 1172 году, когда Михаил Юрьевич выехал, готовясь к битве, перед полками черных клобуков и своей переяславской дружины: «Берендееве же яша коня княжа за повод и не даша им (то есть князю и переяславцам. — *Д. Р.*) ехати, рекуще: не ездите вы наперед, вы есте наш город, ать мы пойдем наперед»; великому же князю Киевскому, собравшемуся было лично в погоню за половцами, опустошившими в его отсутствие Киевскую область, берендеи заявляют: «Княже, не ездь; тебе лепо ездити в велике полку (а князь Глеб был действительно тогда только со своей дружиной. — *Д. Р.*)... а ныне пошли брата которого любо и берендеев несколько»; и Киевский князь соглашается с этим: «Глеб же посла брата своего Михаила и с ним переяславец сто, а берендеев полторе тысячи».

* Использовались черные клобуки и для охраны различных русских посольств, проходивших через степи.

Черных клобуков, предпринимающих походы абсолютно самостоятельно, без русских, мы видим лишь дважды, и оба раза в исключительных случаях. Первый был в 1162 году, когда пришли половцы и захватили много черноклобуцких веж по реке Роте (Руток, приток Роси); здесь уже было не до ожидания подхода русских князей. «Черный же клобук, — говорит летопись, — весь совокупившися ехаша по них (то есть на половцев. — *Д. Р.*) и постигоша я на Реи, и много биша их и полон весь от имаша у них и самех изоимаша боле 500, яша же старейших князей 9 и два княжича Сатмазовича и ины княжиче». Другой случай несколько иного характера. В погону за отступающим половецким князем Кончаком великий князь Киевский посылает торкского князя Кунтувдея с шеститысячным отрядом, очевидно «своих» торков.

Зато неоднократно мы видим черных клобуков выступающими инициаторами набегов в степь. При этом обычно в экспедицию привлекался какой-нибудь удалой молодой русский князь, которому и отдавалось формальное командование. Делалось это, вероятно, для того, чтобы придать походу легальность в глазах Руси и великого князя Киевского, в подчинении которого черные клобуки находились. Знаем три таких случая. Приведу наиболее характерный. В 1190 году «сдумаша лепшии мужи в черных клобуцех и приехаша во Торцьский к Ростиславу Рюриковичю и рекоша ему: “се половци сее зимы воюют ны часто... а отец твой далече есть...” Ростислав же Рюрикович улюби думу их с мужи своими и посла к Ростиславу Володимеричю (другому «молодшему князю». — *Д. Р.*) Река ему: “брате! хотел бых ехати на вежи половецкия, а отци наши далече суть (в то время обоих киевских князей, Святослава и Рюрика, не было в Киеве; первый был в Черниговском княжестве, второй в Овруче. — *Д. Р.*)”; а инех старейших нет; а мы будева за старейшая, а поеди ко мне вборзе». Ростислав Владимирович принял столь соблазнительное предложение, и оба князя «совокупися с черными клобуки и ехаша вборзе изъездом» в степи. Поход был очень удачный, и князья возвратились с богатою добычею и пленными.

Готовность черных клобуков к походам в степи надо в значительной доле объяснять материальной заинтересованно-

стью; в случае успеха они, как и русские князья и их дружины, забирали неисчислимые богатства половцев: табуны, стада, рабов, вооружение, конские уборы, золото, серебро, драгоценные ткани. Мы уже видели, как черные клобуки предпочитали брать в плен половецких ханов, чтобы получить с них откупы. О пленных половцах, которые доставались именно черным клобукам, у нас есть целый ряд летописных известий.

Вряд ли будет правильна точка зрения некоторых ученых, считающих, что если в первой половине XII века черные клобуки — еще горячие русские патриоты, то со второй половины того же столетия они уже начинают «льстить» половцам. Такое мнение основано, в сущности, всего лишь на двух фактах, отмеченных в 1187 и 1192 годах, из которых, мне кажется, не стоит делать такие выводы, тем более что для каждого из этих случаев, кажется, есть свои объяснения.

В 1187 году «сдумав князь Святослав со сватом своим Рюриком пойти на половце вборзе, изъездом, поведахут бо им: половци близ на Татинци, на Днепренском броде; и ехаша изъездом без воз. Володимер же Глебович приеха к ним из Переяславля, с дружиною своею, испросися у Святослава и у Рюрика ездити наперед с черным клобуком (выезжать с передовым полком в поле считалось в Древней Руси делом наиболее ответственным и трудным, но в то же время и наиболее почетным и славным. — *Д. Р.*). Святославу же не любо бяшет пустити Володимера наперед перед сыны своими; но Рюрик и инии вси улюбиша, зане бе муж бодр и дерзок и крепок на рати, всегда бо тосняся на добра дела. Князем же руским идушим на ня из черных же клобук даша весть сватом своим в половци. Половци же слышавше, оже идуць на ня князи рустии, бежаша за Днепр. Князем же руским нелзя бо ехати по них, уже бо располонился бяшетъ Днепр, бе бо весна и возвратишася восвоеси». Может быть, эта «лесть» черных клобуков была результатом трений между самими князьями, и эти несогласия в русском стане как-либо коснулись и черных клобуков. Для другого случая, 1192 года, такое объяснение будет еще более вероятным. «Сдумаша лепшие мужи в черных клобуцех» и обратились к великому князю Рюрику с просьбой отпустить сына его Ростислава в поход на полов-

цев: «...ехали бо бяху половци на Дунай» и вежи их остались незащищенными. Рюрик не отпустил сына. В походе видим других князей; и вот «доехаша Днепра, черни же клобуци не восхотеша ехати за Днепр, бяхут бо сватове им сидяще за Днепром близь, и распрешавшесе и возвратишася восвоеси». Здесь особенно странно видеть у черных клобуков сначала инициативу к походу, а затем вдруг — отказ идти из-за того, что в степях обнаружались «сваты». Надо помнить: мы всегда имеем описания событий с точки зрения русского летописца и нам совершенно не известно, что было на уме у тюрков; события изображаются в понимании русских — понимании, которое, вероятно, основывалось на словах черноклобуцких старейшин (как, например, здесь — об обнаружении «сватов»), тогда как истинных настроений черных клобуков мы совершенно не знаем. Не знал их, быть может, и летописец, а если и знал, то не всегда их отражал — в особенности тогда, когда виноваты в неудаче похода были не черные клобуки, а свои же князья, как, по всей вероятности, произошло в 1192 году.

Из этих двух случаев делать какие-либо общие выводы уже потому затруднительно, что в уже следующем году черные клобуки опять стали подбивать князя Ростислава на поход с ними в степь. Теперь, наученные предыдущим отказом великого князя Рюрика отпустить с ними сына, они подговаривают последнего пойти в поход тайно от отца. Ростислав поддался на уговоры, собрал дружину, пригласил еще одного молодого князя, своего двоюродного брата, и, соединясь с черными клобуками, предпринял очень удачный поход на половцев. И русские, и черные клобуки возвратились с богатейшим полоном.

Сколь велико было значение черных клобуков в деле обороны Руси от половцев, может служить примером случай с торкским князем Кунтувдеем, обитавшим со своими торками в Поросье в 80—90-х годах XII века. Он пользовался большим доверием у великого князя Киевского; последний, как мы знаем, даже посылал его с шеститысячным отрядом, без русского присмотра, в степи на половцев. Но именно этого хана Святослав Киевский арестовал по доносу; каковы были обвинения, нам не известно. Узнав об этом, Рюрик Ро-

стиславич стал просить Святослава освободить Кунтувдея. Святослав послушал Рюрика, привел Кунтувдея к присяге («водив его к роте») и отпустил. Но Кунтувдей счел такое отношение к себе слишком оскорбительным: он не мог «стерпеть сорама своего» и ушел к половцам. Отсюда, из степей, он вместе с половцами «почаша часто воевати по Руси», держа в неустанном страхе русскую границу. Князьям Святославу и Рюрику приходилось на ней простаивать целые лета «стерегучи земли русские» или же оставлять там своих сыновей. Такому напряженному состоянию положил конец Рюрик, сумевший вызвать Кунтувдея из степей, умилившись, после чего «да ему город на Руси Дверен». Во всем этом рассказе подчеркивается летописцем, насколько необходимы были Русской земле такие личности, как Кунтувдей, насколько оскорбление их или слишком крутые меры наказания были пагубны для Руси, насколько такими личностями дорожили русские князья, которые понимали значение для Руси черноклобуцких ханов*.

Другой пример. В 1154 году берендеи захватили в плен половцев, напавших на русское пограничье. В следующем году половцы, придя мириться с киевским князем Юрием Владимировичем Долгоруким, стали просить его выдать им пленных, находящихся у берендеев, но последние наотрез отказали Юрию в этом, «рекуче» такую громкой фразой: «...мы умираем за Русскую землю с твоим сыном и головы своя сокладаем за твою честь», и Юрий, говорит летопись, «не створи им насилья, но половцы одарив дары, отпусти я, а сам иде Киеву». То, что Юрию, человеку крутого и даже бесцеремонного нрава, приходилось так считаться с интересами берендеев и кое-как мириться с половцами, лишь бы не раздражать клобуков, подчеркивает, какое клобуки имели значение на

* Не могу отнести к серьезной «лести» поведение клобуков при набегах половцев во главе с ханом Кунтувдеем, когда население Поросья (очевидно, черные клобуки) сочувствовали больше врагам Руси, чем русским князьям. Такое поведение черных клобуков надо рассматривать скорее как простое сочувствие своему бывшему хану, теперь опальному у Руси, чем измена в пользу половцев, как то хотел видеть Голубовский.

Руси. Сейчас, когда мы перейдем к рассмотрению роли черных клобуков во внутренних делах Руси, то это их значение выступит еще отчетливее, еще определеннее.

Значение черных клобуков во внутренних делах Руси было очень велико. Тем не менее в исторической литературе на это долгое время не обращалось внимания. Самчевский⁶⁶ говорит об этом вскользь. Голубовский, обращая внимание на значение черных клобуков как лучших помощников против половцев, обходит молчанием их роль во внутренней жизни Руси. Грушевский в «Истории Киевской земли» уделил всего три-четыре страницы черным клобукам, совершенно не подчеркнув всей важности их значения в истории Киева.

Рассмотрим же последовательно значение черных клобуков в военной, политической и, наконец, культурной жизни Древней Руси.

Оговариваюсь — мы знаем только о черных клобуках Киевского княжества, где, собственно, их влияние и было совершенно исключительным; о значении же их в других княжествах мы почти ничего не знаем; там случайные упоминания говорят лишь об участии «своих поганых» во внешних войнах — и только. Можно предполагать, что там роль их была несравненно скромнее, чем на Киевщине; доказательство тому — кроме как молчание о них источников — то, что черниговские, например, князья во внутренних междоусобных войнах прибегают к другому виду помощи: призывают из степей «диких половцев»; это свидетельствует, что у них не было значительных собственных тюркских сил вроде, например, черных клобуков в Киевском княжестве.

Каждый киевский великий князь, если только он прочно обосновывался на «золотом столе киевском», получал в свое распоряжение и большую воинскую силу — легкую кавалерию черных клобуков, расквартированную в южной части княжества. Это было постоянное, собственными средствами вооруженное войско, и напрасно Грушевский считает, что только княжеская дружина составляла такое постоянное войско.

Киевский великий князь широко пользовался этой военной силой; там, где летопись начинает подробно перечислять

участников великокняжеского ополчения, почти всегда мы встретим упоминание и о черных клобуках. С ними великий князь прежде всего защищает свою столицу и собственную власть в ней — у самого ли города (как то было в 1151 году) или на подступах к нему (1150 год). Участвуют черные клобуки и в экспедициях киевского князя в другие княжества — лично с ним или в посылаемых им отрядах под командой молодых князей или воевод. Видим мы черных клобуков и под стенами соседнего Владимира-Волынского, и еще дальше — в Галицком княжестве; часто переправляли их через Днепр на левую сторону его, и тогда они воевали Переяславскую область, осаждали и сам Переяславль, проникали в Черниговское княжество, участвовали в осаде Чернигова и заходили даже в Новгород-Северское княжество, пробираясь через его лесные дебри и достигая на севере Карачева. Посылались они также в Турово-Пинскую землю, к Пинску и за Припять; два раза даже видим черных клобуков в далеком от Киева Полоцком княжестве. Наконец, киевский князь посылал ковуев и берендеев в Великий Новгород в качестве сопровождения своего сына; правда, им удалось пройти дальше Мозыря. Только о проникновении черных клобуков в Суздальскую Русь ничего не известно.

В больших походах внутри Руси подобно тому, как и в больших походах в степь, черных клобуков мы видим в роли кавалерийских авангардов; их посылали вперед, или на разведку (часто вместе с русскою «молодью»), или в качестве конных стрелков, дабы завязать битву.

Далеко не всегда клобуки исполняли роль безмолвной военной единицы. В Древней Руси было в обычае князьям совещаться с войском. Черные клобуки в этом отношении были на равном положении с русскими, принимали участие в совещаниях и не раз давали советы князьям.

При всей отрывочности и случайности упоминаний летописями о количественном соотношении в походах княжеской дружины и черных клобуков или вообще «русских вои» и «своих поганых» все же можно, мне кажется, утверждать, что сравнительно черные клобуки составляли очень значительное количество, которое, конечно, невозможно определить в цифрах, но, по всему судя, «свои поганые» иногда

даже преобладали. Грушевский пришел к выводу, что киевская княжая дружина «считалась сотнями и редко переходила за тысячу», и далее указывает, что «с течением времени, по мере того, как киевские князья становились менее могущественными и богаты, число дружины должно было еще более уменьшиться»*. Когда мы эти выводы поставим рядом с отрядом в 600 торков, посылаемых киевским князем на помощь князю Полоцкому, с отрядами в 1500, 2000 и 6000 черных клобуков во время степных походов и, наконец, когда вспомним спорное место летописи о 30-тысячном отряде берендеев у великого князя Ярополка**, то высказанное предположение о черных клобуках как о преобладающем элементе в русском (собственно, киевском) войске не покажется слишком смелым***.

Это обстоятельство показывает, насколько важно было претендентам на киевский стол быть в хороших отношениях с черными клобуками, ибо отпадение их и переход на сторону противника сразу бы вырывали почву из-под княжившего в Киеве князя. Изяслав Мстиславич рассуждал, когда в Киеве сидел его непримиримый враг — дядя Юрий, что стоит соединиться с черными клобуками и тогда уже никто страшен не будет. Юрий же немедленно, без боя, бросил Киев, уступив его Изяславу, как только узнал, что тот из Волынской земли, куда он ушел, изгнанный из Киева Юрием, очутился у черных клобуков и был ими радостно встречен. После этого Юрию уже казалось безнадежным удержать за собою Киев.

Очень характерной иллюстрацией может служить эпизод с черноклобуцкой ордой турпеев в 1150 году. Здесь, правда, де-

* Надо еще заметить, что Грушевский не совсем верно оперирует с числами, указывая, например, на трехтысячную дружину Изяслава Давидовича в 1146 году и упуская из вида то, что в том числе были и берендеи киевского князя неизвестно в каком количестве.

** Цифра 30 000 стоит в самых надежных летописных списках — Лаврентьевском (под 1138 годом) и Ипатьевском (под 1139 годом).

*** Грушевский, признавая многочисленность черноклобуцких войск, не сделал из этого дальнейшего вывода: «Полки черных клобуков были важною составною частью княжеского войска, особенно в Киевщине, потому что тут эти полки бывали очень значительны, считаясь тысячами, а может быть, даже и десятками тысяч».

ло идет не о Киевском, а о Переяславском княжестве, но это нисколько не умаляет характерности факта. Киевский князь Изяслав велит своему сыну Мстиславу добыть Переяславль. Между Киевом и Переяславлем находились турпеи. Мстислав посылает за ними, приказывая «ехати к себе», чтобы уже затем, собрав их и свою дружину, двинуться к Переяславлю. Но переяславский князь, услышав об этом, торопится перехватить турпеев у Мстислава, что ему и удается: «...сам гна к Сакову и сгони турпеи у Днепра и поймав и приведе и Переяславлю». На этом примере видим, какое значение имели тюркские отряды, за обладание которыми боролись князья.

Но исполнение черными клобуками роли слепой военной силы — скорее исключение на страницах русских летописей. Обычно же мы видим их гораздо более самостоятельными, выражающими явные симпатии и антипатии к различным ветвям княжеского дома.

Что касается политической роли черных клобуков в делах Киевской Руси, то самостоятельными инициаторами переворотов они никогда не выступали (по крайней мере, об этом нет ни одного указания), но деятельными участниками, в большинстве случаев согласно с киевской общиной, были неоднократно; по причине той военной силы, какую они собой представляли, участия эти были очень ощутимы, а часто и решающими. Характерно, что черные клобуки, участвуя в политических делах, никогда не сливались с русскими, в частности с киевлянами, но, наоборот, всегда подчеркивали свою самостоятельность. Так, когда умер великий князь Ростислав, князья, сидевшие в киевских пригородах, и киевляне послали гонцов к Мстиславу Изяславичу, зовя его сесть на стол в Киеве; то же сделали и черные клобуки, но отдельно: «В лето 6674. По Ростиславли смерти начата слати по Мьстислава; братья — Володимер Мьстиславич, Рюрик, Давид — и кияне от себе послаша, черный клобуку от себе послаша». Сын Юрия Суздальского, Ростислав, чтобы поднять своего отца в поход на Киев, так говорит Юрию: «Слышал есмь, оже хошет тебе вся Руская земля и черный клобуку».

Остается, правда, спорным, сколько было правды в словах Ростислава Юрьевича, потому что обычно видим чер-

ных клобуков приверженцами волынских и смоленских Мономаховичей. Когда в Киеве княжил «неудобный киянам» Игорь Ольгович и киевляне призвали Изяслава Мстиславича, внука Мономаха, то черные клобуки тотчас же приняли сторону последнего: «...прислашася к нему чернии клобуци и все Поросье и рекоша ему: “ты наш князь, а Ольгович не хотим; а поеди вборзе, а мы с тобою!”». В другой раз, когда в Киеве сидел Юрий Суздальский, а тот же Изяслав искал под ним Киева, достаточно было ему приехать в расположение черных клобуков, как «приехаша к нему вен чернии клобуци с радостью великою, всеми своими полкы». Еще решительнее заявляют они себя приверженцами этой линии Мономаховичей в 1151 году, говоря князьям: «Хочем же за отца вашего за Вячслава и за тя (то есть Изяслава Мстиславича. — *Д. Р.*), и за брата твоего Ростислава, и за всю братью и головы свое сложите, да любо честь вашу налезем, паки ли хочем с вами ту измерети, а Гюргя (Суздальского. — *Д. Р.*) не хочем». В свою очередь, только от старших Мономаховичей и видим мы столь теплое отношение к клобукам. Когда умер племянник Изяслава, Мстислав Ростиславич, «плакашеся по нем вся земля Русская», а «черные клобуци вси не могут забыта приголубления его»; брат Мстислава, Давид Смоленский, в свой приезд в Киев среди даваемых обедов дает обед и черным клобукам: «Потом же позва Давид чернии клобуци вси и ту попишася у него вси чернии клобуци и одарив их дарми многими и отпусти их». Когда же умер сам Изяслав (1154 год), то «плакася по нем вся Руская земля и вси чернии клобуци, яко по цари и господине своем, наипаче же яко по отци». Вокняжение в Киеве правнука Мономаха Рюрика Ростиславича встречается киевлянами и «погаными» с радостью «зане всех приимаше (Рюрик. — *Д. Р.*) с собе с любовью и крестьяны и поганы и не отгоняше никого же».

К суздальским же Мономаховичам и к черниговским Ольговичам мы видим холодность черных клобуков; во всяком случае, они никогда не проявляли той рьяности, какую и на словах и на деле стремились проявить по отношению к старшим Мономаховичам. Поэтому левобережные князья в борьбе за Киев избегали опираться на них, видимо сознавая всю

непрочность для них такой помощи*. В данном случае симпатии и антипатии черных клобуков совпадали с отношением ко всем этим княжеским родам киевской общины, ибо, как известно, киевляне издавна недолго любили черниговских Ольговичей, а старших Мономаховичей предпочитали суздальским. Объяснением этому может быть то, что и черные клобуки и киевляне просто больше и лучше знали потомков Мстислава I, чем его брата Юрия с сыном Андреем; к первым они больше привыкли, постоянно видя их, помогая им в делах, а на черниговских Ольговичей смотрели как на чужих. Но что мне кажется особенно существенным, так это то, что черниговские и суздальские князья являлись завоевывать Киев с ордами «диких половцев», смертельных врагов черных клобуков, и уже это одно вызывало у них невыгодное мнение о таких претендентах на Киев.

Но все это, разумеется, волновало черных клобуков только в дни борьбы за Киев. Но как скоро в Киеве прочно утвердился князь, хотя бы и из Ольговичей, черные клобуки послушно становились перед лицом совершившегося факта; например, в продолжительное и славное княжение Святослава Всеволодовича (занявшего киевский стол при сохранении в первые годы правления за собой черниговского) мы видим их исполнительными слугами киевского князя. Даже нелюбимому Юрию Владимировичу Суздальскому они быстро подчинились, как только он обосновался в Киеве, да еще в громких фразах выразили ему свои уверения в преданности.

Вообще нельзя преувеличивать расположение черных клобуков к кому бы то ни было; нельзя это делать потому, что черные клобуки преследовали исключительно собственные интересы. Так, когда их любимец, великий князь Изяслав Мстиславич, в 1150 году в перипетиях борьбы с дядей Юрием оказался в критическом положении, черные клобуки, бывшие в его войске, обратились к нему с характерной

* Пример с князем Изяславом Давидовичем Черниговским: заняв в 1159 году Киев, он, чтобы удержать его, хотя и привлекает к себе берендеев, но в то же время посылает за «дикими половцами». Берендеи затем изменили Изяславу.

речью: «Княже, сила его (противника) велика, а у тебе мало дружины... не погуби нас, ни сам не погыни; но ты наш князь, коли силен будеши, а мы с тобою, а ныне не твое веремья, поеди прочь...» Им чужд был героизм Изяслава, ответившего, что «луче, братье, измрем зде, нежели сеи сором возмем на ся»; вместе с покинувшими Изяслава киевлянами черные клобуки отправились в свои вежи. Через девять лет они приблизительно то же самое сказали его сыну Мстиславу. Тогда киевский стол на короткое время занял нелюбимый киянами черниговский князь Изяслав Давидович, который осадил Мстислава в Белгороде и имел неосторожность привести с собой берендеев. Последние вошли в сношения с осажденным Мстиславом и тайно отправили к нему в город посла со знаменательными словами, могущими служить эпитафией к политической роли черных клобуков: «...аже ны хоцещи любити, якоже ны есть любил отец твой, и по городу ны да си по лепшему, то мы на том отступим от Изяслава». Неудивительно поэтому, что, когда на того же Мстислава в 1169 году поднялась небывалая коалиция почти всех русских князей, собранная Андреем Боголюбским, то торки и берендеи недолго его защищали; они начали «льстить под ним» и, вероятно, сыграли немалую роль в ускорении взятия Киева, что привело к первому, небывалому еще разгрому столицы Руси. И недаром летописец вкладывает в уста князю Владимиру Мстиславичу, обманутому клобуками, такие слова: «...не дай Бог поганому веры яти николиже, а я уже погинул и душою и жизнью», что можно, пожалуй, счесть за общий взгляд русских книжников на надежность черных клобуков.

Другая сторона роли черных клобуков в Киевской Руси — это их значение, их вес в общественной жизни Киева и Руси. С ними князья готовы были считаться, как считаются с влиятельнейшими элементами общества. Когда Изяславу Киевскому донесли на князя Ростислава Юрьевича, управлявшего несколькими городами Киевского княжества, что последний будто бы «подмолвил» против Изяслава «люди берендич и кианы», — Ростислав, возмущенный этим доносом, обращается к Изяславу с такими словами: «Брате и отче! ако ни во уме своем, ни на сердци ми того не было, паки ли на мя кто молвит, князь ли который, а се яз к нему, муж ли кото-

рый в хрестьяных или в поганных (то есть среди черных клобуков. — *Д. Р.*), а ты мене старей, а ты мя с ним и суди». Другой киевский князь, Ростислав Мстиславич, неизвестно по какой причине просит у Святослава Ольговича Черниговского отпустить к нему в Киев его сына Олега: «Пусти ко мне дятя Олга, ат познает кияны лепшия и берендичи и торкы. Святослав же безо всякаго извета пусти ему сын свой». Сколь видную общественную роль исполняли черные клобуки, можно понять из обращения Изяслава Мстиславича к венгерскому королю. Изяслав в таких словах сообщает зятю и союзнику о своем вступлении на киевский стол: «А все ти скажут твои мужи (венгерского вспомогательного отряда у Изяслава, теперь возвращавшегося домой. — *Д. Р.*) и брат твой Мстислав (сын Изяслава, посылаемый в Венгрию. — *Д. Р.*) како ны Бог помогл, и паки како ся по нас яла Руская земля вся и чернии клобуци».

Если пристальнее присмотреться ко всем большим междоусобиям конца XI и всего XII века, то нетрудно будет увидеть, что эта борьба, борьба за Киев, велась между Приднепровьем левым и правым, между князьями Суздальской, Черниговской, Северной Руси и волынскими и смоленскими князьями, которые преимущественно владели Киевом. В Правобережье для этой борьбы существовала замечательно удобная и количественно большая военная сила черных клобуков, которой киевские князья очень широко и пользовались. Левобережье же не могло противопоставить что-либо равноценное этим тюркским вспомогательным войскам. Отсюда — обращение левобережных претендентов в степи к «диким половцам» — единственной равной черным клобукам военной силе на тогдашнем политическом горизонте левобережной Руси. Быть может, в самом наличии киевских черноклобуцких населений и есть корень того зла, которым так страдала Древняя Русь: навод половцев на русские земли в междоусобных войнах. Может быть, в черных клобуках и есть разгадка удивляющего нас отсутствия патриотизма русских князей, в особенности черниговских Ольговичей, так часто прибегавших к помощи ненавистных половцев. Конечно, этим очень мало оправдываются поступки князей, направлявших половецкие орды на первопрестольный Киев,

но это все же, по крайней мере, объясняет, почему они прибегали к такому средству.

Заканчивая обзор военно-политической роли черных клобуков, мне хочется завершить его летописной иллюстрацией, показать, что представляли собой эти бесконечные междоусобные войны за Киев и насколько важную роль играл в них тюркский элемент, придавая этим войнам на территории славянской Руси по многочисленности принимавших в них участие азиатов — да не покажется это парадоксом — восточный, азиатский характер.

Весной 1151 года в Киеве правил номинально старейший среди Мономаховичей Вячеслав, а фактически его племянник — знаменитый Изяслав Мстиславич. Перед тем, в предыдущем году, в Киеве сидел Юрий Суздальский, младший брат Вячеслава, но энергичный Изяслав захватил Киев, и теперь Юрий на другом берегу Днепра готовит реванш. С той и другой стороны стягивают войска. Юрий поджидает половцев, за которыми послал в степь. После Пасхи половцы, получив плату золотом, приходят к Юрию, и тот начинает наступление. Ему надо переправиться на киевскую сторону Днепра. Придя к Зарубскому броду, половцы первыми бросились в реку «и тако въбрелоша на ни на конех, за щиты и с копьи и в бронях, якоже битися, и покрыша Днепр от множества вои»; русские же переплыли «в лодьях»; это был лишь передовой русский полк, за которым последовал суздальский князь со своими союзниками — черниговскими князьями. Замыкал переправу многочисленный обоз — те «возы», без которых тогда не предпринимали ни одного большого похода.

На киевской же стороне стояли со своими дружинами, киянами и черными клобуками Вячеслав с Изяславом Мстиславичем и союзные князья. Когда враг переправился через Днепр, в стане киевского князя решили последовать совету черных клобуков, предложивших князьям обороняться под стенами Киева; сами же клобуки, чтобы не оставить беззащитными свои вежи в Поросье, испросили у Изяслава позволения поехать за ними, обещая к вечеру того же дня вернуться в Киев. Русские войска пошли на северо-запад, к Киеву, а торки, ковуи, берендеи и печенегы, под начальством брата Изяслава, Владимира, пошли на юго-запад, в Поросье.

На следующий день, когда русская рать уже была расставлена под стенами Киева, «Володимер приде с всими черными клобуки, и с вежами и стады и скоты их и многое множество, и велику пакость створиша, оно ратнии, а оно свое и монастыри оторгоша и села пожгоша и огороды вси посекоша». После неудачных переговоров о мире подступил Юрий к Киеву, у речки Лыбеди. Вперед были высланы половцы, которые разбили передовой отряд противника, после чего вернулись к главным силам Юрия. Но вечером повел наступление Изяслав Мстиславич, во главе с черными клобуками, и разбил наголову половцев. Здесь был убит тогда и их хан Севенч Бонякович.

После нескольких дней маневрирования, когда обе рати опять сошлись друг против друга, была сделана последняя, неудачная, попытка к примирению. Наконец решительная битва произошла на реке Руть. Киевский князь открыл сражение тем, что послал конных стрелков — черноклобуцких и русских — нападать на все еще уклонявшегося врага (противники ждали прихода галицкого князя). Стрелки попытались отбить обоз неприятеля и втянули всех в битву. Половцы не старались, видимо, честно отрабатывать свое золото: «Половци же Юрьеви по стреле пустивше и побегоша», после чего началось бегство и остальной части войск Юрия. В начавшейся резне был убит черниговский князь «и ины многы избиша и половечстии князи многы изоимаша, а других избиша». Юрий и все его союзники бежали через Днепр обратно в левобережье.

Если представить себе всю эту движущуюся массу войск: передовые отряды с той и другой стороны тюркских и русских конных стрелков, за ними внушительные силы половцев и черных клобуков вместе с русскими дружинами, а за войском, у одних — обозы, а у других черноклобуцкие вежи с «жены и дети и с стады и скоты многое множество», — то получится картина с сильно выраженным восточным оттенком.

Заканчиваю очерк о черных клобуках рассмотрением вопроса о культурном влиянии их на Русь. В нашей исторической литературе не допускалось и возможности поднятия такого

вопроса ввиду того, что вообще не признавалось какой-либо культуры у кочевников или возможности за ними какой-либо посредствующей роли в передаче элементов других культур. Молчановский⁶⁷, например, судит о низкой степени культуры у черных клобуков по их способности в каких-либо несколько десятков часов перенестись всеми вежами с одного места в другое. Грушевский обратил внимание лишь на отрицательную сторону черных клобуков, на их степную дикость и грубость, оказавшую сильное влияние на русское население Поросья, среди которого жили черные клобуки. Это замечание Грушевского можно проиллюстрировать выразительными примерами. Когда несколько видных берендеев стали подговаривать волынского князя Владимира Мстиславича к захвату киевского стола, бывшего под Мстиславом Изяславичем, то дружина князя отказалась поддерживать его в этом предприятии и он почти один явился к берендеям. Но черноклобуцкие старшины встретили Владимира назидательными словами, что раз с ним нет никакой силы, то они и поддерживать его станут, и проводили его стрелами: «...начаша в ны пуцати стрелы и ударша князя двема стрелами». На Руси на князей вообще редко поднимали руку, а такая бесцеремонность в отношении к Владимиру Мстиславичу может быть отнесена только на счет тюркской грубости. Тем более редки у нас были случаи убийства князей. Но вот Василько Теревовльського ослепил «торчин именем Беренди», а главными распорядителями этого дела были некие Кульмей и Туряк, мужи князя Давида Игоревича; Глеб, сын Владимира, был зарезан торком; Изяслав Давидович Черниговский был зарублен, правда в битве, Воибором Негечевицем, черным клобуком. Все перечисленные случаи убийств, кроме убиения Изяслава Давидовича Воибором, производились, конечно, не по собственной воле этих лиц, но то, что исполнителями выбирали именно тюрков, — достаточно характерно.

Мысли же о том, что черные клобуки, подобно половцам, могли влиять на материальную культуру Руси, в вооружении, в конских уборах, в предметах личного украшения и пр., — не допускались вовсе в нашей исторической литературе. Говорить о видах этого культурного влияния черных

клубуков на Русь я здесь не буду, так как невозможно разделить, что шло к нам от черных клубуков, а что — от половцев. Однако можно говорить о той роли, какую черные клубуки сыграли в деле перенесения на Русь элементов тюркской и других восточных культур. Надо помнить о близости, которая существовала между русскими и черными клубуками, в особенности между ханами, черноклубуцкими старшинами, теми «лепшими мужами», о которых так часто говорит летопись, и русскими правящими кругами. Их хорошо знали, этих старшин, знали их по именам, сидели с ними за общими столами на пирах, приглашали их на совещания, ссорились и мирились с ними. Отдельные лица наполняли собой различные классы общества; мы видим тюрков и простыми слугами князей, и княжими отроками, и, наконец, — в высшем, боярском классе, даже послами русских князей при сношениях с другими русскими князьями. Хотя главная масса черных клубуков жила на окраине Руси, в южной части Киевского княжества, тем не менее они были хорошо известны всей Руси. «Лепшие мужи» их жили в самом Киеве; там же находились иногда при князе и отдельные берендейские отряды*; во время междоусобных войн черных клубуков видели всюду, почти по всей тогдашней Руси проходили их полки. Можно предполагать, что в первые годы их проникновения в Русь, в эпоху Святополка II и Владимира Мономаха, они наводнили собою княжеские дружины; может быть, даже существовали самостоятельные тюркские отряды при князьях. Все это не могло не оказать существенного влияния различных тюркских элементов на дотатарскую Русь, а на исходе XI

* Берендеи были вообще близки киевским князьям. Берендейский военный отряд мы видим при князе Ростиславе Мстиславиче в 1161 году. Что это были не призванные из Поросья черные клубуки, видно из слов дружины Ростислава: «Княже! се братья твоя к тебе не притягнули, ни берендичи, ни торци...» Следовательно, упомянутые перед этим берендичи, которые от начавшего врываться в город врага «побегоша» к Угорским воротам, были не из «притяглых», как то хотел видеть Грушевский, а местные, киевские, вероятно составлявшие небольшой личный отряд Ростислава Мстиславича. Отряд черных клубуков видим в Киеве и в 1195 году у князя Рюрика Ростиславича.

и в начале XII века, когда Русь была особенно насыщена этими элементами благодаря массовому наплыву торков и печенегов, едва ли не создательской моды на них.

Как мы видели, черные клобуки, при удачных для них стычках с половцами, захватывали в плен половецких ханов, которым часто тут же давали возможность откупиться — тем главным образом, что было на них и их лошадях. А на половецких ханах было столько «злата» и «сребра», такие «паволокы», «дрогыя оксамиты» и драгоценное оружие, а на конях их богатые седла и попоны, что было чем откупиться, даже только «снимая на себе» (то есть с себя). Все эти ценности не складывались, не прятались, а, как было принято у кочевников, носились на себе; черные клобуки несомненно щеголяли этими трофеями*. Это не могло не оказать влияния на русских, и для нас, по всей вероятности, останется навсегда загадкой — кто, собственно, больше влиял на русских в усвоении ими тюркских видов убранства — черные ли клобуки или половцы, кто прививал и создавал на Руси своего рода тюркскую моду, подобную той, какую, например, привносили половцы в Венгрию, а гунны и другие варвары — в Византию.

* Примером богатства черных клобуков может служить погребение у села Россавы, раскопанное Самоквасовым (Дмитрий Яковлевич Самоквасов; 1843–1911 — русский археолог, историк, архивовед. — *Прим. ред.*). Погребение это, вероятно, принадлежало богатому черноклобуцкому хану. Его шапка была сделана из золотой парчи, украшена серебром, золотом и разными костяными бляхами и наверху кончалась шишаком, вероятно, из перьев. Тело было одето в длинный кафтан с узорчатым пестрым рисунком, с золотым и шелковым позументом, с нашитыми золотыми бляшками; на шее — гривна; на поясе — ряд золотых бляшек; также были обнаружены серебряный браслет, золотой перстень, подвески в форме бубенчика; серебряные и позолоченные бляшки конского убора с изображением фантастических животных; позолоченная бляшка седельного убора.

Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии

|

Судьбами печенегов и узов-торков после вытеснения их половцами из степей и расселения по соседним оседлыми государствами, а в особенности по пограничью этих государств интересовались до сих пор обыкновенно лишь в пределах истории какого-нибудь одного оседлого государства и не рассматривали этого явления в целом. Так, в русской историографии интересовались судьбой печенегов и торков в пределах истории русских княжеств, главным образом Киевского, в Венгрии — преимущественно в рамках мадьярской истории; В. Г. Васильевский проследил судьбу печенегов после их проникновения в Византию, К. Иречек⁶⁸ — отыскивал следы печенегов и узов на Балканах и у Дуная. Однако полной общей истории судеб печенегов, торков и берендеев (последними занимались менее всего; их следы в Угрии, на-

пример, совсем не были собраны) на всем обширном пространстве их рассеяния от границ Суздальского и Рязанского княжеств на верховьях Волги и Оки до западной границы Угрии по рекам Лайте, Рабе и Вагу и до балканского пограничья Византийской империи — мы все еще не имеем. Единственной мне известной попыткой более широкого обзора судеб этих тюркских народов является труд Иштвана Дьярфаша «История Яс-Кунов», однако он отмечен многими недостатками.

История расселения тюркских народов на территории соседних с ними оседлых государств и особенно вопрос о поселении их на пограничьях этих государств имеет полное право быть выделен в специальную тему и изучаться на всем огромном пространстве от Дальнего Востока до Центральной Европы — на всем пути прохождения и соприкосновения тюрков с оседлыми культурами. Ибо такие «черноклобуцкие» — по терминологии русской летописи — поселения существовали и на границе Китая по реке Хуанхэ в VII веке*, и в Средней Азии на пограничье саманидской Персии в X веке** и, наконец в Руси, Византии и Угрии в X—XIII веках. Сравнения помогут нам понять организацию этих поселений, далекую от ясности, если брать каждое государство в отдельности. Наконец, для истории оседлых государств очень интересно рассмотреть и сравнить, как каждое из них справлялось с внедрением в него чужеродных и отличных по всему быту и культуре народностей и как это отражалось на собственной жизни этих государств. Особенно же интересно сравнить результаты тюркских расселений — печенегов и торков — у двух соседних, только что начавших укреплять свою государственность стран — Руси и Угрии. В настоящей очерке мы и ограничимся этой задачей, не рассматривая судеб печенегов и торков в Византии.

* Например, поселение около 640 года на китайском пограничье по реке Хуанхэ тюрков в количестве 100 000 человек для защиты Китая от нападений со стороны других кочевников.

** Таково расселение династией Саманидов на Сырдарье гузов с обязательством защищать это пограничье против остальных тюрков.

В конце IX столетия печенеги, как известно, господствовали на всем пространстве причерноморских степей от Дона до области Этелькёзу, то есть приблизительно до Днестра. Восточнее, на низовьях Дона, был Хазарский каганат, а севернее и восточнее него кочевали узы — торки русских летописей; на западе же печенеги в это время соприкасались с мадьярами, расположившимися в Этелькёзу. Втянутые Византией и Болгарией в их войны при Дунае, печенеги стали проникать еще дальше на запад, и в самом начале X века они уже совершенно вытеснили мадьяр из Этелькёзу и заняли места их кочевий, продолжая в то же время неуклонно продвигаться через Карпаты, и по дунайским степям на запад, к Паннонии. В 917 году они впервые изведывают соблазн перехода на правый берег Дуная, призванные для этого самой Византией против Болгарии. X век — время наибольшей силы печенегов. У первых киевских князей Игоря, Святослава, Владимира «бе (с печенегами)... рать велика бесперестани». При Владимире печенеги были уже на расстоянии двух дней пути от Киева, и киевскому князю приходилось «ставить города по Десне и по Востри и по Трубешеву и по Суде и по Стугне... бе бо рать от печенег». То же приходилось делать соседу и современнику Владимира — Иштвану Угорскому, который вынужден был укреплять южные и восточные границы своего молодого государства целой системой засек — от тех же печенегов.

Обратимся теперь к рассмотрению постепенного просачивания сначала печенегов, а затем и торков сквозь эти границы Угрии и Руси и начнем обзор с Угрии, куда процесс проникновения тюркских народов начался, по-видимому, раньше, чем на Руси.

Проникновение печенегов в Угрию шло тремя путями: с севера или, точнее, — с северо-востока, с востока и юга. С юга печенеги прорывались в Паннонию, главным образом через Железные Ворота на Дунае, с востока они проникали южными карпатскими проходами на верховья Ольты, Мароша и Самоша, откуда шли на запад или, спускаясь вниз по Марошу или Мезёшегскими воротами, выходили из Трансильвании в долины Шебеш-Кёрёша и Самоша; наконец, переходя Карпаты с верховьев Серета и Прута на верховья

Тисы, печенеги заходили в Угрию с северо-востока. Как увидим ниже, все эти пути следования печенегов (а отчасти и берендеев) запечатлевались отдельными или групповыми поселениями этих тюркских народов по долинам перечисленных рек. Эти поселения и помогают нам уяснить процесс расселения печенегов и берендеев, в особенности последних, так как о переселении берендеев в Угрию прямых исторических известий не сохранилось.

Первое, еще полуполюгендарное, внедрение печенегов в Южное Притисье мадьярские источники относят ко времени князя Арпада, то есть к периоду распространения мадьяр по Паннонии — в самом начале X века. Тогда еще мадьяры не овладели Затисьем — областью между Тисой, Карпатами и Трансильванскими горами; там еще сохраняли самостоятельность болгары под управлением своих князей. Один из таких правителей, по имени Глад, владения которого простирались по Марошу, начал войну с мадьярами, имея в качестве вспомогательного войска печенегов. На реке Темеше войско Глада было разбито, сам он бежал; два печенежских хана были убиты в сражении с мадьярами. По всей вероятности, мы здесь имеем дело с печенегами, проникшими в Угрию с юга, по Дунаю. Но главная масса печенегов проникала северо-восточным путем, и именно на севере и северо-востоке тогдашней Угрии мы будем находить древнейшие следы печенежских поселений, о которых сохранилась память в мадьярских источниках.

Насколько к середине X века было значительно просачивание печенегов в Северную и Северо-Восточную Паннонию, можно заключить из слов византийского императора Константина Багрянородного, который в своем сочинении «Об управлении империей», написанном им около 945 года, сообщает, что Угрия на севере граничит с печенегами.

К этому же приблизительно времени относятся и первые мадьярские известия о поселении печенегов в Угрии.

При мадьярском князе Золтане, жившем в первой половине X столетия, согласно полуполюгендарному источнику, приведенному у Анонима⁶⁹, было поселено «немалое количество» печенегов в северо-западном пограничье Угрии

у озера Фертё для защиты от вторжений германцев*. Про того же Золтана рассказывается далее, что он «привел своему сыну Токсону жену из Куманской (читай — Печенежской) земли».

При этом Токсоне, преемнике Золтана (ок. 943—972 годы), совершилось, по-видимому, уже массовое переселение печенегов в Угрию. Аноним передает известие о том, как из Печенежской земли пришел к Токсону целый род во главе с ханом Тонузобой и как мадьярский князь расселил пришельцев в Северной Угрии, в Кемейской области у Тисы. При том же Токсоне, согласно тому же источнику, пришли еще в Угрию некие Била и Бакса, которым был дан в держание Пешт. Судя по именам, в них также видят печенегов. Наконец, и Аноним, и Шимон Кезаи приводят рассказ (относя его ко времени несколько более раннему — еще к правлению Арпада) о приходе выходца из Скифии Эдемена, сына Чабы, предка Паты, а через него и будущего угорского короля Самуила-Абы, затем о приходе Кетеля с сыном Тольмой и, наконец, Кульпуна, отца Ботонда. Эдемену были даны земли над Матрой, а Кетелю — по Дунаю у низовьев Вага.

* Достоверность этого сообщения Анонима обычно отвергалась в мадьярской историографии, считавшей, что оно является анахронизмом, так как действительное поселение печенегов якобы произошло здесь позже, в 1072 (или, по некоторым данным, в 1068) году, когда шопронский жупан Ян разбил и взял в плен огромное количество печенегов; об этих событиях рассказывает Туроц (Янош Туроц; 1435? — 1489? — венгерский историк, автор «Хроники венгров. — Прим. ред.). Но во-первых, в рассказе Туроца нет никаких указаний на то, что взятые в плен печенеги были поселены на шопроно-мошонском пограничье; это выводили лишь позднейшие комментаторы этого места Туроца; во-вторых, еще до 1072 (или 1068) года печенеги уже упоминаются в мадьярском войске, и именно в области шопроно-мошонского пограничья — в 1052 году; в-третьих, трудно было бы допустить, чтобы король Иштван, организовавший засеки на всех границах Угрии и селивший на них в качестве стражи среди других инородцев также и печенегов, в наиболее важном шопроно-мошонском пограничье не поселил печенегов, подобно тому как они были поселены им в других местах, например в Северо-Западной Словакии.

Мадьярский ученый Геза Фехер⁷⁰ сделал попытку показать, что все эти разрозненные известия являются отражением огромного переселения в Угрию осколков нескольких печенежских родов, до того кочевавших в Приднепровье и принужденных уйти оттуда под давлением с востока торков, и что это переселение совершилось в правление Токсона. Сопоставляя имена этих пришельцев с известными нам по Константину Багрянородному именами родов и родовых старшин приднепровских печенегов, Г. Фехер пытался даже установить родовую общность этих пришельцев с тремя печенежскими родами Приднепровья: чобан, кюльбей и толмач.

Может быть, это предполагаемое Г. Фехером движение печенежских родов можно поставить в связь с происшедшим как раз в это же время — около 968 года — разгромом киевским князем Святославом Хазарии, что действительно открыло кочевавшим до того в задонских степях торкам путь к Днепру, где они и натолкнулись на печенегов и начали теснить их к Западу. Глухим отголоском проникновения в Угрию печенегов в эпоху первых Арпадовичей служат упоминания у Шимона Кезаи и Туроца о приходе различных иноземцев.

Не менее глухие сведения о проникновении печенегов в Угрию относятся и ко времени короля Иштвана I (997—1038 годы). Обычно мадьярские источники насчитывают три похода Иштвана против печенегов, но с определенностью можно говорить лишь об одном — в Трансильванию; кроме того, отряд в 60 печенегов пытался мирным путем проникнуть в Угрию, чтобы поселиться в ней, однако мадьяры этот отряд уничтожили. По-видимому, в этом случае печенеги проникли в Угрию не с юга, из-за Дуная, а, как и при Токсоне, с севера, верховьями Тисы и Самоша.

В то время, когда Угрия начинала уже поселять в своих пределах осколки печенежских родов, подступавших к ее границам, главная печенежская орда еще властвовала в Приднепровье, хотя ее могущество здесь доживало последние десятилетия. Все более стоняемые торками к Поднепровью, печенеги начинают свой натиск на Киевскую Русь, отбрасывая ее южную границу за Рось, под самый Киев — на Стугну, Ирпень и Трубеж; в течение первой трети XI столетия печенеги

все еще были самой грозной опасностью для Киевской Руси, пока в 1036 году их наголову не разбил под Киевом Ярослав, после чего они навсегда отхлынули от русских границ*.

Левое Приднепровье было для них уже потеряно**, а с востока все не переставали насаждать новые — и на этот раз очень кратковременные — властители южнорусских степей — торки. Они беспрестанно воюют с печенегами, а у последних, как раз на почве этой борьбы с торками, начались внутренние раздоры, окончательно погубившие орду. Старейший печенежский хан Тирах из-за своего бездействия потерял авторитет, и все большую силу стал обретать стяжавший себе славу в борьбе с торками хан Кеген. Вскоре он с двумя коленами отпал от остальных одиннадцати печенежских колен и, преследуемый Тирахом, перешел с 20 000 человек Дунай и поступил на византийскую службу. Его орде были отведены земли на правом берегу Дуная; печенеги должны были охранять это пограничье, для чего им передали пограничные крепости. Но так как Кеген не переставал с византийской территории совершать набеги на кочевья Тираховой орды, это вызвало движение к византийской дунайской границе всего печенежского племени; в 1048 году печенеги, как говорит византийский хронист, в количестве 800 000 человек перешли замерзший Дунай, чтобы отомстить Кегену, в действительности же — чтобы найти гибель всему своему народу: сначала эпидемии, а затем победы византийцев и Кегена довершили крушение орды Тираха. Сам Тирах попал в плен, а оставшиеся в живых его печенеги были расселены по Западной Болгарии.

Обратимся теперь к торкам. Их господство в южнорусских степях (точнее — в Приднепровье) было недолгим, поэтому недолгим было и их соприкосновение с Русью. Однако их значение в ее истории велико; и именно потому, что,

* В это же время печенеги нападают и на Византию, переходят Дунай, глубоко вторгаясь в пределы империи (в 1026, 1032, 1035 годах).

** Г. Кедрин (Георгий Кедрин — византийский историк конца XI или начала XII века, автор сочинения «Обозрение Истории». — *Прим. ред.*), рассказывая о событиях 1048—1049 годов, говорит, что печенеги перед тем кочевали между Днестром и Паннонией и, следовательно, к этому времени Заднепровье уже им не принадлежало.

тогда как главная масса печенегов после вытеснения из степей была вобрана Византией и Угрией, главная масса уцелевших торков была, по-видимому, расселена русскими князьями по Руси.

Через восемнадцать лет после того, как летопись в последний раз сообщила о нападении печенегов на Киев и о поражении их от Ярослава, встречаем первое известие о торках в Приднепровье; но это уже была не та сильная орда, которая сокрушала печенегов, а сама уже, в свою очередь, сломленная — половцами, шедшими из Заволжья на смену торкам. В 1054 году «иде Всеволод (тогда еще князь Переяславский) на торкы зиме к Воиню и победи торкы». Это был, очевидно, небольшой торкский отряд, если переяславский князь собственными силами смог разбить его. По пятам торков уже шли половцы: «Того же лета, — читаем далее под тем же 1054 годом, — приходи Болуш с половци, и створи Всеволод мир с ними, и возвратишася восвоiasi»*.

В 1060 году, согласно летописи, русские князья предпринимают уже большой совместный поход на торков, все в том же направлении — вниз по Днепру («поидоша на коних и в лодьях»), окончательно решивший участь торков в Приднепровье: торки, услышав о надвигающихся русских ратях, не вступили в битву, но «убоявшеся, пробегоша и до сего дни, и помроша, бегающе, Божиим гневом гоними, овии от зимы, друзии же гладом, инии же мором и судом Божиим. И так Бог избави крестьяны от поганых». Степями вслед за этим окончательно завладели половцы**, торки же, отхлы-

* Вероятно, связью с торкско-русским столкновением и объясняется этот первый приход половцев к границам Руси. Главенствующая орда всегда очень шепетильно относилась к ускользающим из-под ее власти осколкам покоренных ею других племен. На русском степном пограничье мы найдем тому много примеров. Только, вероятно, отбитием упомянутого торкского отряда и непринятием его на Русь можно объяснить последовавшую вслед за тем мирную встречу князя Всеволода с Болушем, ханом половецким. Обратные явления в событиях 1060—1061 годов только подтверждают наше мнение.

** Новый приход половцев вслед за бегством торков тоже надо поставить во взаимную связь: вероятно, русские князья захватили в плен часть разбежавшихся торков. Этим естественнее всего будет

нув от русского Поднепровья, принуждены были уйти к Дунаю. В 1064 году они (под именем узов у византийских писателей) всем своим племенем, в количестве будто 600 000 человек, вторглись в Византию, предавая разорению ее балканские провинции; однако начавшиеся среди торков голод и эпидемии значительно ослабили эту орду, и тогда болгары и заклятые враги торков — печенеги, расселенные в Византии, довершили гибель этого племени. Уцелевшие после резни торки были расселены Византией в Македонии; в византийской армии после этого появляются торкские отряды, а отдельные лица этого племени проникли на высокие придворные и государственные должности в империи.

Части торков все же удалось уйти обратно на север, за Дунай. По известию Михаила Агталиата, эти «узы» были рассеяны «князем Мирмидонов» по своим городам. Еще В. Васильевский справедливо решил, что никто другой, кроме русского князя, не может разуметься под этим странным названием, то же признал и П. Голубовский. От этого «рассеяния» в 1060-х годах торков по своим городам «князем Мирмидонов» (в котором всего естественнее видеть киевского князя Изяслава Ярославича) и надо считать начало тюркских поселений на Руси. Летописные известия о них начинают встречаться лишь с 80-х и 90-х годов XI столетия, но возникли эти поселения, несомненно, ранее, и возникает вопрос: не следствием ли этого массового принятия торков примерно в 1065 году стал первый большой набег половцев на Русь в 1068 году, принесший первое большое поражение киевскому князю Изяславу и разорение Киевской и Черниговской земель? Мы не раз говорили о том (и повторим вновь), как нетерпимо относились половцы к принятию Русью таких беженцев из степей.

Первое бесспорное свидетельство о поселении торков на Руси относится к 1080 году: «В лето 6588. Заратишася торци переяславьстии на Русь. Всеволод же посла на не сына

объяснить первый ратный приход половцев в следующем, 1061, году, недовольных Русью за принятие ею тех, кого они считали своими рабами. Татищев прямо говорит, что князя в 1060 году захватили много пленных и развели их по городам.

своего Володимера. Володимер же, шед, побил торки» — то есть здесь говорится о восстании торков, живущих в Переяславском княжестве, и о подавлении этого восстания сыном великого князя Киевского Владимиром (будущим Мономахом). Почти к тому же времени относится и первое известие о поселении торков на правой стороне Днепра, в Киевском княжестве; там, на южном его пограничье, в 1084 году впервые упоминается «Торческий город»* — срубленный русскими острог, в котором могли во время войны со степью укрываться кочевавшие вокруг торки. К концу XI столетия — к 1097 году — относится первое упоминание торков и в Галицком княжестве. Так, давая у себя приют беглецам из степей, Русь начинала в то же время огораживать силами этих же беглецов свое степное пограничье.

Возможно, однако, что самыми древними были торкские поселения в Ростово-Суздальской земле, хотя у нас и нет прямых данных о времени возникновения там этих поселений. Но за большую их древность говорит то обстоятельство, что, когда Южная Русь еще не знала торков, когда в Приднепровье кочевали еще печенеги, Северо-Восточная Русь уже имела дело с торками, которые, на своем пути с востока, впервые соприкоснулись с Русью в Поволжье и лишь семьдесят лет спустя подошли к Приднепровью. Под 985 годом читаем в летописи: «Иде Володимер на болгары с Добрынею, уем своим, в лодях, а торки берегом приведе на конех. И тако победи болгары». Нельзя сделать каких-либо определенных выводов, какие это были торки — степные или уже оселенные Русью; через Суздальскую Русь, очевидно, началось проникновение и отдельных торков, так как первое сведение об этом относится к 1015 году, когда Киевская Русь еще с ними не соприкасалась**.

Торков на Руси было больше всех остальных тюрков. За это говорит и большое количество названий поселений в Юж-

* В Поучении Владимира Мономаха: «И потом на Святославль гонихом по половцих, и потом на Торческий город, и потом на Гюргев по половцих».

** В 1015 году князя Глеба Владимировича зарезал его повар, «именем торчин».

ной Руси, связанные с их именем (Торчин, Торкин, Торкское, Торчицы), и более частое упоминание их в летописях, и, наконец, прямые летописные известия о шестисотенном и о шеститысячном их отрядах.

В 1097 году вместе с торками упоминаются и первые поселения на Руси берендеев и печенегов. Берендеи, или берендичи, были, несомненно, такие же тюрки, как торки и печенеги*, и представляли собою не то самостоятельное племя, не то лишь род торков**, последнее предположение основывается на одном месте летописи, где говорится: «...и приступи торчин, именем Беренди, овчюх Святополчь, держа нож...»; но против такого объяснения как будто говорит и многочисленность берендеев — известны их отряды в Киевском княжестве в 1500, в 2100 и в 30 000*** человек, — и их разбросанность на огромном пространстве от Северо-Восточной Руси до Угрии и Болгарии, и то, что они, появляясь на Руси одновременно с торками и печенегами, никогда не смешиваются с ними и всегда упоминаются самостоятельно. Можно только подметить несколько более тесную, нежели с печенегами, связь берендеев с торками, но это еще не дает нам оснований для вывода о родовых взаимоотношениях этих двух народов.

* Несомненный тюркизм берендеев пытался опровергнуть А. И. Соболевский в своих «Русско-скифских этюдах», видя в берендеях иранцев, потомков меотийских скифов. В. Пархоменко (Владимир Александрович Пархоменко; 1880–1942 — советский историк-медиевист, автор работ по истории восточнославянских племен и возникновения Киевской Руси. — *Прим. ред.*) высказывал предположение о связи берендеев с «кавказцами-яфетитами», но в подтверждение своего предположения выразил лишь надежду, что яфетидологи смогут установить эту связь.

** П. Голубовский и Д. Багалеи колебались, относить берендеев к торкам или к печенегам. К. Иречек считал их ветвью печенегов.

*** Так в летописях Лаврентьевской, Ипатьевской, списке IV Новгородской и в пяти списках I Софийской; но в Воскресенской, Хронографическом списке IV Новгородской и двух списках I Софийской стоит 1000. В Хронографском списке IV Новгородской первоначальная цифра 1000 была затем переправлена на 40 000; «четыредесять тысяч» берендеев поставлено и в Никоновской летописи.

Берендейские поселения, подобно торкским, находим в Галицком и в Киевском княжествах, но, кроме того, также и в Ростово-Суздальской земле, где нет следов печенегов. Последнее обстоятельство заставляет предполагать об общем пути берендеев и торков при продвижении этих народов с Востока*.

Печенеги далеко не все ушли к Дунаю; значительная их часть осталась в черноморских степях под властью — сначала торков, а потом половцев**, откуда они или сами перебежали в Русь, или выводились русскими во время войн с половцами. В этом отношении особенно интересны те большие походы на половцев, которые предпринимали русские князья в начале XII века и которые сопровождались освобождением тюркских неполовецких племен, покоренных половцами. Так, после удачного похода 1103 года русские возвращаются не только с огромной добычей, но «и заяша печенеги и торки с вежами», а из Поучения Мономаха узнаем, что несколькими годами раньше, в 1096 году, к нему на Сулу перешел «ис половец» торкский род Ичитеевичей, которых Мономах выезжал встречать.

Последняя большая эмиграция торков и печенегов (а вместе с ними, вероятно, и берендеев) в русские пределы произошла, как мы знаем, после восстания 1116 года. Позже мы уже больше ничего не слышим о подобных выходах их из сте-

* Попав в Киевскую Русь, берендеи и торки и здесь как будто первоначально держатся вместе. В этом отношении интересна подробность, не имеющаяся в летописях, но помещенная у Татищева под 993 годом по поводу переяславского единоборства русского с печенегом: «Владимир, придя в обоз, послал по всему войску, а также к берендичам и торкам в станы, спрашивая, есть ли такой человек, который бы мог на поединок против печенега выйти?» Проникновение торков и берендеев на Русь уже при Владимире, как мы видели, очень правдоподобно. В Угрии же, наоборот, берендеев мы будем видеть большею частью вместе с печенегами, а не торками, которых вообще в Угрию проникало, по-видимому, очень немного. Но проникли в Угрию берендеи, вероятно, независимо от печенегов и позже них.

** Константин Багрянородный в сочинении «Об управлении империей» говорит о том, что в его время (середина X века) часть печенегов осталась на своих прежних землях и стала жить среди торков.

пей*. Не удивительно, что такой наплыв в Русь беглецов не мог пройти без трений; вскоре же узнаем, что тот же Владимир Мономах прогнал берендеев из Руси, а торки и печенеги «сами бежаша». Но по всему видно, что это был лишь эпизод: через четыре года снова слышим о торках в Переяславском княжестве.

Кроме торков, берендеев и печенегов, известны из летописей еще три имени тюркских родов, осевших на Руси, это — каепичи, ковуи и турпеи. Если первые два имени не удастся связать с какой-либо из больших известных нам тюркских народностей, то турпеев, как нам кажется, можно определенно считать родом печенежского племени. Они упоминаются в летописи всего лишь раз, в 1150 году, и выступают как кочевой военный отряд на левой стороне Днепра в районе города Сакова, в пределах Киевского княжества, которое простиралось здесь и на левое Приднепровье. Для объяснения народности турпеев сопоставим это известие с другим, 1142 года; летописец, рассказывая о войне черниговских князей с переяславским князем Вячеславом, говорит следующее: «Бьющим же ся им у Переяславля и посла Всеволод (великий князь Киевский. — *Д. Р.*) у Переславля Лазоря Саковського с печенеги и с вои Вячьславо в помочь». Великому князю Киевскому естественнее всего было послать помощь переяславскому князю из ближайшего к Переяславскому княжеству месту, то есть с левобережья, на что и указывает имя Лазаря Саковского; очевидно, и печенеги, которых он вел, были в районе Сакова; поэтому, когда через восемь лет на том же месте, у Сакова, мы находим таинственных турпеев, то более чем вероятно видеть в них родовое имя или один из родов упомянутых саковских печенегов**.

* Впрочем, некоторая часть печенегов осталась в степях навсегда; Плано Карпини и Рубрук упоминают о кангитах-канглах, некогда славнейшем роде печенегов. На Руси печенегов было несравненно менее, чем торков и берендеев, они реже упоминаются в летописях и известны главным образом лишь в Киевском княжестве.

** П. Голубовский считал турпеев торками на том основании, что торки упоминаются в 1125 году у Баруча, который будто бы находился там же, где и Саков, то есть к северо-западу от Переяславля.

Каепичи также упоминаются только раз, в 1160 году, по поводу междоусобия в Черниговском княжестве, как отряд в союзном черниговском, киевском и галицком войске*. Ковуи же известны нам и в Киевской и в Черниговской областях и упоминаются в первом княжестве под 1151, 1162 и 1170 годами а во втором — под 1185 годом и, кроме того, в «Слове о полку Игореве»**. Впрочем, об этих двух тюрк-

Но Баруч, по-видимому, находился далеко от этих мест, на верховьях Осетра и Удая. Торками турпеев считали также О. Самчевский, М. Погодин и В. Ляскоронский. А. Соболевский, неуклонно искавший следы иранства в Южной Руси, находил его и в турпеех.

* Судя по контексту, возможно, что эти каепичи, упоминаемые здесь вместе с берендеями, находились в числе вспомогательного киевского отряда, который под начальством князей Владимира Андреевича и Ярослава Изяславича выслал черниговскому князю Святославу великий князь Киевский. Во всех предшествующих перипетиях этой войны, до прихода киевской помощи, не упоминаются ни каепичи, ни берендеи (о последних в Черниговской области мы вообще не имеем сведений), тогда как берендеи известны своей близостью Киеву, а упомянутый здесь князь Владимир Андреевич в том же 1160 году встречается как один из начальников киевского берендейского отряда и раньше еще, в 1153 году, он с берендеями же посылается киевским великим князем к Олешью.

** «Слово о полку Игореве», хотя прямо и не называет ковуев, перечисляет тюрков старшин в числе черниговского войска в несчастном походе князя Игоря, о котором летопись говорит, что он пошел с «коуи черниговскими». «А уже не вижду, — говорит великий князь Киевский Святослав, — власти сильного, и богатого, и многовая брата моего Ярослава, с черниговскими былями, с могуты, и с татраны, и с шельбиры, и с топчаки, и с ревугы, и с ольберы. Тии бо бес щитов, с засапожники, кликом полкы побеждают, звонячи в прадедную славу». П. М. Мелиоранский (Платон Михайлович Мелиоранский; 1868—1906 — русский востоковед-тюрколог, профессор факультета восточных языков Петербургского университета. — *Прим. ред.*) в этом перечислении видит «отдельные племена» или «сильные многочисленные роды» ковуев; «были» же (от *тюрк.* бѡдла) значит вельможи, бояре; «весьма вероятно, — говорит Мелиоранский, — что старшины их носили турецкий титул “быля”». Н. А. Аристов (Николай Александрович Аристов; 1847—1910 — русский историк, востоковед, этнограф; научные труды в основном посвящены народам Средней

ских родах мы не можем говорить с уверенностью, что они принадлежали к торкам или к печенегам; они могли быть и половцами, которые со второй половины XII века начали оседать на Руси.

Обратимся теперь к печенегам и торкам придунайским. Постепенно откочевывая, печенеги — под натиском торков, а торки — под натиском половцев, они еще несколько десятилетий после страшного их разгрома в 40–60-х годах XI столетия будут находиться в брожении, пока окончательно не осядут в ближайших государствах — Византии и Угрии, уступив нижнедунайские степи половцам. В эти десятилетия невозможно точно определить — какие именно из кочевников совершали свои грабительские набеги далеко в глубь Угрии или теснились у византийского пограничья. Магьарские источники смешивают их, называя то бессами, то кунями, а византийские объединяют общим для всех классическим именем скифов. Иногда действительно различные племена кочевников соединялись, чтобы вместе совершить какой-нибудь набег, и тем внесли еще большую путаницу в терминологию*.

Поэтому трудно решить, какие именно кочевники под начальством хана Озула совершили в 1070 году опустошительный набег в Угriu. Правда, при своем возвращении они были настигнуты королем Соломоном и его двоюродными братьями — герцогами Гезой и Ладиславом (Ласло —

Азии и Афганистана. — *Прим. ред.*) указал на роды «кый» и «кобий» у нынешних шорцев и сагайцев, которых он связывал с летописными ковуями. А. И. Соболевский и ковуев считал потомками иранцев, а род ковуев — шельбиры, упоминаемый в «Слове о полку Игореве», сближал с племенем сабиры. Что касается рода ковуев татраны, то, по-видимому, можно не сомневаться в тюркском его происхождении: ср. печенежское имя Татран, упоминаемое у Анны Комниной. О тюркской основе этого имени сведения собраны у П. Мутафчиева. Род же ольберов ср. с именем парламентаря князя Мстислава Изяславича в событиях 1159 года: «...посла (Мстислав; к берендеям. — *Д. Р.*) Олбыря Шерошевича», по-видимому, тоже тюрка.

* Например, в походе угорского короля Соломона на Византию в 1087 году участвовали и половцы и печенеги.

по-мадьярски) и в так называемом Чергаломском сражении почти все перебиты*.

Большой интерес представляет другое столкновение с мадьярами — на этот раз, скорее всего, именно печенегов, — закончившееся страшным поражением степняков и, что особенно важно, — расселением огромного количества пленных по Угрии. В 1072 году печенеги, как кажется, не без подстрекательства византийцев, совершили набег на Угрию. Это вызвало поход короля Соломона на византийскую крепость Белград, наместник которой считался мадьярами главным виновником нападения кочевников. Здесь тюрки, пришедшие на помощь белградскому наместнику, были наголову разбиты Яном, шопронским жупаном, причем хан их Хазар едва спасся бегством; остальные же были или иссечены, или отведены в плен; последних, по выражению хроники, было «много тысяч».

В правление короля Ладислава (1077—1095) прекращается господство печенегов и торков в придунайских степях и их сменяют половцы. В 1078 году половцы впервые появляются у Дуная, а в 1091 году они уже с помощью византийцев окончательно сокрушают печенегов, все еще не желавших замориться, хотя уже и расселенных на византийском пограничье.

Под 1122 годом византийские источники сохранили нам известие о большом поражении, нанесенном печенегам императором Иоанном Комнином. Печенеги в огромном количестве перешли Дунай и стали опустошать Фракию и Македонию, но у города Верои они были наголову разбиты императором, который в память этой победы, давшей ему с большим трудом, установил специальный «печенежский праздник» — в память избавления от печенегов**. Вероятно,

* Туроц считал этих кочевников половцами. Вполне допустимо, что в 1070 году половцы напали на Угрию, — если вспомнить, что это было время, когда они начали совершать свои глубокие набеги в Правое Приднепровье.

** Упоминания о «печенежском празднике» находим у Никиты Хониата, тогда как в изложении самой войны он называет кочевников скифами. Может быть, нападение печенегов на Византию 1122 года можно поставить в связь с событиями этого времени на Руси. Вла-

в связи с этим поражением и находится известие в хронике Туроца о том, как «кунский» хан Татар в числе немногих спасшихся от «убийств» императора прибежал с этими немногими к угорскому королю Иштвану II. Беженцы сразу заняли привилегированное положение при дворе, широко пользовались этим и даже притесняли мадьяр. Все это было возможно только благодаря особенному, как утверждает Туроц, печенегофильству короля Иштвана.

Этим эпизодом заканчивается период печенежских вторжений в Угriu, начавшихся со времени первых Арпадовичей в X веке и длившихся затем около двух столетий. Вместе с печенегами проникали в Угriu торки и берендеи, но в несравнимо меньшем количестве, чем первые; исторических сведений об этом нет; сохранились лишь следы, и то только начиная с середины XII века, о единичных поселениях этих двух тюркских племен. Проникали они, особенно берендеи, по-видимому, главным образом с севера и востока, через Карпаты: их поселения мы видим преимущественно в Северной и Восточной Угрии.

II

Рассмотрим теперь — как были расселены печенеги, торки и берендеи по Руси и Угрии, начав обзор с последней, где тюркские поселения древнее. Начнем с поселений печенежских, так как в Угрии они появились раньше и были многочисленнее остальных. Они были двух видов: пограничные и внутренние. Рассмотрим сначала пограничные поселения.

димир Мономах в 1121 году выгнал берендеев из Руси, и вместе с ними бежали торки и печенеги. Не эти ли изгнанники вторглись затем в Византию? Иначе трудно себе представить, чтобы осколки печенегов все еще могли свободно кочевать на левой стороне Дуная, где в это время уже владычествовали половцы. Не от этого ли времени ведут свое начало две деревни Беренде в Болгарии и не являются ли они, таким образом, отражением поселения здесь части берендеев, бежавших в 1121 году от Владимира Мономаха?

Систематическое устройство угорских пограничных линий в виде засек с поселением на них стражи («*confinorum custodes*», «*speculatores*», «*sagittarii*» в латинских источниках) в значительной степени из тюркских инородцев, в особенности печенегов, относится ко времени короля Иштвана I (997—1038). Засаки окружали Угрию со всех сторон, и всюду мы будем находить следы поселенных Угрией печенегов. Лишь в некоторых местах, как на лайтенском пограничье, в районе Шопрона и Мошона, эти засаки с поселенными на них печенегами были более раннего происхождения — со времени первых Арпадовичей.

На западной, германской границе Угрии линии засек тянулись не одной, а, по всей вероятности, двумя параллельными линиями; это требовало и большего количества защитников. Как раз о печенегах шопроно-мошонского участка и говорит Аноним, что их было поселено «немалое количество». В 1052 году печенеги упоминаются здесь наряду с мадьярами как участники войны Угрии с германским императором Генрихом III* и еще раз в 1074 году как защитники шопроно-мошонского пограничья. Неудивительно, что вблизи пограничной линии мы находим многочисленные топонимы, связанные с печенегами.

Постепенно германо-угорская граница стала оттягиваться на восток, к Репче и Рабе, выдвигаясь снова на запад у Братиславы. Временем окончательной германизации лайтенского района считают XIII век. Печенеги, жившие здесь, частью погибли в войнах; оставшиеся же были германизированы, а может быть, частично выведены мадьярами на новое, прирабское пограничье.

Как свидетельствует грамота короля Эмериха от 1203 года, к северу от озера Фертё, у реки Лайты, печенеги жили на зем-

* Как я уже упоминал выше, нельзя придавать, как это обычно делалось, большого значения сообщению о поражении, которое печенеги потерпели от жупана Яна Шопронского, и предположению о расселении их им по шопронскому пограничью. Возможно, конечно, что некоторая часть пленных и была уведена жупаном в свой комитат, но по всему видно, что это не было главное, основное поселение здесь печенегов, которые жили в этих местах раньше 1072 (1068) года.

ле, полученной ими «по праву мошонской военной службы». Центром этой «печенежской земли» была местность Легенто, к северо-востоку от озера, про которую та же грамота короля Эмериха говорит, что ею «печенеги некогда владели»; понимать это выражение надо в том смысле, что прежде печенеги имели здесь все права и привилегии*; теперь же король передавал эту землю монастырю Св. Креста, на который вместе с тем возлагалась обязанность защищать печенегов; но обязанность эта, судя по всему, исполнялась плохо. Очевидно, к этому времени печенеги уже не имели прежнего важного значения для государства, и ими можно было пренебречь. Памятью о печенежских поселениях по Лайте и у озера Фертё является местность Бешеньё, упоминаемая с 1265 года, и целый ряд деревень, по названиям своим признаваемые мадьярскими учеными за печенежские**.

Несколько восточнее, у нижнего течения Рабы, в самой восточной части Шопронского комитата, на границе его с Дьерским, в местности Арпаш также жили печенеги***.

Кроме перечисленных прямых сведений о существовании печенежских поселений на западном пограничье Угрии, есть целый ряд косвенных указаний. Подобно тому как в русских летописях нельзя иногда различить, кого именно имеет в виду летописец под общим собирательным именем «лучников», «молоди», так и в мадьяро-латинских хрониках и грамотах часто встречаются упоминания о «confinorum custodes», «speculatores», «sagittarii», охранявших угорские границы. Под этими названиями скрывались и собственно мадьярская по-

* Грамота короля Андрея от 1217 года и булла папы Иннокентия III от 1210 года подтверждают принадлежность некогда этой земли печенегам.

** Реки этой области — Лайта, Вулка и Шпиттельбах — носили первоначально печенежские названия: Шар, Сельег и Меренье.

*** О древности поселений печенегов в Арпаше свидетельствует грамота шопронского палатина Дьюлы от 1222 года, из которой узнаем, что арпашские печенеги пользовались в это время «от древности установленными» свободами. Из того же, что эти печенеги, лично явившись к палатину с жалобами, «утрудили его таким количеством народа», можно заключить, что их в 1222 году в этой местности было еще немало.

граничная стража, и таинственные сикулы, и, наконец, печенеги. Показательно сравнение описаний Оттона Фризингенского и Туроца мадыаро-германской войны 1146 года, ведшейся на шопронском пограничье. Когда первый говорит об участии в мадыарском войске сагитариев и о победе над ними германцев, второй рассказывает о бегстве от германцев печенегов и сикулов. Другим примером может служить деревня Мошонского комитата Ката, признаваемая печенежской по названию; жителей этой деревни грамота короля Карла от 1339 года называет «спикуляторами». Из грамоты узнаем, что катаяские «спикуляторы» жили в этой деревне целым своим родом и охраняли мадыарское пограничье еще со времени первых угорских королей; по этим признакам катаяцев, скорее всего, можно отнести к какому-нибудь печенежскому роду, издавна здесь сидящему, чем к разноплеменной страже. Дальнейшие слова грамоты еще более убеждают нас, что в ней подразумевался кочевой народ: она определяет, чтобы и в будущие времена «спикуляторы» служили конно и оружно, как служили угорским королям и их предки в древности. Выступать в поход печенеги должны были, согласно требованию грамоты, с собственным оружием. Очень возможно поэтому, что и в упоминаемых Туроцом в 1044 году на лайто-рабском пограничье сагитариях надо видеть тех же печенегов; в 1047 году сагитарии этого пограничья отличились особенной жестокостью, и это тоже побуждает к отождествлению их с печенегами.

На восточном, правом берегу Рабы, в юго-западной части Дьёрского комитата, была некогда большая группа печенежских поселений, еще существовавших в XIII столетии, но затем исчезнувших; в 1269 году в грамоте короля Белы IV об этой местности писалось как о некогда называемой печенежской. Вся эта область в старину находилась во владении печенежского рода тэт; под этим названием затем и будут (в 1251, 1269 и 1270 годах) упоминаться жившие здесь печенеги «bisseni de thet» и их деревни: Öreg-Téth, Bessenyo-Téth, Tétsszentkut. Еще севернее в Токезе, около Дьёра, существует деревня Bezi, ранее носившая более полное имя Bisseni; тут же есть деревня Thelukbarath, которую, по ее названию, считают печенежской.

На северном пограничье до времени св. Иштвана угорская граница не переходила Дунай, и лишь в правление этого короля было положено начало проникновению мадьяр на левый берег Дуная, в Словакию. Проникая, вероятно, через Остригом (*мадьяр. Эстергом*)*, эта мадьярская колонизация в течение XI века стала заселять течения рек Ипола, Грона, Житавы, Нижней и Средней Нитры, Вага, — создавая здесь укрепления против Чешского государства, а на верховьях Грона, Нитры и Вага устраивать заслоны и сторожевые посты против Польши. На этих пограничных линиях мы находим несколько поселений печенегов.

Много тюркских поселений было по реке Житаве, особенно по ее низовью**. Здесь есть следы и печенегов, и берендеев, а грамоты XII—XIII веков упоминают о конных сторожевых отрядах и тюркских именах отдельных конников. Определенно печенежские поселения известны с древнейших времен в районе Удварда — у слияния Житавы с Нитрой; впервые они упоминаются в 1075 году***; несколько выше по Житаве печенегы жили в местности под названием Тасар****.

О поселении печенегов на реке Ваге есть легендарное известие, относимое ко времени князя Арпада, будто бы давшего язычнику Кетелю много земель на Дунае, при устье Вага; это известие ценно главным образом в том отношении, что указывает, что еще в начале XIII века, когда писал Аноним, сохранялась память о язычниках-инородцах, издавна здесь поселенных. Всего естественнее видеть в них печенегов*****. Тем более что на Ваге хватает топонимов, связанных

* В. Халоупецкий (Вацлав Халоупецкий; 1882—1951 — чехословацкий историк-медиевист, профессор Братиславского университета. — *Прим ред.*) относит подчинение Южной Словакии Иштваном к 1025—1039 годам, когда он отвоевал эту страну у поляков.

** В. Халоупецкий считает эти поселения печенежскими.

*** В грамоте короля Гезы I. Об этих печенегах упоминает затем грамота короля Иштвана II от 1124 года.

**** Также упоминается в грамоте короля Гезы I.

***** Если признать догадку Фехера о поселении здесь печенегов еще при князе Токсоне, то эти низовые повагские поселения были бы самыми древними в Словакии.

с печенегами. Выделим отдельно расположенное поселение печенегов в верховьях Вага, у города Ружомберок (ныне это деревня *Vešenova*; *мадьяр.* *Besenyőfalva*), некогда, вероятно, служившее сторожевым заслоном против Польши, на пути из Кракова. Косвенным указанием на поселение язычников-печенегов в повагской сторожевой линии служит и упоминание о «языческих гробницах», которые исследователи справедливо относят к поселенным здесь тюркским язычникам, в том числе и печенегам. Эти же торки скрываются и за сагитариями, о которых не раз упоминают мадьярские источники*.

На северо-западном пограничье Угрии, на территории нынешней Юго-Западной Словакии, вперемежку с печенежскими мы найдем также торкские и берендейские поселения, и несколько более позднего происхождения — поселения половцев. Все эти торки одинаково несли здесь сторожевую пограничную службу.

Нет, однако, следов поселений печенегов и берендеев на реке Мораве. Отсутствие этих тюрков на самой западной границе Угрии, на пограничье с Чешским государством, по мнению В. Халоупецкого, связано с тем, что угорско-чешская граница до начала XIII века проходила по лесистым горным хребтам Малых и Белых Карпат, служивших водоразделом Моравы и Вага, и лишь с начала XIII века установилась по Мораве. Расселение же Угрией печенежских (и берендейских) отрядов в Словакии относится к древнейшему периоду колонизации мадьярами этой страны, то есть к первой половине XI столетия, когда укреплялись побережья Гроны, Нитры, Вага; в XII—XIII веках мадьяры использовали для своих колонизаторских целей уже новый тюркский элемент — половцев, и как раз только половцев мы и находим на новом угорском пограничье по реке Мораве. Таким образом, река Ваг, или, точнее, система этой реки, была тем крайним западным пределом, до которого дошло печенежско-берендейское расселение в Словакии. За пределами Угрии, в Мора-

* См., например, грамоты короля Иштвана V от 1272 и 1279 годов. О том, что в этих стрелках надо видеть печенегов, пишет В. Халоупецкий.

вии, то есть на восточном пограничье Чешского королевства, мы уже этих тюрков не найдем. Туда, очевидно, не докатилась волна тюркского рассеяния, и чешские короли когда являлась у них потребность в легкой тюркской коннице, просили прислать ее угорских королей.

Большая группа печенежских поселений на северном угорском пограничье находилась по течению реки Сланы (*мадьяр.* Шайо) и в районе предгорий Матры и Буковых гор. Здесь самым северным печенежским поселением надо считать существующую до сих пор в долине реки Бадовы (*мадьяр.* Бадва), притоке Сланы, деревню Besenyölád (или Lád-Bessenyö). К северу от Мишкольца, близ устья Сланы, до сих пор есть деревни Sajó-Besenyö и Szigma-Besenyö. Между реками Сланой и Ягером (*мадьяр.* Эгер) уже в источнике, датируемом 1067 годом, упоминаются печенежские конники, печенежский колодезь, печенежские могилы. Восточнее, в Эгерском округе Хевешского комитата, была деревня Бешеньё, в 1278 году находившаяся во владении печенега по имени Текме, а после его смерти перешедшая к «великопеченежской» семье Тепель. В том же Эгерском округе, около Эгера, есть местность Vecsenek-földe (то есть «печенежская земля»).

Еще западнее, под Матрой, печенежские поселения группировались у рек Задьвы и Тарны, в области Хатвана. Аноним рассказывает, как еще князь Арпад (а по Фехеру — Токсон) отдал земли у Матры легендарным Эду и Эдемену, от которых происходил печенежской крови угорский король Самуил-Аба. Далее, к юго-западу, между Дунаем и Палгой, притоком Задьвы, у южных отрогов Новоградских гор также находим печенежские топонимы, которыми как бы связывались западнословацкие, придунайские печенежские поселения с матро-буковскими, образуя сплошную линию древнейшего угорского северного пограничья.

Вблизи восточного угорского пограничья мы также найдем печенежские поселения; часто они располагались в долинах горных рек, что как будто указывает на их сторожевое значение. Восточная граница Угрии в эпоху св. Иштвана шла по Самошу, захватывала западную часть Трансильвании, спустилась далее на юг к Тарду и под ним, пересекая долины

Аржаньоша и Мароша, упиралась в Трансильванские Альпы у Ольты.

Самое северное место поселения здесь печенегов — принадлежавшая Сент-Иобскому аббатству местность Бешеньё (Besenyő), расположенная по среднему течению реки Беретьё, притока Кёрёша. Южнее и восточнее, вверх по течению Мароша, мы находим еще немало печенежских топонимов; еще южнее, у реки Караш, было некогда селение Kövespataka, владельцем которого был печенег Иоанн, начальник Эршомльской крепости; это как будто свидетельствует в пользу того, что печенеги имели здесь свои владения; наконец, в самых Трансильванских Альпах существовало поселение Печенечка (Pecsenecska), теперь Csernabesenyő.

В Трансильвании, присоединенной к Угрии лишь в течение XI века, также есть следы печенежских поселений. Однако возможно, что эти поселения возникли здесь не как результат колонизационной деятельности угорского государства, а еще до нее, по мере постепенного проникновения печенегов в Трансильванию в X—XI веках. Древнейшее упоминание здесь печенегов относится к 1224 году, когда их уравнила в привилегиях с саксонцами грамота короля Андрея II.

На южном, византийском, пограничье Угрии есть следы печенежских поселений между реками Савой и Дравой. Вероятно, что поселения печенегов, расположенные на левом берегу Дравы и по Дунаю, защищали Угрию от вторжений с юга, пока ее граница еще не перешла за Драву. На это указывает как будто и древность свидетельств об этих печенежских поселениях, восходящих, вероятно, к началу XI века. Первый связанный с печенегами топоним встречаем уже в грамоте 1093 года. Грамота короля Белы IV говорит о владениях, некогда принадлежавших печенегам, около Могача на Дунае; эти владения в 1238 году передавались крестоносцам, причем жившие на этой земле печенеги должны были с этого времени подчиняться новым владельцам. Вероятно, от этих печенегов получила название целая область Орман (или Урман); «орман» по-тюркски — лес. Выше по Дунаю также есть печенежские топонимы; печенежское население

в этой местности появилось, как кажется, во времена св. Владислава (1077—1095), если не раньше. Следы печенегов мы находим также на притоках Дравы и у озера Балатон.

Значительно меньше находим в Угрии следов торкского рассеяния. С большей или меньшей уверенностью можно сказать лишь то, что все известные нам следы торков находятся на северном угорском пограничье (за исключением одного — у реки Лайты) и никаких исторических свидетельств о проникновении торков в Угriu у нас нет. Поэтому нам остается только на основании имеющегося в нашем распоряжении материала по топографической номенклатуре предположить, что торки, в очень небольшом количестве в эпоху разгрома племени, то есть в середине XI столетия, через Карпаты и долиной Тисы проникли в Угriu и затем были здесь расселены мадьярами в качестве сторожевых постов на путях из Руси, Польши и Чехии*.

Больше сохранилось следов о пребывании в Угрии берендеев**; прежде всего мы находим их в Словакии и на восточном пограничье. Судя по всему, берендеи проникали в Угriu через Южные Карпаты и поселялись главным образом на севере и востоке страны. В Словакии берендейские поселения находим между Вагом и Моравой (они входили, вероятно, в вагскую, а не моравскую сторожевую систему), в районе Мыйявы, где до сих пор существуют деревни Berencsbukócz (*словац.* Bukovec), Berencsróna (*словац.* Rovensko), Berencsváralja (*словац.* Podbranč). Неподдалеку от последней деревни некогда был замок Бранч (Berench); пер-

* Интересно отметить, что как в Словакии, так и в собственно мадьярской земле встречаем топонимы, которые начинаются с «Uz», то есть с византийского наименования торков: местности Uszfalva, Uzlar (два), Uzahazhegye, болото Uzh, деревни Ozlar, Uzman, поток Uzar; ряд местностей с тем же названием (Uzpatak, Uzon, Uzonka) находим и в Трансильвании. Кроме того, в угорских грамотах встречается и ряд лиц, носивших имя Uz.

** Небезынтересно отметить, что в Угрии, как и на Руси, было два варианта для названия этого племени: берендеи и берендичи, berend и berencs.

вое упоминание о нем относится к 1297 году; в 1401 году он стал королевским замком*.

На реке Нитре известно поселение *Berench*, упоминаемое в документе 1283 года**. Здесь же было еще три деревни того же имени — Большой и Малый Беренч (*Nagy-Berench*, *Kis-Berench*), упоминаемые в 1435 году, и Нижний Беренч (*Alsó-Berenes*), упоминаемый в 1287 году. Выше города Нитры была еще одна местность под этим же названием, известная с 1244 года. О древности же поселения нитранских берендеев можно судить по грамоте 1156 года, которая уже упоминает «в приходе Нитры» местность *Vrencsi*.

Если пойти далее, на восток, то топонимы, связанные с берендеями, можно обнаружить под Рудными горами, у истока одного из правых притоков Ипола и на одном из левых притоков этой реки, а также в районе Буковых гор, по реке Слане; затем еще восточнее, в углу, образуемом течением Тисы.

На восточной границе Угрии, по течению Самоша, существует до сих пор деревня *Berencze* (она же *Babosesty*); кажется, к ней относится упоминание в грамоте 1430 года. Далее

* Теперь этот замок в развалинах. Словацкие ученые, в том числе В. Халоупецкий, объясняли происхождение как упомянутого замка, так и остальных словацких местностей того же имени от славянского слова «*brana*» — ворота. В. Халоупецкий утверждал, что как замок *Бранч*, так и сходные с ним по названию местности указывают на присутствие ворот у сторожевых засек, и что таким образом мадьярское *Berend*, *Berencs* является лишь искажением славянского *Вранѣ*. Не имея возможности по некомпетентности обсуждать этот вопрос со стороны филологической, укажу лишь, что было бы в таком случае крайне затруднительно объяснить в районе реки Нитры такую скудность поселений с названием *Berencs*, если производить это слово от «*brana*», когда сам Халоупецкий, в силу причин стратегических и пошлинных, сводит количество таких ворот до минимума. Наконец, есть прямые указания на связь названия Беренд с тюркским родовым именем Каранч (*Karancs*) Д. Немет говорит о несомненном тюркизме собственного имени *Berénu*, сопоставляя его с каракиргизским именем Беш-Берен, на которое также указывал и Н. Аристов, сближавший его с именем летописных берендеев.

** Интересно, что владение Беренч продается некоему Батуру, безусловно тюрку, судя по имени.

была деревня Berend, упоминаемая в 1463 году, а поблизости от нее Berendmezö (mezo — *мадьяр.* поле), упоминаемое в 1490 году, — в этой местности ныне стоит деревня Berencze (Berenczét). Следует вспомнить также расположенные к востоку и юго-западу от них деревни Berendest (или Berenfalva), еще одну Berend, Berendia, Berendefalva, о которых говорят документы XV века.

Следы берендеев мы находим и на юге Угрии, вблизи придравских печенежских поселений (в 1347—1493 годах здесь было поселение Berench), и на западе, близ самой границы (поселение Berend, упоминаемое между 1332 и 1513 годом). О последней местности есть прямое свидетельство, что она в 1513 году принадлежала дворянам Балажу и Петру Берендеям; теперь это селение называется Börgönd. Жили берендеи и несколько севернее озера Балатон, по соседству с печенежским поселением Bessenyo-majog, свидетельством чему является местность Berend, о которой сохранилось упоминание, датированное 1256 годом.

Для полноты картины этнографической пестроты угорских приграничных областей до татарского нашествия добавим, что мы находим здесь не только печенегов, торков и берендеев, но еще и половцев, русских, сиколов, германцев.

Половцы как поселенцы впервые упоминаются в Угрии в 1232 году, под Матрой. То обстоятельство, что древнейшие половецкие поселения находим в Северной Угрии, и притом название половцев встречается не в обычной для мадьяр со второй половины XIII века форме «куны» или «куманы», а в форме «палоц» (palócz), приводит к заключению, что первые половецкие поселенцы Угрии пришли через Русь и стали известны мадьярам в русском их названии*. Проникновение половцев в Угрию совершилось в первой половине XII века, а может быть, и еще раньше, на границе XI и XII веков. Больше всего их было под Матранскими горами, но также осели они

* Я. Мелих (Янош Мелих; 1872—1963 — венгерский лингвист, профессор, член Венгерской АН. — *Прим. ред.*) считает, что переход слова «половец» в «palócz» мог совершиться лишь через промежуточное звено — словацкое «plavec».

и в других местах словацкого пограничья Угрии. В 1132 году половецкий отряд уже встречается в чешском войске; как справедливо считают чешские историки, он был предоставлен чехам мадьярами.

Следы поселения русских находим на всех пограничьях Угрии: и на северном, вблизи Матры, где находились «палоци»*, и на западном, в Мошонском комитате, по соседству с печенегами**, и на восточном, недалеко от живших там берендеев*** и, наконец, на южном, у Дравы****. Как убедительно показал в своей работе «Древнейшие грамоты по истории карпато-русской церкви и иерархии» А. Л. Петров, эти русские были именно поселенцами, военными колонистами — из пленных или из переселенцев, а не аборигены или выходцы из Подкарпатья, которое в XI—XII веках еще было «ничьей» и почти безлюдной землей.

Кроме уже перечисленных по- или приграничных тюркских поселений существовал в Угрии и целый ряд печенежских

* Мадьярский историк Миклош Иштванфи (1535—1615) сообщает о поражении русских при короле Коломане (1095—1116) и расселения пленных по Угрии, что не подтверждается ни мадьярскими, ни русскими источниками. Тем не менее вероятность этого можно допустить, зная, что русские не раз в конце XI — начале XII столетия совершали походы на Польшу и Угрию вместе с половцами. Не были ли подматранские палоци вообще поселены вместе с этими русскими, откуда было бы вполне ясно и русское наименование этих половцев?

** А. Л. Петров (Алексей Леонидович Петров; 1859—1932 — славист, лингвист, историк, профессор Петербургского университета; в 1922 году эмигрировал в Чехословакию. — *Прим. ред.*) высказывал предположение, не относится ли поселение здесь русских к половине XI века в связи с браком короля Андрея (1046—1061) на дочери Ярослава Мудрого.

*** В 1217 году в районе Сатмара упоминается замок Kraszna (Красный) с русскими свободными военными поселенцами.

**** О присутствии русских здесь говорится в грамоте 1267 года. Не берусь судить — связано ли возникновение их поселения с приходом в 40-х годах XIII века из Руси князя Ростислава, сына Михаила Черниговского, ставшего зятем короля Белы IV и баном Славонии, или же это поселение более раннего происхождения.

и несколько берендейских поселений (о торкских сведений нет) внутри страны. Их было несколько групп: фейерварско-тольнская или шарвизская, кемейская, западно-кёрёшская и чанадская (аранкская).

Самой большой из этих внутренних групп, да, пожалуй, и самой большой из всех угорских печенежских групп вообще, была фейерварско-тольнская, расположенная между Дунаем и озером Балатон. Эти печенеги защищали столицу Угрии при Арпадах Секеш-Фейервар (Székes-Fejérvár); они были расположены к югу от города, подобно тому как главная масса черных клобуков защищала с юга подступы к Киеву со стороны степей. Я. Ерней⁷¹ называет этих печенегов — «большой военной группой». Вокруг основного ядра шарвизских поселений на более или менее близком расстоянии от него (от 20 до 60 километров) находилось некоторое количество печенежских деревень.

О большом количестве шарвизских печенегов свидетельствуют как грамоты, прямо их упоминающие в этих местах, так и многочисленные топонимы, имеющие печенежское происхождение. Целый ряд грамот говорит о предоставлении угорскими королями шарвизским печенегам различных льгот по самоуправлению: об освобождении их от пошлин, даровании им дворянства и т. д.

Второй большой внутренней группой печенегов в Угрии была кемейская, расположенная по левому берегу Тисы. Здесь, по-видимому, еще в X веке был расселен, как уже говорилось, целый печенежский род чобан, пришедший со своим ханом Тонузобой. Печенеги заняли огромное пространство в Притисье, оставив о себе здесь память во множестве названий. Большое количество грамот в течение всего Средневековья будет свидетельствовать о владениях здесь потомков этих печенегов.

Лишь очень немногочисленные свидетельства находим еще об одной, некогда большой группе внутренних печенегов, поселившихся по нижнему течению реки Кёрёш. Память о них сохранилась лишь в названиях нескольких деревень.

Наконец, четвертая внутренняя группа — чанадская. Эти печенеги жили по реке Аранке, левом притоке Тисы. Самое древнее упоминание о них связано с деревней Bessenta

(Besseneu), известной с 1230 года, и Nagy-Besenyö (с 1232 года). Королевская грамота от 1309 года, перечисляющая большинство аранкских поселений печенегов, сохранила нам указание и на несение ими государственной (очевидно, военной) службы.

Возникновение кёрёшской и чанадской групп надо, вероятно, относить к тому времени, когда печенеги еще в X веке начали проникать через Карпаты в Паннонию и оседать по течению рек Кёрёша и Мароша.

Внутри Угрии, в районе шарвизских поселений печенегов, находим также следы поселений берендеев. Известны топонимы Berencz, Berend, Berenthe и семьи Berencze, Berentei; кроме того, грамоты сохранили большое число имен берендейского происхождения*.

Очевидно, что поселений печенегов, торков и берендеев в Угрии было в X—XII веках значительно больше, чем нам известно ныне; о многих из них не сохранилось никаких сведений. Кроме того, поселения этих трех тюркских народностей не всегда обозначались их названиями (Бешеньё, Беренч, Торч), а часто именами отдельных родов, семей и даже отдельных лиц; отсюда неясности в отношении несомненно тюркских поселений, сведения о которых начинают встречаться лишь с XIV и следующих столетий, но о которых почти наверняка можно сказать, что они возникли значительно раньше. Мы не знаем, кому они принадлежали — печенегам, торкам и берендеям или же позже явившимся и оседавшим иногда на тех же самых местах половцам, чей язык, по-видимому, был очень схож с языком их тюркских собратьев.

Что касается появления этих тюркских поселений на территории Угрии, то оно, по-видимому, было двояким. Такие группы, как кемейская, кёрёшская и, может быть, аранкская, возникли вследствие прихода в эти места большого количества печенегов, просочившихся через Южные и Северные Карпаты, мадьярами и оставленных ими здесь на вечные времена. Постепенно эти поселенцы были превращены Угрией в послушную служилую массу.

* Интересно упоминание в одной грамоте 1409 года вместе берендея и печенега как местных землевладельцев.

Другая же часть тюркских поселений в Угрии возникла в результате инициативы самого угорского государства, их жители, вероятно, состояли главным образом из бывших пленных, которые расселялись мадьярами согласно своим стратегическим интересам. Так, скорее всего, появились северные (словацкие), западные (лайто-рабские и дравские) и южные (придунайские) пограничные поселения, а также поселения шарвизской (фейерварско-тольнской) группы.

Особенно наглядна принудительность расселения тюрков в Словакии — в стране, которая по своим географическим условиям не могла быть местом добровольного пристанища для кочевника: гористость и лесистость Западной Словакии, с одной стороны, и болота по течению рек, с другой, — совершенно не подходящие условия для кочевого хозяйства. Но именно здесь, у словацких рек и в глухих лесных областях, мы находим поселения-посты печенегов и берендеев.

III

Рассмотрим теперь немногочисленные свидетельства мадьярских источников о той роли, какую играли в Угрии тюркские поселенцы. В отличие от русских летописей, угорские хроники сохранили память лишь об одних печенегах и ничего не говорят о берендеях и торках, которых было в Угрии, по-видимому, относительно немного.

Огромный наплыв вооруженных тюрков, поселение их большими группами в разных местах Угрии, близость печенежской родовой аристократии к Арпадовичам и даже занятие одним из ее представителей угорского престола, предоставление печенегам укрепленных местностей и постройка ими новых укреплений — все это должно было иметь в X—XI веках для создающейся угорской государственности немаловажное значение, быть может, даже большее, чем печенежско-торкский наплыв на Русь в эпоху Святополка II и Владимира Мономаха (первая четверть XI века).

Позже, в XII—XIII веках, с укреплением угорской государственности и с подчинением ей расселенных тюрков, управлявшихся до того своими ханами, с одной стороны, и с посте-

пенным уменьшением количества этих тюркских поселенцев и омадьяриванием ханских родов, с другой, — значение тюрков постепенно начало уменьшаться, и в конце концов они сделались всего лишь вспомогательной военной силой.

Некоторой реминисценцией значения печенегов является царствование Иштвана II (1116—1131), ярого, по Туроцу, печенегофила; заходившего в своих симпатиях к этому народу так далеко, что был готов за одного убитого печенега казнить десять мадьяр. При этом короле печенеги — народ, который «привык к преступлениям», по выражению летописца, — во главе с ханом Татаром, только что спасшимся от меча византийского императора и нашедшим приют в Угрии, — особенно неистовствовали и угнетали мадьяр. По-видимому, возвышение печенегов при угорском дворе окончилось сразу со смертью Иштвана, по крайней мере, позже мы больше о них здесь почти не слышим.

С конца XIII столетия сведения о печенежской народности в Угрии сводятся к известиям лишь о нескольких наиболее плотных группах их поселений внутри государства. Но в XV веке прекращаются упоминания и об этих печенегах. Упадку печенежских поселений, вероятно, способствовало татарское нашествие.

Как пограничные, так и поселенные внутри государства печенеги обязаны были нести конную военную службу; они составляли легкую конницу угорского государства, в большинстве случаев употребляемую в виде передовых разведывательных или стрелковых отрядов*. Не сохранилось никаких сведений о службе печенегов в доиштвановское время, как и во время самого Иштвана I. Первое свидетельство о печенегах в мадьярском войске относится к 1052 году. Мадьяры в этом году вели на лайтенском пограничье войну с герман-

* О быстрых лошадях печенегов см. у Бонфиния (Антонио Бонфиний; ум. 1502 — итальянец, по приглашению венгерского короля Матьяша Корвина написал «Историю Венгрии», которую довел до 1495 года. — *Прим. ред.*) и в грамоте о катайских спикюляторах 1339 года. Не идущие в поход печенеги должны были платить налог соответственно количеству своих лошадей (грамота палатина Дьюлы арпашским печенегам 1222 года).

ским императором Генрихом III. Во время этой войны и выступают печенеги впервые как военная сила — причем выступают, заметим, со всеми характерными приемами азиатской ловкости и лихости. Вместе с мадьярами они по ночам подкрадывались к лагерю германского императора и арканами похищали часовых, а днем — донимали германцев отравленными стрелами.

Еще более типично поведение печенегов в 1074 году, на том же лайтенском пограничье. Когда изгнанный из Угрии Гезой прежний король Соломон с немецкой помощью подступил к угорской границе, печенеги спешат использовать в своих интересах ту роль, которая выпала им в этой междоусобной войне, и заявляют Гезе, что готовы защищать шопронское пограничье и не пропустят Соломона, но при условии, если король даст им «свободу», то есть привилегии. Геза обещал им это, и печенеги во главе с ханом Солтаном стали воевать; правда, несмотря на то, что германцы, «испугавшись страшного вида» их, не помогли Соломону, он один, собственными силами, разбил печенегов; большая часть их погибла в озере Фертё, и лишь немногие, в том числе хан Солтан, спаслись бегством. Печенеги своим поведением в данном случае очень напоминают своих собратьев — киевских черных клобуков, не раз заявлявших какому-либо князю во время междоусобных войн за Киев: «...аже ны хоцещи любити... и по городу ны даси по лепшему, то мы на том отступим...»

В 1116 году мы находим печенегов вместе с таинственными сикулами в войске, сопровождавшем Иштвана II при его свидании с чешским королем Владиславом. Встреча происходила на границе обоих королевств у реки Ольшавы, и целью ее было закрепление мира между двумя государями; однако случай превратил эту встречу в кровопролитное сражение. Король Владислав, увидев, что войско Иштвана строится в боевой порядок, решил предупредить мадьяр и сам напал на них, но был отбит, а печенеги и сикулы были пущены вслед убегающим. Однако чехи, в свою очередь, отбросили печенегов и сикулов, и те, бросившись бежать, увлекли с собой и остальных. Свидание королей неожиданно превратилось в страшное поражение угорского войска. Упомянутые

здесь печенеги входили, вероятно, в ту пограничную стражу, которой, как мы видели, было так много в этих местах.

В 1146 году печенеги, будучи в войске короля Гезы II, участвовали в его войне с австрийским герцогом Генрихом Язомирготом. В области реки Лайты и крепости Мошон, где происходили стычки, они вместе с сикулами составляли передовой конный отряд лучников. Здесь прямо говорится, что это были лайтенские пограничники. В удачном для мадьяр сражении печенеги, однако, в самом начале битвы были разбиты германцами и, по одним источникам, почти все погибли вместе со своими двумя «графами», по другим — спаслись бегством.

В 1150 году печенеги вместе с халезами* составляли вспомогательное войско мадьяр у сербов в их войне с Византией.

Больше мы не встречаем прямых упоминаний о печенежских отрядах в Угрии**. Можно только предполагать, что они подразумеваются в описании событий 1162 года, когда король Иштван IV после неудачной борьбы с племянником Иштваном вынужден был бежать в Грецию: по одному из сообщений, он бежал лишь после того, как ему изменили бывшие с ним «язычники»***.

К сожалению, наши сведения об участии печенегов в угорском войске столь немногочисленны и сами по себе столь кратки и отрывочны, что по ним крайне трудно составить представление о значении печенегов в угорском военном деле.

* На службе у угорских королей с конца XI века был отряд мусульман-хорезмийцев из города Кализии; эти тюрки сначала бежали с арабской военной службы в Византию, а уже из Византии попали в Угрию.

** Я. Ерней относил последнее упоминание о печенежских отрядах в Угрии к 1260 году. Эти отряды, по его мнению, были участниками Крессенбрунской битвы, где сошлись армии Белы IV и Отокара II Чешского. О печенегах якобы упоминается в письме Отокара Папе Римскому. Однако Ерней из *bezzermiyorum* сделал *bezzenniyorum*, то есть печенегов, тогда как это было общее название мусульман — вероятно, хорезмийцев.

*** Заметим, что несчастная для Иштвана IV битва произошла вблизи Секеш-Фейервара, где как раз более всего было поселено печенегов.

На большинстве угорских границ печенежские поселения были лишь вкраплены в систему угорской обороны. На границах тюрки могли нести лишь сторожевую службу, опираясь на засеки и крепости, — может быть, подобно тому, как несли такую сторожевую службу их собратья у галицких, волинских или переяславских князей на Руси. Правда, на мошоно-шопронском пограничье или по Шарвицу, под Секеш-Фейерваром, количество тюрков было уже столь значительно, что здесь они представляли серьезную силу, наподобие киевских черных клобуков, способных самостоятельно оборонять пограничье или подступы к столице. Остальные внутренние печенежские группы — такие, как аранкская или кемейская, вероятно лишь поставляли в угорское войско легкую конницу. О количественном соотношении собственно мадьярского и печенежского элемента в угорском войске у нас нет данных; можно только с уверенностью сказать, что в XII—XIII веках тюрков в Угрии было сравнительно много меньше, чем в современной ей Руси, где черноклобуцкий элемент бывал даже численно преобладающим в сравнении с русскими княжескими дружинами.

Как бы то ни было, чрезвычайно подвижное печенежское войско, как и отряды половцев и хорезмийцев, пользовалось известностью в средневековой Европе; угорские короли не раз посылали тюрков далеко за пределы своего королевства на помощь своим союзникам. К сожалению, хронисты обозначают тюркские отряды не по народностям, а общим термином «стрельцы», и нет возможности поэтому понять, кто именно из угорских тюрков посылался в том или другом случае*.

Печенеги приходили в Угрию со своими ханами — «дуками» (*duci*) в латинской терминологии; со второй половины X века эти ханы приобрели очень большое значение**; им отдавались в управление укрепленные городки, а, например,

* Об отрядах, посланных в 1132 году в Италию с германским императором Конрадом II и в 1203 году в Тюрингию с королем Отокар I Чешским, известно, что они состояли из половцев.

** Таковы были Аба, Пота, Томай, Кемей, Ботонд, Кульпун и другие, упоминаемые Анонимом; на их печенежское происхождение указал Г. Фехер.

«дук» Пота сам построил крепость под Матрой. Эти ханы роднились с Арпадовичами — с князем Токсоном и с королем Иштваном, и в силу такого родства печенежский хан Самуил-Аба занимал угорский престол в 1041—1047 годах. Память об этих ханах, пришедших в Угрию еще язычниками, сохранялась долго; она еще была жива во времена Анонима, писавшего в конце XII — начале XIII века.

С ростом и укреплением угорской государственности эти тюркские ханские роды, управлявшие печенегами, постепенно заменялись представителями угорской королевской власти. Эти должностные лица так и именовались «*et comes Bissenorum*» — «граф печенегов». Палатин Дьюла, правитель Шопрона, которому были подчинены арпашские печенеги, жившие в восточной части Шопронского комитата, дал им в 1222 году грамоту, определявшую их военные обязанности. Из этой грамоты мы видим, что, будучи под властью палатина, печенеги непосредственно управлялись «графами» и судьями, которые были, по-видимому, большей частью печенегами* — вероятно, родовыми старшинами. Они не только управляли и судили, но и водили печенегов в походы; впрочем, по грамоте 1222 года «граф» арпашских печенегов обязан был идти лишь в первый поход после своего вступления в должность.

Очевидно, право иметь своих судей и родовых старшин, разбиравших их внутренние дела, выступление на войну своими отдельными отрядами, а также освобождение от каких бы то ни было поштин с тех земель, кои им принадлежали как государевым людям, и составляли те свободы и привилегии, о которых так часто упоминают мажарские грамоты.

Однако и эта — впрочем, ограниченная — самостоятельность не спасла печенегов от сравнительно быстрого омаджаривания. Там, где печенеги жили более рассеянно, небольшими пограничными отрядами, а главное, где они не могли по условиям местности продолжать свой полукочевой образ

* Примером такого «*comes Byssenorum*» бесспорно печенежского происхождения может служить печенег Григорий, имевший также звание магистра. «*Magister Gregorius Byssenus, comes Byssenorum*» — так он упоминается в 1351 году.

жизни, заниматься скотоводством и коневодством, а при-
нуждены были оседать на земле или по городам, — там их де-
национализация происходила быстрее.

В Словакии, стране по преимуществу лесной и гористой, где не было простора, необходимого для кочевого хозяйства, этот процесс начался рано. Уже в 1075 году встречаем здесь печенегов-земледельцев; из грамот же 1218—1229 годов узнаем, что у печенегов в Шомодьском комитате были виноградники. Примером ославянивания тюрков в Словакии может служить эволюция личных имен кочевников, поселенных на реке Житаве; если судить по грамоте, датируемой около 1165 года, у них еще тюркские имена, но согласно грамоте от 1247 года имена изменились уже в большинстве на славянские.

Христианизация печенегов также означала утрату ими тюркской самобытности. Пришли печенеги в Угriu язычниками; в этом качестве они известны и в первое время своего пребывания в Угрии*. Но уже в Варадском регестре, относящемся к первой половине XIII века, мы встречаем в районе Бигара «церковь печенегов» и «аббатство печенегов».

Устойчивее всего печенежский элемент держался в местах наибольшей скученности печенегов — в трех больших группах их поселений в Угрии: шарвизской, чанадской (аранкской) и на шопроно-мошонском пограничье. Равнинная местность по рекам Лайте, Рабе, Шарвизу и Аранке способствовала ведению здесь полукочевого хозяйства**. Еще в XIV веке в шарвизской группе поселений будут встречаться «графы» из печенегов***, управлявшие своими же собратьями, а права чанадских печенегов, живших по реке Аранке, еще в 1369—1405 годах

* Таков, например, полулегендарный хан Кетель, о котором Аноним пишет, что он и его сын похоронены в языческой могиле. А хан Тонузоба, благополучно проживший в Угрии долгое время во главе своей орды, был, по рассказу того же Анонима, в правление Иштвана I Святого заживо похоронен за отказ принять христианство.

** Косвенным указанием на занятия скотоводством и коневодством печенегов этого пограничья является декрет короля Владислава (1077—1095) о запрещении пограничной страже и ее «графам» продавать лошадей и быков за границу, что, очевидно, практиковалось.

*** Например, упомянутый уже Magister Gregorius Byssenus, comes Byssenorum.

будут подтверждаться грамотами угорских королей*. На лайтенском пограничье грамота 1339 года рисует спикуюторов крепости Ката характерными чертами кочевников — как кавалеристов, разъезжающих на быстрых своих конях и держащихся своим родом. Еще ярче обрисовал печенегов этой поздней поры Бонфиний, писавший в конце XV века: «...их обычаем является: пользоваться копьями, носить длинные бороды, длинные усы, носить шапки со шлыком и одеваться по персидскому образцу в развевающиеся шелковые одежды». К концу XV века таких печенегов сохранилось, вероятно, уже немного: это последнее такое известие о них.

Потомки ханов и более мелкая родовая печенежская аристократия, известная в угорских грамотах как *comes* и *nobiles bissepotum* (являющихся полной аналогией «лепшим мужам» черных клобуков Киевской Руси), проникали на различные государственные и придворные должности Угрии, достигая иногда очень высокого положения. Отдельные печенеги проникали к угорскому двору. Около 1225 года упоминается Аба Бешеньё (очевидно, из рода кемейских Абаев), который был вассалом короля Андрея II, в 1381 году Матфей, а в 1386 году Иштван — печенеги, бывшие придворными королевы Марии. Кроме того, существовало огромное количество родов (Абы, Чабаи и многие другие), ведших свое происхождение от печенегов.

IV

Переходя к обзору расселения печенегов, торков и берендеев на Руси, надо прежде всего отметить различие источников наших сведений об этих народах для Угрии и Руси. О посе-

* Я. Ерней считал, что эти печенежские поселения были уничтожены турками. Еще в 1435 году слышим о благородных печенегах, которые исключались из-под ведения судей, — их судил сам король. Однако, по-видимому, денационализироваться аранкские печенеги начали еще до турецких разорений: дворяне местности Надь-Бешеньё в 1405 году упоминаются в королевской грамоте с указанием их печенежской принадлежности, а в грамоте 1495 года они названы уже просто дворянами.

ленных в Угрии тюрках узнаем главным образом из грамот, особенно многочисленных со времени короля Андрея II (1205—1235). По этим грамотам мы восстанавливаем картину расселения тюркских племен по Угрии и несравненно меньше сведений почерпаем из хроник. На Руси частно-правовая жизнь еще не достигла в XI—XIII веках той фиксации, какую знала Угория, у нас нет грамот, позволяющих проследить расселение тюрков; зато полны упоминаний о черных клобуках, как звали здесь этих поселенцев русские летописи, и главным образом Киевская, которая раскрывает нам не столько географическое расселение, сколько политическое значение печенегов, торков и берендеев в жизни Киевской Руси.

Если начать обзор черноклобуцких поселений на Руси с запада, то первым пограничным с Угрией русским княжеством будет Галицкое. Подобно тому как в Угрии, в северо-восточных ее пределах, на путях из Галиции, встречаем печенежские, торкские и берендейские поселения, так и на Руси, в Галиции, на западном ее пограничье, для защиты со стороны Угрии сидели расселенные Русью те же печенеги, торки и берендеи. В летописи есть только одно указание на существование в Галицком княжестве черных клобуков — от 1097 года. Слепленный теребовльский князь Василько* говорит о планах идти «на землю Лядскую», но это, однако, может осуществиться лишь в том случае, если придут к нему «берендичи, и печенези, и торци». Из этих слов Василька видно, что черные клобуки находились где-то далеко от него, очевидно у южных окраин Галиции. Что это были поселенцы на русском пограничье, а не степные тюрки, явствует из дальнейшего летописного текста. Василько «хотя проситися у Святополка и у Володимера на половце, и поиду, рех, на половце, да любо налезу собе славу, любо главу свою сложю за Русьскую землю», — то есть он собирался, по-видимому, после похода на Польшу идти с теми же берендеями, печенегами и торками на половцев. На верховьях Прута, у Коломыи, в прежнем галицком Понизии до сих пор существует деревня Печенежин. Может быть, в этом можно видеть сле-

* Теребовльское княжество находилось на юго-восточной окраине Галицкой Руси.

ды поселений тех черных клобуков, о которых говорил тербовольский князь.

А в районе Перемышля есть деревни Берендевичи и Торки; такое расположение некогда тюркских поселений указывает на стремление галицких князей иметь наготове военные отряды против Угрии в случае вторжения мадьяр через ближайшие Лупковский или Ужокский перевалы. Юго-восточнее, на верховье Днестра, в десяти километрах на запад от города Самбора есть деревня Торчиновичи, расположенная у выхода в днестровскую долину из Карпат, если переходить их Верецким перевалом; может быть, это торкское поселение и стояло здесь для защиты этого пути из Угрии. Также и упомянутый нами Печенежин у Коломыи мог быть заслоном как на пути из степей, так и со стороны Яблоницкого перевала через Карпаты.

На пограничье с Волынью, около Звенигорода, находится так называемая «могила Печенеги» — это, вероятно, память о бывшем здесь тюркском поселении, которое могло иметь важное значение, так как было расположено на пути из Киева в Угрию и прикрывало путь со стороны Волыни к внутренним областям Галиции. Недалеко отсюда, в соседнем Перемышлянском округе, существует поселение Печенея.

Переходя затем к Волынскому княжеству, мы прежде всего находим след черноклобуцкого поселения на пути из Галиции к столице княжества — Владимиру-Волынскому, на южных подступах к нему у Буга, — там до сих пор есть деревня Торки. Далее известные нам следы черных клобуков находятся почти на прямой линии от Владимира-Волынского на восток, указывая нам на последовательные заслоны, устроенные из этих поселенцев друг против друга Волынью и Киевом*.

* Очень возможно, что эти тюркские поселения Волыни, приграничные с Киевским княжеством, были основаны в эпоху княжения в Погорине (восточной части Волыни) в 80-х годах XI столетия Давида Игоревича. Ни перед тем — в 60–70-х годах, в эпоху первого расселения торков на Руси, ни после 80-х годов вряд ли была необходимость в подобных заслонах, так как тогда в Погорине сидели князья, находившиеся в прямой зависимости от Киева, чего никак нельзя сказать про энергичную личность князя Давида Игоревича. Среди его приближенных были торки.

Так, приблизительно на полпути между Владимиром и Луцком, в самом центре Волынского княжества, находился город Торчев, известный в летописи с 1231 года. Дальше на восток, уже на пограничье с Киевским княжеством, в шести километрах к юго-западу от Дорогобужа, существовало еще одно торкское поселение, о чем свидетельствует современное местечко Торчин.

В соседнем, Киевском княжестве, все на том же пути с запада на восток, встречаем деревню Торчицы в районе древнего Корческа (совр. Корец), а еще западнее — деревня Торчин; здесь же есть и речка Торчанка (= Турчанка), приток Уши*.

Но, кроме этих северных черноклобуцких поселений на пути из Волыни в Киев, существовали и южные отдельные поселения, которые, впрочем, могли как защищать границу с Волынью, так и служить заслонами от степных кочевников. Таково, вероятно, было значение поселения торков на реке Сниводы, левом притоке Буга, где теперь находится селение Торчин.

Еще южнее, на речке Шпаковке, правом притоке Буга, на запад от Брацлава, там, где М. Грушевский проводит приблизительную границу между Галицким Понизьем и киевскими владениями, существует до сих пор деревня Торков, свидетельствующая о поселении торков на крайнем юго-западе Киевского княжества. Впрочем, ввиду полной неясности здесь границ, это торкское поселение могло находиться и во владении галицких князей.

Но центр черноклобуцких поселений Киевского княжества был еще западнее, в степном пространстве, ограниченном с запада речкой Гуйвой, притоком Тетерева и верховьем Десны при впадении ее в Буг, а с востока — течением Днепра. Северная же и южная границы черноклобуцких поселений менялись здесь в зависимости от ситуации в степи.

* П. Голубовский ошибочно считал, что черноклобуцкие поселения Киевского княжества не простирались так далеко на запад и не переходили реки Гуйвы. Впрочем, и М. Грушевский, описывая черноклобуцкие поселения Киевского княжества, ограничивается лишь Поросьем, ничего не говоря о таких же поселениях на киево-волыньском пограничье.

После Владимира Святого, которому приходилось огораживаться от печенегов еще под самым Киевом — на Стугне, Ирпени и Трубеже, Русь начинает снова продвигаться на юг. Ко времени первых печенежско-торкских поселений в Киевском княжестве (60—80-е годы XI столетия) русские успели выдвинуться в степь до Роси, закрепляя за собой вновь отвоєванную область постройкой городов, валов и засек и заселяя ее пленными. Здесь были поселены и торки с печенегами. Но в страшные 90-е годы XI столетия, когда напор половцев достиг своей наивысшей силы, эта граница вновь сметается: сжигается в 1093 году Торческ, жители которого уводятся в плен, а в 1095 году оставляют свой город юрьевцы; половцы хозяйничают под самым Киевом. Граница Руси, отходит снова к Стугне.

И только с началом XII века, когда вновь начинается наступление Руси на степи и снова отстраивается Юрьев, а поредевшие черноклобуцкие поселения пополняются притоком новых поселенцев, выводимых из степей, — лишь с этого времени Русь уже не отступает от Роси; в конце же XII столетия русская граница, а с ней и пограничные черноклобуцкие поселения, продвинулись еще южнее, за Рось, к устью Тясмина (притока Днепра), к водоразделу Висьи и Тясмина, с одной стороны, и Роси — с другой, и к среднему течению Буга. Здесь, за Росью, следы торков сохранились в названии реки Торча, притока Тикича, Торческих взгорьях; где-то здесь находились черноклобуцкие городки Чурнаев, Кульдерев и Куниль (Такуниль). Впрочем, черноклобуцкие поселения южнее Роси все же были редки, так как даже и в конце XII века, когда как раз начинают встречаться указания на них, — и тогда половцы продолжают при своих набегах грабить главным образом Северное Поросье*.

Соответственно тому, как шла борьба со степью, изменялась и северная граница черноклобуцких поселений; самое северное из них — урочище Торч на Стугне, недалеко от Триполя; с начала XII века, с установлением южной границы по Роси, северную границу надо полагать по реке Красной (при-

* В 1193 году, например, половцы воюют «на оубережи» где они «поимаша торкы».

ток Днепра), верховьям Унавы (приток Ирпеня) и Каменки (приток Роси)*.

Центром же черноклобуцких поселений в Киевском княжестве с середины XII по середину XIII столетия оставалось течение реки Рось с ее левыми притоками. Здесь на Роси был уже не раз упомянутый город Торческ, центр и оплот черных клобуков Поросья**. Память о живших здесь тюрках сохранилась в названиях реки Торч (приток Роси) и деревни Торчицы на ней, реки Кагарлык (левый приток Росавы, впадающей в Рось) и селения Кагарлык на ней, деревни Карапыши, села Тептиевка на Роси и т. д. Из летописей мы знаем о шести берендейских городках («6 городов береньдиц»), расположенных где-то в центре Поросья, и также о том, что вежи берендеев находились на реке Руте, левом притоке Роси.

Археологические раскопки, ведшиеся здесь, обнаружили типичные кочевнические погребения (с конем), причем А. А. Спицын⁷² в статье, подводившей итог этим раскопкам, наметил три вида погребений***, что как раз соответствует трем главным тюркским группам, которые были поселены Русью в Поросье: печенегам, торкам и берендеям.

Что представляли собою черноклобуцкие городки? Это были, по-видимому, небольшие остроги, построенные русскими для защиты черных клобуков от степных половцев; в эти же городки черные клобуки «затворяли» свои семьи, когда уходили из Поросья внутрь Руси по призыву какого-нибудь

* Нельзя согласиться с Голубовским, считавшим, что на севере черноклобуцкие поселения во второй половине XII — второй половине XIII века простирались до Стугны.

** Местонахождение его спорно, как спорно и то, на том ли самом месте, где был Торческ, сожженный половцами в 1093 году, находился тот Торческ, который после этого начинает снова упоминаться с 1161 года. Одни этот город ищут на месте урочища Торч на Стугне, другие — в селе Торчицы на реке Торч, третьи полагают, что Торческов было несколько, и, наконец, четвертые, что он был где-то в центре Поросья, близ Роси, на левом ее берегу. Последнее мнение мне кажется более других ближе к истине.

*** Один вид погребений — без срубов, второй — в срубках, третий же характеризуется тем, что в отличие от двух предыдущих курганные насыпи в основании обкладывались камнями.

князя. Некоторые такие городки принадлежали отдельным черноклобуцким ханам и назывались их именами*.

Но кроме черноклобуцких городков в Поросье был целый ряд русских городов: Заруб, Иван, Канев, Родня, Товаров, Корсунь, Богуславль, Михайлов, Юрьев, Володарев, Растовец, Неятин, Мунарев, Дернов, Святославль. Порошане-русские противопоставляются летописью черным клобукам, и, когда летописец хочет сказать о всем населении этого края, он выражается так: «...все клобоуци и порошане». В Юрьеве находился епископ Поросья, носивший звание епископа Юрьевского и Каневского. Наконец, самый Торческ хотя и был главным оплотом черных клобуков Поросья, но, по-видимому, лишь в военное время; в мирное же — он представлял собой обычный русский город, где сидели русские князья или их наместники**.

* Таковы, например, упоминаемые летописью под 1190 годом городки «Кульдерев», «Чюрнаев».

** В 1174 году в Торческе видим князя Михаила Юрьевича, в 1188 году Романа Мстиславича, в 1190-х годах Ростислава Рюриковича, в начале XIII столетия — Мстислава Удалого. В 1231 году Торческ находился в держании детей Удалого. О наместниках княжеских есть упоминание под 1102 годом. Но мы ни разу не слышим об управлении этим городом каким-либо черноклобуцким ханом. Голубовский и Грушевский таковым считали Кунтувдею, которого летопись называет «торцьким князем», но это лишь указание на его принадлежность к торкскому племени; как раз в тот год, когда Кунтувдей так именуется в летописи, в Торческе сидел князь Ростислав Рюрикович; наконец, когда тому же Кунтувдею «Руское земле деля» дали в держание город, то это был Дернов. Торческ был, очевидно, слишком важным пунктом, чтобы давать его в управление черному клобуку. Что ни черные клобуки, ни их родовые старейшины не жили в Торческе, можно видеть из слов летописи под 1190 годом: «Тое же зимы сдумаша лепшии мужи в черных клобуцех и приехаша во Торцьский к Ростиславу Рюриковичю». Выражение же летописца «Поиде Мьстислав из Володимирия полком своим с Галичьскою помочью а Рюрик поиде ис Торцьского с Володимером с Андреевичем и с Василком с Гюргевичем и с берендеи и с куи и с торки и с печенеги и сняшас у Котелници со Мьстиславом» — только указывает на место выступления черных клобуков, а не на их проживание в Торческе. Другое известие летописи определенно противопоставляет Тор-

Но если Торческ находился, по-видимому, постоянно в управлении князей или их наместников, то это не всегда можно сказать про другие, более мелкие города Поросья, которые иногда отдавались в держание черноклобуцким ханам или черноклобуцкой родовой аристократии. О городе Дернове есть прямое свидетельство, что он был отдан в 1192 году в управление торкского хана Кунтувдея: «А Кунтувдея остави (князь Рюрик Киевский. — *Д. Р.*) у себе и да ему город на Рси Дверен Руское земле деля». А в 1159 году берендеи говорят князю Мстиславу: «...аже ны хочещи любити, якоже ны есть любил отец твой, и по городу ны даси по лепшему, то мы на том отступим от Изяслава» (противника Мстислава). И Мстислав нашел их предложение вполне для себя приемлемым: он «рад быв речи тои и посла к ним с тем же отроком тои же noci Олбыря Шерошевича и яса им по всю волю их и роте к ним ходи».

Исследователями считалась маловероятной возможность держания черноклобуцким языческим ханом собственно русского города*. Однако если помнить значение черных клобуков, их «лепших людей» и их ханов в Киевской Руси, вспомнить, насколько с ними считались даже самые сильные

ческ местопребыванию черных клобуков: «...а Андреевич еха к Торческому и к берендеем и к торком». †

* А. Голубовский предполагал поэтому существование городов со смешанным населением из русских и тюрков, где тюркский элемент преобладал над русским. Суд в таких городах, по его мнению, творили княжеские тиуны, а хану шли доходы. Но Грушевский сомневался в возможности такого явления: «Довольно трудно уяснить себе, в чем заключалось это держание; с одной стороны, кажется маловероятным, чтобы хану поручались города с населением или чисто русским, или смешанным (мне кажется даже маловероятным самый факт существования городов со смешанным населением). С другой стороны, если предположить, что ханы получали в держание городки, к которым тянуло исключительно черноклобуцкое население, то как согласить эту административную власть, получаемую от русского князя, с прирожденным достоинством хана и связанною с ним властью?» Нам кажется, что и нет необходимости предполагать существование городов со смешанным населением. Это могли быть и чисто русские города.

князья, то это не должно показаться невероятным. И позже, в XVI веке, мы видим, как русские города отдавались московскими государями в держание некрещеным татарским царевичам*.

Порошане, видимо, мирно уживались с черными клобуками, по крайней мере, летопись не упоминает о каких-либо столкновениях между ними.

Несмотря на то что поселения черных клобуков были защищены и русскими городами, и черноклобуцкими острогами, половцы не переставали нападать на клобуков в течение всего XII столетия. Правда, это уже были не опустошительные набеги конца XI — начала XII века. Половцы теперь норовили прокрасться «изгоном», но порой им все же удавалось основательно пограбить Поросье, проникая к самому Торческу и опустошая его окрестности.

Это надо объяснять не столько силой половцев, сколько примитивностью организации сторожевой службы; вероятно, не существовало никаких постоянных «сторожей» на киевском степном пограничье; по всему видно, что вся охрана пограничья заключалась лишь в факте кочевания черных клобуков в Поросье. Поэтому, когда они уходили отсюда принимать участие в междоусобицах Руси, Поросье оставалось совершенно не защищенным; именно поэтому клобуки были вынуждены, на случай нападения половцев, просто запирать свои семьи по острогам. В этом не было бы необходимости, если бы существовала регулярная сторожевая служба.

Но и при таком примитивном подходе к делу, страдая сама, черноклобуцкая колонизация все же предохраняла от половецких разорений окрестности Киева, задерживая половцев на своей территории; в этом и состоял, с точки зрения русских, смысл существования тюркских поселений в Поросье.

* «И того же месяца Сентяврия пожаловал князь велики Василей Иванович, государь самодержец всеа Руси, бывшего царя Казанскаго Шигалея, дал ему Коширу да Серпохов со всеми пошлинами, да и отпустил его с Москвы того же месяца 21» (под 1533 годом). См. еще пожалование казанскому царю Абдыл-Латифу города Юрьева «со всем» (под 1509 годом).

О количестве черноклобуцких отрядов в Киевском княжестве говорилось уже выше; в общем, в Поросье черных клобуков надо считать несколько десятков тысяч, а со всеми вежами, в которых у них были не только семьи, но и рабы*, — их было, вероятно, около сотни тысяч.

Управлялись черные клобуки Поросья своими ханами — «князьями», по терминологии русской летописи**, таковы Кунтувдей, Кульдер, Чюрнай; иногда знаем о каком-либо хане лишь по упоминанию его рода, таковы: «ичитеевичи», «чагровичи», «бастеева чадь»; кроме того, часто слышим о черноклобуцкой родовой аристократии.

Во все время существования Киевской Руси, то есть на протяжении XI — XIII столетий, черные клобуки Поросья остаются кочевниками, со своим своеобразным кочевым бытом и культурой — их вежи, стада, табуны на луговых степях Поросья упоминаются в летописи не раз; также они остаются и язычниками: «поганые» — частый эпитет в устах летописца в отношении черных клобуков. О язычестве свидетельствуют и их могилы в Поросье, в которых мы не находим следов христианства, но зато неизменно встречаем погребения с конем.

Отдельно надо сказать о пребывании черных клобуков в самом Киеве. В нем жили черноклобуцкие «лепшие мужи», там были расквартированы и целые отряды тюрков, состоявшие главным образом из берендеев***. Эта черноклобуцкая, в частности берендейская, аристократия играла немаловажную роль в сложной политической жизни Киева. Более часто соприкасаясь с русскими, живя среди них, эти тюрки более других подпадали под русское влияние; только среди берен-

* Это были главным образом пленные половцы; например, в 1162 году черные клобуки захватили в плен 500 половцев, а в 1193 году пленных половцев «не бе числа».

** Так летописцы называли и половецких ханов: «...бысть же князь их Искал» (под 1061 годом); «Осень умре Половечьский князь» (под 1082 годом).

*** Сведения о черных клобуках в Киеве собраны мной в работе «О роли черных клобуков в истории Древней Руси». Обратим еще раз внимание на соединение берендичей с киевлянами у летописца под 1149 годом: «Много зла бяше замыслыл (Ростислав), подмолвил на тя люди берендич и кианы».

дейских «лепших мужей» встречаем одного с именем Кузьма, свидетельствующим о его христианстве.

Переходя к обзору тюркских поселений на левой стороне Днепра, прежде всего скажем о той узкой, принадлежавшей Киевскому княжеству прибрежной полосе между Днепром и верховьями Корани и Альты, где в районе Сакова в 1142 году упоминаются печенеги, а в 1150 году — турпеи, в которых, по всей вероятности, надо видеть род печенегов*.

В Переяславском княжестве есть целый ряд свидетельств о поселении здесь торков. В самом Переяславле они упоминаются в 1095 году, когда здесь княжил Владимир Мономах; впрочем, эти торки могли быть из числа дружинников Владимира, а не переяславскими поселенцами. Несколько южнее Переяславля, у внутреннего вала, опоясывающего пространство на юг от столицы княжества, до сих пор существуют две деревни: Малая и Великая Каратуль (кара — черный, туль — шапка = Черный Клобук?) как, вероятно, память о черноклобуцких поселениях. То обстоятельство, что в 1055 году торки, впервые появившиеся на горизонте Руси, встречаются у Воиня, прижатые сюда шедшими за ними половцами, дало основание историку Переяславского княжества В. Ляскоронскому считать, что первые торкские поселения именно здесь и возникли. Торков поселили, по предположению Ляскоронского, между Воинем и Зарубом, по низовьям Сулы, Супоя и Трубежа, то есть на том участке, который был наиболее опасным из-за того, что именно здесь половцы особенно часто нападали во второй половине XI века. При Владимире Мономахе, кроме уже приведенного свидетельства, торки в Переяславском княжестве упоминаются, как уже говорилось, дважды: в 1080 году они восстали против Руси, и Владимир «шед, побил торки»; в 1096 году новая группа торков, род ичтитеевичей, пришли к Мономаху из степей, и князь встречал их на Суле. Ляскоронский предполагает, что эти торки были поселены на другом уязвимом месте переяславского Пограничья — у верховьев рек Ромны, Осетра и Удая, откуда по водоразделу шел путь и к Переяс-

* Об этом см. выше.

лавлю, и к Киеву. Здесь же, видимо, надо искать и город Баруч, в котором князь Ярополк в 1125 году укрыл торков при приближении половцев.

О черных клобуках в Черниговском княжестве у нас есть только одно летописное под 1185 годом упоминание о черниговских «коуи».

Около Новгорода-Северского существуют до сих пор местность Торкин и деревня Печенюги, но летописных известий о черных клобуках в здешних местах нет.

Еще скуднее наши сведения о Рязанском княжестве, где известен лишь один город Торческ, перечисляемый в списке русских городов в приложении к Воскресенской летописи*.

Но в отдаленной Суздальско-Ростовской земле находим относительно многочисленные свидетельства о некогда живших здесь черных клобуках — торках и берендеях. В летописи есть одно испорченное место, где говорится, что князь Юрий Суздальский прислал в 1146 году князю Святославу Новгород-Северскому в Колтеск «в помощь тысячу бренидьец** дружины Белозерское. Святослав же перебрал дружину хоте ехати с Белозерци на Двдовичю к Дедославлю...»; испорченное слово «бренидьец» понималось исследователями как «берендич»***. Но было бы все же несколько рискованно на

* В Никоновской летописи под 1136 годом есть такая запись: «Того же лета в Рязани убиша в загоне богатыря Печенежскаго Темирьхозю». П. Голубовский делал отсюда вывод, что «если верить Никоновской летописи, то печенеги служили князьям рязанским». Но из того, что в Рязанском княжестве убили печенега, еще нельзя делать вывода о существовании там печенежских поселений, тем более что очень возможно смешение этой поздней летописью печенегов с половцами. Ср. аналогичное известие под 1148 годом: «Того же лета в Рязани тысяцкий Константин многих половец поби в загоне».

** Буквы *дь* написаны по подскобленным буквам *ст*, следующее *е* переделано также из другой буквы, а над ним надписано, кажется, *о* (прим. к тексту Ипатьевской летописи, изд. второе, 1908 г. стб. 337–338).

*** Н. М. Карамзин, а за ним И. И. Срезневский (Измаил Иванович Срезневский; 1812–1880 — русский филолог-славист, этнограф, палеограф, академик Петербургской АН. — *Прим. ред.*) сближали это слово с «бронистец» — бронник, латник.

основании этого единственного и, в общем, испорченного летописного указания признавать существование тысячного берендейского отряда у суздальского князя, если бы ряд топографических данных не убеждал окончательно о действительно живших некогда в Суздальской Руси берендеях и торках.

Можно наметить три группы поселений этих тюрков. Первая — у верховьев Клязьмы и Истры, на середине пути между Москвой и Дмитровом, несколько западнее от этого пути; здесь издавна известна слобода Берендеева, которая в XIV веке входила в Дмитровское княжество. Эта слобода упоминается в завещании великого князя Дмитрия Ивановича Донского, составленном между 1377 и 1389 годом. Вторая группа — на северо-восток от первой, в районе озера Плещеева, где в пятнадцати километрах на юго-восток от Переяславля-Залесского находится поселок Берендеево, давший имя железнодорожной станции, к северу от которой простирается Берендеево болото; близи этого болота есть возвышенность, с которой связано предание, что именно здесь был некогда город берендеев, в котором жил знаменитый сказочный царь Берендей. Вблизи этого болота современные поселения носят явно тюркские названия, как Абашево, Бакшеево, Балакирево, Итларь. Наконец, третья группа — еще восточнее, в районе Юрьева-Польского и Суздаля. В пятнадцати километрах на северо-восток от Суздаля, близ реки Нерли (притока Клязьмы), находится деревня Торчино, а в пятнадцати километрах от Суздаля на северо-запад, на реке Ирмизе, известно село Торки, упоминаемое с 1462 года.

Очень интересно с приведенными топографическими данными сопоставить данные археологические. На Юрьевой горе у Юрьева-Польского было обнаружено кочевническое погребение с конем, которое по манере погребения и инвентарю представляет, по определению А. А. Спицына, ближайшую аналогию с курганами киевских черных клубков; оно датировано XII—XIII веками. А. А. Спицын сначала склонялся приписать эту могилу «мирному обывателю северного Кавказа, явившемуся в Суздаль хотя бы по торговым делам», но позже переменял свое мнение и счел ее «несомненно половецким характерным курганом». А. А. Спицыну еще

не были известны следы черноклобуцких поселений в Ростово-Суздальской Руси; нам же кажется естественнее считать это юрьевское погребение — берендейским или торкским.

Вспомним, что уже Владимир Святой ходил с торками в 985 году в поход на волжских болгар и что у самих болгар был город Торческий. Очевидно, торки, вместе с берендеями, уже в X веке втягивались в орбиту болгарской и русской политической жизни на Средней Волге, результатом чего явились их поселения в Ростово-Суздальской Руси.

В заключение надо еще упомянуть об отдельных тюрках, попадавших на службу к русским князьям и занимавших у них различные должности. Так, знаем из летописей, что у великого князя Святополка II были конюх Сновид Изечевич и «овчюх» (овчар) — «торчин, именем Беренди»; при современниках Святополка — князе Давиде Игоревиче Волынском были муж Туряк и среди отроков — Улан и Колчко, а при Василько Ростиславиче Тербовльском — муж Кульмей; у князей Давида и Олега Святославичей Черниговских некто Торчин был даже близким дружинником, участвовавшим со своими князьями в Уветичевском съезде. Хронологически все эти известия относятся к концу XI — началу XII века, то есть к тому времени, когда Русь была особенно наводнена печенегами, торками и берендеями. Поэтому в тех случаях, когда перечисленные тюрки не обозначаются по своему племенному имени, их все же надо считать, скорее всего, торками, печенегами или берендеями.

Летописные сведения о черных клобуках на Руси прекращаются на границе XII и XIII веков: в 1202 году в последний раз они упоминаются под этим общим для них именем в Лаврентьевской летописи, в 1235 году последний раз упоминаются торки, а в 1206 году — берендеи. О печенегах есть известия до 1169 года. Все эти сведения относятся к Киевской Руси, о других местах их поселений у нас есть лишь единичные упоминания в XI—XII веках, и о дальнейшей судьбе там черных клобуков мы ничего не знаем.

В последний раз в истории киевские черные клобуки упоминаются при нашествии татар, и не в русском источнике, а тюркском, у Рашид ад-Дина. Описывая разрушение татарами Южной Руси в 1240 году, он сообщает: «Осенью

хулугинэ-ил, года мыши... царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок и в девять дней взяли большой город русских, которому имя Манкеркан (Киев. — *Ред.*)». Вероятнее всего, что татары, как полагает Грушевский, вытянули пограничных черных клобуков в степи, обратив их в своих рабов*. В современных туркестанских каракалпаках некоторые видят потомков киевских черных клобуков**.

Подводя итоги и сравнивая историю проникновения торков и печенегов в Угriu и Русь, видим, что эти степняки были главной силой, которая врвалась в пределы обоих государств на протяжении X—XI столетий и против которой

* А. Андрияшев (Александр Михайлович Андрияшев; 1863—1933 — русско-украинский историк, архивист. — *Прим. ред.*) высказал предположение, что черные клобуки «бежали (от татар) следом за половецкими ордами далее на запад» (в Угriu?). Что это не могло быть так, видно из Рашид ад-Дина, приводящего известие о нападении Батыя в 1240 году на «народ черных шапок».

** Известно, что при монголах отдельные, покоренные ими народности могли оказываться далеко от мест своего первоначально-го поселения. Другого воззрения на судьбу черных клобуков держались Н. Костомаров, А. Яблоновский (Александр Яблоновский; 1829—1913 — польский историк, этнограф и путешественник. — *Прим. ред.*) и ряд других ученых, считавших, что черные клобуки и после татарского нашествия остались на своих прежних местах, ассимилировались с местным русским населением и положили начало казачеству. Но еще сам Яблоновский должен был признать, что после татарского нашествия о черных клобуках нет никаких прямых известий. М. Грушевский особенно подчеркивал всю эфемерность этой точки зрения. Известно лишь несколько лиц на Украине — по-видимому, потомков черных клобуков, носивших в XVI—XVII веках имя Берендей. Таковы Берендей Пименович, землянин Киевский (уп. в 1500 году), Мишко Берендеевич, черкасский мещанин (уп. в 1552 году), Ждан Берендеевич (уп. в 1582 году), Берендей, сотник немировский (XVII век). В Московской Руси памятью о берендеях была особая шапка, называвшаяся берендейкой, которую носили в XVII веке. Даль еще приводит слово «берендейка», бытовавшее в живом великорусском языке его времени и обозначающее ремень с сумочкой для держания в ней фитиля, пороха или пуль при ношении огнестрельного оружия.

и Русь и Угрия одинаково огораживались системой валов и засек со стражей по линии этих засек. Но так как эти тюрки все же не переставали просачиваться внутрь Руси и Угрии и за ними двигались другие кочевники, оба государства стали селить степных беглецов на своих пограничьях или в наиболее важных стратегических пунктах. Так возникли обе важнейшие группы торков, печенегов и берендеев в Угрии и Руси — на путях с юга к их столицам: стольному Фейервару и стольному Киеву.

До середины XIII столетия, до самого конца Киевской Руси, эти тюрки не ассимилировались с русскими (да это, вероятно, и не входило в расчеты киевских князей, которым черные клобуки тем и были ценны, что представляли своеобразное конно-стрелковое войско с особой степной военной тактикой); до самого конца Киевской Руси мы видим их кочующими по Поросью, в вежах с «жены и дети и с стады и скоты многое множество». Нечто подобное было и в Угрии, где печенеги как раз до конца XIII века, не ассимилируясь, занимались скотоводством и коневодством, несли конно-стрелковую службу; еще в конце XV века в Угрии можно было видеть печенегов в халатах и оригинальных их шапках. К сожалению, у нас нет сведений о том, что представляли собою те многочисленные *villae Bissenogum* (города печенегов), которыми пестрят угорские грамоты, и многим ли отличались они от поросских черноклобуцких станов?

Что же касается значения печенегов, торков и берендеев в политической жизни обоих государств, то и в этом будет у Руси и Угрии немало сходных черт. Оба государства первоначально были наводнены ими. Огромный наплыв печенегов в X—XI веках в Угрию был еще многочисленнее, чем печенежско-торкское проникновение в Русь в первой четверти XI века. Но в Угрии печенеги попали в более крепкие тиски государственности, чем в Киевской Руси, и их роль поэтому во внутренних делах Угрии была несравненно скромнее. На Руси клобуки, поселенные у самого нерва тогдашней политической жизни — Киева, были втянуты как военная сила в начавшиеся с 30-х годов XII века беспрестанные междоусобные войны князей за столицу. Отсюда та исключительная роль черных клобуков в политической жизни

Южной Руси. В Угрии же шарвизские печенеги, расположенные под Секеш-Фейерваром, ни в чем похожем не участвовали, хотя Угрия знавала междоусобия и борьбу различных претендентов за угорский престол. Мы знаем лишь один смутный намек на подобную роль угорских печенегов — их, как уже говорилось, видят в упоминаемых хроникой «язычниках», измена которых решающим образом повлияла на исход борьбы короля Иштвана IV и его племянника Иштвана.

Но несмотря на то, что политическая роль печенегов в Угрии была менее значительна, чем на Руси, они до расселения в середине XIII века по Угрии новой волны тюркских беженцев — половцев были самым существенным азиатским элементом в Угрии. В этом отношении мы опять видим аналогию с Киевской Русью, в которой до татарского нашествия элемент печенежско-торкский (вместе с берендейским) был также наиболее значительным по сравнению с другими восточными.

- ¹ Д. А. Расовский, говоря о тюрках как об этноязыковой общности, использует этноним «турки» и производные от него, которые ныне обычно применяются для обозначения основного населения Турции. В данном издании, для удобства читателей, мы сочли возможным заменить их на термины «тюрки», «тюркские народы» и проч.
- ² Жозеф Дегин (1721—1800) — французский востоковед, профессор сирийского языка, хранитель древностей в Лувре.
- ³ Давид Леон Кагэн (1841—1900) — французский востоковед, писатель, путешественник.
- ⁴ Рене Груссе (1885—1952) — французский востоковед, историк искусства, член Французской академии.
- ⁵ Альбрехт Вирт (1866—1936) — немецкий историк, лингвист.
- ⁶ Дьярфаш Иштван (1822—1883) — венгерский историк, адвокат, член Венгерской академии наук.
- ⁷ Здесь и далее автор, согласно существовавшей долгое время традиции, употребляет этноним «татары» и производные от него прежде всего для обозначения монголов.
- ⁸ Петр Васильевич Голубовский (1857—1907) — российский историк. Работа «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII вв.» вышла в 1884 году.
- ⁹ Ибн Хордадбех (820—885) — арабский географ иранского происхождения, автор «Книги путей и стран».
- ¹⁰ Василий Владимирович Бартольд (1869—1930) — русский востоковед, тюрколог, арабист, исламовед, академик Санкт-Петербургской академии наук.
- ¹¹ Иосиф Маркварт (1864—1930) — немецкий историк, востоковед, иранист.

- ¹² Гардизи — персидский историк, автор написанной во второй половине XI века книги «Украшение известий», содержащей историю персидских царей и подробную историю Хоросана до 1041 года.
- ¹³ Бируни (973—1048) — персидский ученый-энциклопедист, автор трудов по истории, географии, филологии, астрономии, математике, механике, геодезии, минералогии, фармакологии, геологии.
- ¹⁴ Якут аль-Хамави (между 1178 и 1180—1229) — арабский писатель, историк и географ.
- ¹⁵ Мухаммед Ауфи (кон. XII — перв. пол. XIII) — персидский историк, филолог.
- ¹⁶ Ибн аль-Атир (Ибн аль-Асир; 1160—1233 или 1234) — арабский историк, дипломат. Автор «Полного свода всеобщей истории» и других сочинений.
- ¹⁷ Аль-Бакри (1014—1094) — арабский писатель, автор трудов по географии. В его «Книге путей и стран» содержатся сведения о славянах и их ближайших соседях.
- ¹⁸ Аль-Масуди (ок. 896—956) — арабский историк, географ и путешественник, автор не менее двадцати трудов по истории и географии.
- ¹⁹ Ибн Хаукаль (X век) — арабский географ и путешественник, автор «Книги путей и стран», которая содержит многочисленные сведения по истории и топонимике Халифата и окрестных стран.
- ²⁰ Насир Хосров (1004—1088) — персидский поэт, философ, религиозный деятель, путешественник. Автор «Книги путешествий» и других сочинений.
- ²¹ Махмуд ал-Кашгари (1028 или 1029—1101 или 1126) — тюркский филолог и лексикограф, автор словаря-справочника различных тюркских языков «Собрание тюркских наречий».
- ²² Аль-Омари (1301—1349) — арабский ученый-энциклопедист, географ, историк. В качестве секретаря египетского султана имел доступ к архивам мамлюкского государства. Сведения, изложенные в его трудах, не встречаются ни у одного автора.
- ²³ Низами Гянджеви (ок. 1141 — ок. 1209) — классик персидской поэзии, один из крупнейших поэтов средневекового Востока.
- ²⁴ Ширваншах (*перс.* шах львов) — титул правителей государства, существовавшего в области Ширван на северо-востоке современного Азербайджана в IX—XVI веках.
- ²⁵ Аль-Утби (961—1022, или 1036, или 1040) — арабский историк, автор написанного рифмованной прозой труда по истории правления Газневидов (до 1021) «История десницы».
- ²⁶ Поль Пеллио (1878—1945) — французский востоковед, синолог.
- ²⁷ Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло (1860—1936) — русский востоковед, географ, зоолог, путешественник.

- ²⁸ Ибн аль-Факих (втор. пол. IX — нач. X в.) — арабский географ, автор «Книги стран».
- ²⁹ Аль-Истахри (около 850—934) — арабский географ, автор «Книги климатов» и «Книги путей стран».
- ³⁰ Эдуард Роберт Рёслер (1836—1874) — австрийский историк и географ.
- ³¹ Фр. Ф. Вестберг (1864 — ?) — востоковед и историк хазар.
- ³² Ныне Волгоград.
- ³³ Ибн Фадлан (перв. пол. X в.) — арабский путешественник, писатель. В 921—922 годах в качестве секретаря посольства халифа ал-Муктадира посетил Волжскую Булгарию.
- ³⁴ Аль-Мукаддаси (946 или 947 — после 1000) — арабский географ и путешественник, автор труда «Лучшее разделение для познания климатов».
- ³⁵ Ибн Саид (1214—1274 или 1286) — арабский историк, географ, поэт.
- ³⁶ Гетум (Хетум; середина 1240-х — 1310-е) — армянский государственный деятель и историк, автор сочинения «Цветник историй земель Востока».
- ³⁷ Федор Иванович Успенский (1845—1928) — русский византист, академик Российской академии наук, автор «Истории Византийской империи».
- ³⁸ Петр Стоянов Мутафчиев (1883—1943) — болгарский историк, академик Болгарской академии наук.
- ³⁹ Субудай (Субэдэй; 1176—1248) — монгольский полководец, ближайший соратник Чингисхана.
- ⁴⁰ Абу Хамид аль-Андалуси аль-Гарнати (1080-1170) — исламский миссионер; единственный мусульманский писатель, побывавший на Руси; автор нескольких книг путешествий.
- ⁴¹ Ныне Энгельс.
- ⁴² Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879) — русский историк, ректор Московского университета в 1871—1877 годах, автор «Истории России с древнейших времен» в 29 томах.
- ⁴³ Федор Федорович Чекалин (1844—1893) — русский историк, археолог, этнограф.
- ⁴⁴ Любор Нидерле (1865—1944) — чешский археолог, этнограф и историк, член Чешской АН.
- ⁴⁵ Василий Васильевич Радлов (Фридрих Вильгельм Радлов; 1837—1918) — российский тюрколог, этнограф, археолог, один из основоположников сравнительно-исторического изучения тюркских языков и народов.
- ⁴⁶ Петахия (XII — начало XIII в.) — чешский раввин, предпринявший длительное путешествие, включавшее Восточную Европу, Кавказ и Ближний Восток, и оставивший о нем записки.

- ⁴⁷ Анна Комнина (1083–1153) — византийская принцесса, одна из первых женщин-историков. Автор «Алексиады» — повествования об эпохе правления своего отца, императора Алексея I Комнина.
- ⁴⁸ Оттон Фрейзингенский (между 1112 и 1114–1158) — немецкий писатель, историк, сын маркграфа австрийского Леопольда III и внук императора Священной Римской империи Генриха IV.
- ⁴⁹ Восстание болгар против Византии под руководством трех братьев Асений, увенчавшееся созданием Второго Болгарского царства во главе с династией Асений, правившей в 1187–1280 годах.
- ⁵⁰ Никита Хониат (Никита Акоминат; 1155–1213) — византийский историк, писатель, автор «Истории», представляющей собой подробное описание истории Византии и соседних народов с 1118 по 1206 год.
- ⁵¹ Робер де Клари — пикардийский рыцарь, участник и хронист Четвертого крестового похода (1198–1204), автор сочинения «Завоевание Константинополя».
- ⁵² Видин — город в Болгарии, на Дунае; в XIV–XV веках был столицей Западной Болгарии (Видинского царства).
- ⁵³ Иосафат Барбаро (1413–1494) — венецианский дипломат, путешественник, писатель. Первый из западноевропейцев описал Москву.
- ⁵⁴ Юлиан — венгерский монах-доминиканец, совершивший в 1230-е годы два путешествия на восток в поисках Великой Венгрии, прародины венгров.
- ⁵⁵ Насир ад-Дин Туси (1201–1274) — персидский ученый-энциклопедист, автор многочисленных сочинений по астрономии, математике, философии, географии и другим наукам.
- ⁵⁶ Шихабуддин ан-Нувайри (1279–1332) — арабский ученый-энциклопедист; его труд о поведении, предписанном нормами шариата, содержит важные исторические сведения.
- ⁵⁷ Рашид ад-Дин (ок. 1247–1318) — персидский ученый-энциклопедист, врач, министр государства Хулагуидов в 1298–1317 годах. Автор исторического труда «Сборник летописей».
- ⁵⁸ Дмитрий Иванович Яворницкий (Эварницкий; 1855–1940) — российский историк, археолог, этнограф, знаток истории запорожского казачества.
- ⁵⁹ Бродники — этнически смешанное, по всей видимости тюркско-славянское, население побережья Азовского моря, Нижнего Дона и Днестра в XII–XIII веках.
- ⁶⁰ Василий Осипович Ключевский (1841–1911) — российский историк, профессор Московского университета, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук по истории и древностям русским, глава Московской исторической школы.

- ⁶¹ Александр Евгеньевич Пресняков (1870—1929) — российский историк, член-корреспондент РАН.
- ⁶² Роберт Юрьевич Виппер (1859—1954) — русский историк, действительный член АН СССР.
- ⁶³ Евгений Францевич Шмурло (1853/1854—1934) — русский историк, член-корреспондент РАН, профессор Санкт-Петербургского и Юрьевского университетов.
- ⁶⁴ Госпожа, женщина (*тюркс.*).
- ⁶⁵ Аркадий Иоакимович Ляшенко (1871—1931) — историк литературы, член-корреспондент АН СССР, один из авторов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.
- ⁶⁶ Осип Антонович Самчевский (1799—1887) — историк, магистр Санкт-Петербургской духовной академии.
- ⁶⁷ Никандр Васильевич Молчановский (1856—1905) — историк, автор работ по истории Украины.
- ⁶⁸ Константин Йосеф Иречек (1854—1918) — чешский историк, автор трудов по истории Балкан.
- ⁶⁹ Неизвестный автор (в литературе именуется просто Анонимом) «Деяний венгров» — исторического сочинения на латыни, содержащего сведения о ранней истории венгров; хронист и нотариус при дворе предположительно короля Белы III (правил в 1173—1196 годах).
- ⁷⁰ Геза Фехер (1890—1955) — венгерский историк, археолог.
- ⁷¹ Янош Ерней (1800—1855) — венгерский историк, путешественник.
- ⁷² Александр Андреевич Спицын (1858—1931) — русский археолог, историк, член-корреспондент АН СССР. Автор датировок многих важнейших археологических памятников.

Содержание

Половцы.	5
Глава 1. Происхождение половцев	7
Глава 2. Расселение половцев	21
Глава 3. Пределы «поля половецкого»	37
Глава 4. Военная история половцев	74
О роли черных клобуков в истории Древней Руси	111
Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии	132
<i>Примечания</i>	186

- Р24 Расовский Д.
Половцы, торки, печенеги, берендеи / Дмитрий Расовский. — М.: Ло-
моносовъ, — 2016. — 200 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-341-4

В книгу видного историка русского зарубежья Дмитрия Расовского вошли три взаимосвязанные работы, посвященные тюркским народам, которые кочевали в IX—XIII веках в причерноморских степях. Первыми сюда из Заволжья пришли печенеги, затем торки, берендеи и еще несколько племен, о которых, кроме названий, мало что известно. Позже явились половцы и вытеснили своих тюркских сородичей частью в Болгарию и Венгрию, а частью в приграничные области Руси, где их приняли на военную службу русские князья. Под общим названием черных клобуков эти тюрки в XII веке сыграли весьма важную роль в жизни русских княжеств и порой даже решали, кто будет править в Киеве. Обо всем этом и рассказывается в книге Дмитрия Расовского.

Дмитрий Александрович Расовский (1902—1941) — философ, этнограф, историк и археолог, доктор философии Пражского университета. Написанные в 1930-х годах и тогда же опубликованные в эмигрантских изданиях, его работы хорошо знакомы специалистам, но совершенно неизвестны обычному читателю.

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Дмитрий Расовский

Половцы, торки, печенеги, берендеи

Редактор А. Ушаков
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Пушина

Подписано в печать 28.07.2016.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 12,5. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано:
Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 495 221-89-80

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 1 Лев Минц. **КОТЕЛОК дядюшки Ляо**
- 2 Виталий Бабенко. **ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ**
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. **ЖИЗНЬ «ИВАНА»**
- 4 Владислав Петров. **ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ**
- 5 Свен Хедин. **В СЕРДЦЕ АЗИИ**
- 6 Геннадий Коваленко. **РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА**
- 7 Лев Минц. **ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО**
- 8 Бенгт Янгфельдт. **ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ**
- 9 Олег Ивик. **ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ**
- 10 Анна Мурадова. **КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ**
- 11 Даниэль Клугер. **ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО**
- 12 Валерий Гуляев. **ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ**
- 13 Светлана Плетнева. **Половцы**
- 14 Ким Малаховский. **ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР**
- 15 Алексис Трубецкой. **КРЫМСКАЯ ВОЙНА**
- 16 Валерий Гуляев. **ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**
- 17 Олег Ивик. **ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ**
- 18 Виолен Вануайек. **ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА**
- 19 Яков Свет. **ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ**
- 20 Лев Минц. **БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК**
- 21 Аксель Одельберг. **НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА**
- 22 Гомбожаб Цыбиков. **БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА**
- 23 Никита Кривцов. **СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ**
- 24 Олег Ивик. **ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ**

- 25 Виктор Бердинских. Речи немых
- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
- 27 Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ И ПРОЧИЕ...
- 28 Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
- 29 Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
- 30 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
- 31 Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
- 32 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
- 33 Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 34 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
- 35 Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
- 36 Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
- 37 Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
- 38 Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
- 39 ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ
- 40 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XVIII ВЕКА
- 41 Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ
- 43 Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
- 44 Алексей Смирнов. СКИФЫ
- 45 Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ, ОБЫЧАИ

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 46 Генри Чарлз Ли. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ
- 48 Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
- 49 Лев Ельницкий. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА
- 50 Юрий Чернышов. ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ
- 51 Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ
- 52 Сергей Макеев. ДЕЛО О СИНЕЙ БОРОДЕ
- 53 Борис Романов. ЛЮДИ И НРАВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
- 54 ПЕЧЕНЕГИ
- 55 Генрих Вильгельм Штоль. ДРЕВНИЙ РИМ В БИОГРАФИЯХ
- 56 Алексей Смирнов. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РУССКИЙ ЦАРЬ
КАРЛ ФИЛИПП, или ШВЕДСКАЯ ИНТРИГА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
- 57 Александр Куланов. ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ
- 58 Валерий Ярхо. ИЗ ВАРЯГ В ИНДИЮ
- 59 ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ В МЕМУАРАХ ВОСПИТАНИЦ
- 60 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕКСА В МИФАХ И ЛЕГЕНДАХ
- 61 Михаил Мочалов. ДРЕВНЯЯ АССИРИЯ
- 62 Константин Кудряшов. АЛЕКСАНДР I И ТАЙНА ФЕДОРА КОЗЬМИЧА
- 63 Виктор Калашников. РУССКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
- 64 Рафаил Нудельман. ПРОГУЛКИ С БИБЛИЕЙ
- 65 МОСКОВИЯ ПРИ ИВАНЕ ГРОЗНОМ ГЛАЗАМИ ИНОЗЕМЦЕВ
- 66 Георгий Вернадский. РУССКОЕ МАСОНСТВО В ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕКАТЕРИНЫ II
- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. СЮННУ, ПРЕДКИ ГУННОВ,
СОЗДАТЕЛИ ПЕРВОЙ СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ
- 68 Константин Иванов. ТРУБАДУРЫ, ТРУВЕРЫ, МИННЕЗИНГЕРЫ

- 69 Галина Шебалдина. Заложники ПЕТРА I и КАРЛА XII
- 70 ТАМЕРЛАН — ПОКОРИТЕЛЬ АЗИИ
- 71 Василий Смирнов. КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В XVIII ВЕКЕ
- 72 Яков Канторович. ПРОЦЕССЫ О КОЛДОВСТВЕ В ЕВРОПЕ
и РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
- 73 Татьяна Георгиева. РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА
- 74 Александр Васильев. ВИЗАНТИЯ и КРЕСТОНОСЦЫ.
ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ
- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТОЙ ЕДЫ
- 76 Геннадий Левицкий. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
- 77 Василий Веретенников. ИСТОРИЯ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ
ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ
- 78 Олег Ивик. ИСТОРИЯ и ГЕОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА
- 79 Константин Иванов. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАМОК, ГОРОД, ДЕРЕВНЯ
и ИХ ОБИТАТЕЛИ
- 80 Алексей Бокшанин, Олег Непомнин. ЛИКИ СРЕДИННОГО
ЦАРСТВА
- 81 Петр Черкасов. КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЕ
- 82 Василий Бартольд. ТЮРКИ
- 83 ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ
- 84 Ирина Опимах. ЖИВОПИСНЫЕ ИСТОРИИ
- 85 Владимир Печенкин. СОВЕТСКАЯ ВОДКА
- 86 Георгий Вернадский. КИЕВСКАЯ РУСЬ
- 87 Михаил Артамонов. КИММЕРИЙЦЫ и скифы
- 88 Дмитрий Колосов. АРИИ
- 89 Леонид Васильев. КУЛЬТЫ, РЕЛИГИИ, ТРАДИЦИИ в КИТАЕ
- 90 Василий Болотов. ТРИ ПЕРВЫХ ВЕКА ХРИСТИАНСТВА

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 91 Витольд Новодворский. **ИВАН ГРОЗНЫЙ И СТЕФАН БАТОРИЙ:
СХВАТКА ЗА ЛИВонию**
- 92 Вадим Эрлихман. **АНГЛИЙСКИЕ КОРОЛИ**
- 93 Валерий Ярхо. **ИНОЗЕМЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ**
- 94 Олег Ивик, Владимир Ключников. **Гуны**
- 95 Геннадий Левицкий. **ЖЕНЩИНЫ ДРЕВНЕГО РИМА**
- 96 Исаак Фильштинский. **АРАБЫ И ХАЛИФАТ**
- 97 Алексей Шкваров. **ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА**
- 98 Илья Кораблев. **ГАННИБАЛ**
- 99 Дмитрий Боровков. **ВЛАДИМИР МОНОМАХ, КНЯЗЬ-МИФОТВОРЕЦ**
- 100 Петр Черкасов. **ШПИОНСКИЕ И ИНЫЕ ИСТОРИИ
ИЗ АРХИВОВ РОССИИ И ФРАНЦИИ**
- 101 Владимир Горончаровский. **РИМСКИЕ ГЛАДИАТОРЫ:
ЖИЗНЬ НА ГРАНИ СМЕРТИ**
- 102 Виктор Бердинских. **ТАЙНЫ РУССКОЙ ДУШИ**
- 103 Ауртни Бергманн. **ТОРВАЛЬД СТРАННИК**
- 104 Геннадий Коваленко. **ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
В ИНОСТРАННЫХ СОЧИНЕНИЯХ**
- 105 Людмила Ивонина. **ДРАМА ДИНАСТИИ СТЮАРТОВ**
- 106 Игорь Тантлевский. **ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ИЗРАИЛЯ
И ИУДЕИ**
- 107 Станислав Чернявский. **АНТИОХ ВЕЛИКИЙ, «ЦАРЬ АЗИИ»**
- 108 Георгий Вернадский. **ЗВЕНЬЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ**
- 109 Владимир Соколов. **ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ. ОТ ГОНЕНИЙ К ТРИУМФУ**
- 110 Антон Горский. **СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ**
- 111 Вера Курская. **ИСТОРИЯ ЛОШАДИ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

- 112 Антон Горский. **МОСКВА и Орда**
- 113 Александр Васильев. **ИСТОРИЯ Византии от основания Константинополя до эпохи Крестовых походов. 324—1081 годы**
- 114 Дмитрий Занков. **РУСЬ за трапезой**
- 115 Людмила Морозова. Андрей Дёмкин. **РУССКИЕ царицы и царевны XVII века**
- 116 Виктор Бердинских. **РУССКИЕ у себя дома**
- 117 Михаил Мочалов, Дмитрий Полежаев. **ДЕРЖАВА САСАНИДОВ. 224—652 годы**
- 118 Станислав Чернявский. **МИТРИДАТ Великий, «ПОСЛЕДНИЙ эллин»**
- 119 **МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО XV—XVII веков по сказаниям современников-иностранцев**
- 120 Владимир Соколов. **ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ Древней Церкви. На пути к расколу**
- 121 Елена Смилянская. **ВОЛШЕБНИКИ, БОГОХУЛЬНИКИ, ЕРЕТИКИ в сетях российского сыска XVIII века**
- 122 Варвара Пономарева, Любовь Хорошилова. **МИР РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ: СЕМЬЯ, ПРОФЕССИЯ, ДОМАШНИЙ УКЛАД. XVIII — начало XX века**
- 123 Андрей Дёмкин. **ЛЕЙБ-КОМПАНИЯ императрицы Елизаветы Петровны**
- 124 Лариса Печатнова. **Древняя СПАРТА и ее герои**
- 125 Татьяна Лабутина. **МИР английской леди. ВОСПИТАНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ, СЕМЬЯ. XVII — начало XVIII века**
- 126 Георгий Вернадский. **РУССКИЕ ЗЕМЛИ в Средние века**
- 127 Нонна Марченко. **БЫТ и нравы пушкинской эпохи**
- 128 Наталья Петрова. **Повседневная жизнь русской школы**

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Дмитрий
Расовский

Половцы,
торки, печенеги,
берендеи

В книгу видного историка русского зарубежья Дмитрия Расовского вошли три взаимосвязанные работы, посвященные тюркским народам, которые кочевали в IX–XIII веках в причерноморских степях. Первыми сюда из Заволжья пришли печенеги, затем торки, берендеи и еще несколько племен, о которых, кроме названий, мало что известно. Позже явились половцы и вытеснили своих тюркских сородичей частью в Болгарию и Венгрию, а частью в приграничные области Руси, где их приняли на военную службу русские князья. Под общим названием черных клобуков эти тюрки в XII веке сыграли весьма важную роль в жизни русских княжеств и порой даже решали, кто будет править в Киеве. Обо всем этом и рассказывается в книге Дмитрия Расовского.

Дмитрий Александрович Расовский (1902—1941) — философ, этнограф, историк и археолог, доктор философии Пражского университета. Написанные в 1930-х годах и тогда же опубликованные в эмигрантских изданиях, его работы хорошо знакомы специалистам, но совершенно неизвестны обычному читателю.

ISBN 978-5-91678-341-4

9 785916 783414

Половцы, торки,
печенеги, берендеи

Дмитрий Расовский

